КЛЮЧ К БУДУЩЕМУ — В ПРОШЛОМ

ОЛЕГ РОЙ

2135

ПЛАНЕТА-ИЗГОЙ

ИЗГОИ

01

Планета-изгой
Олег Юрьевич Рой

Аннотация
Олег Рой. Планета-Изгой
Глава 1. После кошмара
Глава 2. Чужие
Глава 3. Западня
Глава 4. Friendly fire
Глава 5. Осиное гнездо
Глава 6. То, что мертво…
Глава 7. Семья обреченных
Глава 8. Другой Марс
Глава 9. Принцесса, заставляющая вещи говорить
Глава 10. Воины волн
Глава 11. Ангелы на краю бездны
Глава 12. Спасенные
Глава 13. Недостающий элемент
Глава 14. Разъяренный остров
Эпилог. Мертвец идет

Аннотация

На заре космической эры изгнанники с Земли основали колонию на Марсе и объявили о своей независимости. Спустя 300 лет и две кровопролитные войны на Земле все еще неспокойно.

Штатная репортерская поездка Слободанки Вуич на юг Земли оборачивается бойней, и все ниточки ведут на Марс.

В это же время далеко в космосе спецотряд Планетарных Сил натыкается на корабль противника. Экипаж марсиан мертв, и в пустом коридоре их встречает странная девочка.

Третья космическая война на пороге, но выживут ли герои, чтобы застать ее начало?

Олег Рой
Планета-Изгой

© Рой О., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Черные корабли, похожие на кляксы или обрывки ночного кошмара, проносились над городом, и их было слишком много. Значит, орбитальные силы разбиты, оборона проломлена, и теперь врага не остановит уже ничего.

Она понимала, что ее мир обречен. С этим врагом не о чем было договариваться, она знала это заранее. Шестым чувством ощущала исходящую от *них* угрозу. Даже не угрозу, нет. Они смотрели на людей как на добычу. Охотник не станет договариваться со зверем, которого хочет убить. И они тоже не собирались договариваться с людьми.

Она крепче сжала удобную рукоять нейробластера — новинки, только недавно принятой на вооружение. Автоматические заводы штамповали их без перерыва с такой интенсивностью, что сверхнадежные мультипринтерные агрегаты выходили из строя, — и все равно этих нейробластеров было очень, очень мало.

«Только поможет ли он мне, когда я столкнусь с Врагом?» — думала она.

Она видела проносящиеся над крышами домов кляксы — их называли штурмовиками, хотя скорее это были универсальные юниты, одинаково легко справлявшиеся как с наземной обороной, так и с техникой, включая атмосферную

и космическую. По штурмовикам с крыш били автопушки-рельсотроны, практически безвредные для этих аппаратов, били лучевые сарисы — установки импульсного излучения, теоретически способные повредить штурмовик врага. Практически…

Практически все понимали, что у людей не было шанса, вернее, шанс был — один-единственный. И люди сражались не для того, чтобы победить, — их задачей было замедлить продвижение противника, пока гражданское население не воспользуется тоннелем, чтобы эвакуироваться с уже обреченной планеты.

Вторжение наземных сил врага уже началось, но пока Планетарные войска обороны кое-как его сдерживали. Люди гибли, не причиняя врагу существенного ущерба, просто для того, чтобы собрать последних гражданских, которые еще оставались в Городе, и отвести к точке эвакуации. Потом… потом неважно, что будет. Ей предстояло погибнуть, а то и что похуже. Она знала это — и оставалась на своем посту с отвагой обреченного. Если она погибнет, то погибнет не напрасно.

Штурмовики ушли на круг, но она точно знала, что они вернутся. Пользуясь передышкой, из переулка стали выбегать гражданские в сопро-

вождении гвардейцев. Перемещаться во время налета никто не решался, на то были веские причины. Люди находились на грани отчаяния и паники, казалось, они не понимают, куда и зачем идут, и если бы не гвардейцы, просто бесцельно метались бы по городу. Она заметила в толпе знакомую девушку, кажется, та была в секте пацифистов, ратовавших за примирение с Врагом. Девушка из секты была беременна.

«Тяжело ей будет, должно быть», — подумала она. И тут к ней подбежала маленькая рыжеволосая девчушка в комбинезоне, чем-то похожая на ее собственную дочь:

— Тетя, я не знаю, где моя мама, где…

Взрыв на заднем фоне заглушил ее слова. Черная, похожая на каракатицу тень чужого корабля-штурмовика пронеслась у них над головами. Ожили зенитки на крышах (точнее, ожили они несколько раньше, еще до того, как за баррикадами пространство улицы залило красное, как кровь, пламя взрыва), сверкающие стрелы импульсных лазеров впились в переливчато-черный абсолютно чужой борт. Только что несущийся на сверхзвуке враждебный корабль на миг завис, словно в раздумье, затем, взвив вокруг себя рой щупалец, метнулся назад, отпле-

вываясь сгустками черноты по домам и плоским крышам. Врезаясь в бетонные стены, эти сгустки на короткое мгновение расплющивались, словно детская игрушка-прилипала, и бетон под ними начинал кипеть и пузыриться, а затем стекал вниз, как пластилин в огне паяльной лампы. Один из сгустков попал в орудийную платформу на балконе. Та в мгновение ока обмякла, словно сделанная из пластичной резины, а затем растеклась лужицей; обслуживающие платформу солдаты, заляпанные брызгами черноты, прыгали вниз с высоты третьего этажа, но до земли долетали бесформенными, дымящимися грудами останков.

Молодой субальтерн, почти мальчик, наверно, вчерашний курсант, бросился к ней, напуганный не меньше девочки, которую она инстинктивно подхватила на руки и прикрыла собой с появлением вражеского аппарата:

— Командир, они прорвали оборону на западе! Мы отступили ко второй радиальной улице, но сквер полностью потерян, на открытом пространстве невозможно удержаться!

Она передала девочку альтерну:

— Отнеси к точке эвакуации. Девочка отбилась от семьи. Отдай стюардам, они найдут ее маму.

— Тетя, идем со мной, — тихо сказала малышка. — Я боюсь, чудовища схватят тебя, как папу…

— Ну что ты, милая, — ответила она, погладив девочку по испачканной сажей щеке. — Я солдат, я не боюсь чудовищ. И ты не бойся. Скоро вы с мамой будете в спокойном месте, у моря. Ты любишь море?

Опять затрещали зенитки, и она, не услышав ответа девочки, махнула альтерну: беги! Когда тот рванул наутек, она посмотрела на коммуникатор.

Она могла бы и не делать этого — в ее секторе было чуть лучше, чем в других, но это лишь если в данной ситуации применимо понятие «лучше». Их окружили; враг методично, как на учениях, брал квартал за кварталом, а ее войска, огрызаясь, отступали. На улице, уходящей вдаль справа от нее, было взято три баррикады из семи, на соседней — все пять, значит, враг вот-вот окажется в поле зрения. Она даже слышала стрекот автоганов, завывание нейробластеров, разрывы гранат, доносящиеся оттуда. Но хуже всего было то, что каждый налет штурмовика гасил три-четыре зенитки — без видимого ущерба для нападающих.

Она связалась со своим заместителем по ПВО:

— Есть сведения по потерям противника?

— Нет, — честно ответил он. — Они бьют и сразу отступают, видимо, чтобы мы не успели их повредить. Они используют какое-то силовое поле, если вы…

Знакомый вой заглушил слова зама. Вновь залаяли зенитки, и в их лае ей почудилась уже даже не паника — обреченность. Наступающий враг превосходил их настолько, насколько они сами превосходили дичь, на которую она в молодости охотилась в диких краях Нового Света.

Но и дичь, загнанная в угол, может огрызаться. Сначала раздался хлопок, потом все вокруг сделалось багровым. Ей в лицо пахнуло жаром, она инстинктивно прикрылась руками с планшетом и, кажется, даже испуганно взвизгнула. Какой позор для офицера! А затем дом справа слился с чернотой упавшего штурмовика, постоял, словно облитый от крыши до фундамента густой смолой, и осел, потек дымящейся лавой, выжигая почву.

Она нервно рассмеялась. Они не бессмертны. Не боги, которыми они себя считали и, что хуже, которыми считал их кое-кто из людей. Они смертные. Их можно убить. Сложно, но можно.

Вновь ожила рация, заговорила голосом ее мужа, лежавшего в коме в Центре управления. Смертельно раненный, он тем не менее управлял

обороной города, и если ей чего-то хотелось в эту минуту, то это добраться до Центра, чтобы умереть рядом с ним, отключив предварительно системы жизнеобеспечения, поддерживающие и потихоньку восстанавливающие его искалеченное тело. Робомед мог бы полностью его исцелить…

…если бы у них было хоть немного времени.

— Внимание всем! Последняя группа гражданских только что была эвакуирована. Через десять секунд точка эвакуации будет ликвидирована. Приказываю всему уцелевшему составу сил самообороны собраться у Центра управления. Примем наш последний бой, а если не выйдет…

Она огляделась по сторонам, потом вновь посмотрела на коммуникатор. О, Творец, как же быстро все изменилось — противник прорвал оборону на всех направлениях, впереди и на флангах у нее не осталось ни одного бойца. Почему же они еще не здесь? Некогда думать — она бросилась в один из переулков, перепрыгивая через лужи дымящейся слизи, которая могла быть и остатками каких-то конструкций, и бренными останками кого-то из людей. Сейчас уже неважно. Ничего уже не важно. Она умрет, но лишь бы ей умереть рядом с ним…

Из короткого простенка между домами к ней бросились странные существа, выполнявшие у врага функцию служебных дронов или охотничьих псов. Это были отвратительные сгустки материи, покрытые бугристыми выпуклостями и странными щетинками, похожими на кошачьи вибриссы. Несколько несимметрично расположенных трубок на теле этих существ плевали сгустками плазмы вроде тех, которыми стреляли штурмовики. Эта плазма прожигала насквозь любую материю, любую броню. Но еще хуже было то ощущение сковывающего ужаса, которое эти твари могли вызвать у человека, если сконцентрируют на нем свое внимание.

Не тратя драгоценные заряды нейробластера, она выхватила автоматический пистолет и выпустила очередь по существам. «Собачки» были не столь живучи, как штурмовики или медлительные наземные «танки» врага, — несколько тел обмякли и растеклись прожигающими асфальт лужицами, остальные твари бросились наутек.

Она метнулась в противоположную сторону, но увидела впереди темный силуэт одного из врагов и быстро юркнула в проход между зданиями: пробовать прорваться мимо этого *существа* не имело смысла. Чудовища, как их назвала рыже-

волосая девочка, так похожая на ее дочь, были очень живучими. Даже более живучими, чем «танки» или штурмовики.

Но не бессмертными, напомнила себе она.

Она остановилась в каком-то узком переулке, похожем на тоннель меж двух небоскребов, чтобы сориентироваться. Планета под ногами дрожала, вызывая дежавю. Неужели опять… но это тоже было уже неважно. Центр управления был совсем рядом: два квартала, потом повернуть — и на месте. Она бросилась в нужном направлении…

…и тут же увидела перед собой черную громадину. *Враг.*

Она знала его в лицо — впрочем, у Врага не было лица. Знала, что обречена: если Враг так близко, ничего не спасет. И внезапно вместо страха почувствовала что-то другое. Она вскинула нейробластер и нажала на гашетку.

Раздался тихий вой — звук нейробластера на расстоянии слышался лучше, чем рядом; воздух между ней и Врагом подернулся маревом, какое бывает в жаркий день над раскаленным асфальтом. А затем пришел страх, такой, какой она ни разу в жизни не испытывала. Это нельзя было даже назвать страхом — полная, жуткая,

космическая безнадежность…

Глава 1
После кошмара

Некоторые действия человека со временем доходят до автоматизма. И в этом есть свои плюсы.

— Комната, свет, — сказала Слободанка Вуич, еще толком не проснувшись, но примитивный искусственный интеллект ее квартиры чутко среагировал — и залил ее скромное жилище потоком комфортного, неяркого света. Одновременно, правда, погасив все сопутствующие программы, так что комната, которую занимала Слободанка, предстала перед ней в первоначальном виде.

Все, кроме огромного панорамного окна, затемненного изнутри и полностью зеркального снаружи, было стерильно-белым. Меблировка комнаты была минимальной — два внутристенных шкафа надежно спрятаны, так, что пока хозяйка не велит системе их открыть, об их существовании даже не подозреваешь. В одном из этих шкафов — робокухня с холодильником, в другом — гардероб и хранилище всего необходимого для жизни. Три двери также полностью сливались со стеной — санузел, душ и крохотная

прихожая, из которой можно было попасть на площадку с лифтами.

У окна — довольно большая кровать с покрывалом и подушкой, меняющей форму и текстуру по желанию. В центре комнаты — куб, по воле хозяйки превращающийся в рабочий или обеденный стол, но чаще — в то и другое одновременно. У стола — два стула. Все.

Свет лился с потолка, стены тоже немного фосфоресцировали. Пол был застлан ковровым покрытием, но понять это можно было лишь тогда, когда ты видел комнату вот так — без наложенных программ.

Человечество давно поняло простую истину: мир — это во многом наши ощущения. Комфорт и реальность очень мало между собой перекликаются. Комфорт тоже в основном у нас в голове, в нашем воображении.

— Программа номер тридцать два, с начала, — сказала Слободанка, опуская босые ноги на ковровое покрытие. Впрочем, ее пальцы коснулись уже не ковра, а неестественно мягкой, шелковистой, покрытой теплой росой травы. Комната буквально исчезла — стены стали соснами, промежутки между которыми заполнял частый подлесок; потолок потемнел и заискрился

яркими, но уже тускнеющими перед рассветом звездами; в центре комнаты появилась беседка со столом и лавочками. Завершали картину пение предрассветных пичужек, свежий, но теплый ветерок, пахнущий луговыми травами, и едва заметная алая полоса рассвета на стене, у которой стояла неуместная в таких условиях кровать. Кровать, впрочем, уже убиралась в пол, при этом покрывало на нем само собой растянулось так, что скоро кровать стала напоминать просто холмик, за которым, вдали, разгоралась полоска рассвета.

— У вас повышен пульс, — донесся из ниоткуда мягкий женский голос, — и увеличенное содержание в крови кортизола и адреналина. Желаете стрессотерапию?

— Не стоит, Сэлма, — улыбнулась Слободанка, — это лишь дурной сон. А злоупотреблять успокоительными чревато.

— Это четвертый раз за месяц, — заметила Сэлма, искусственный интеллект ее «умного дома». — Возможно, вам стоит записаться к киберневрологу.

— Из-за каких-то снов? — возразила Слободанка. — Вот еще! Я просто приму контрастный душ, стандартный, а ты пока приготовь кофе и

завтрак. Что у нас в расписании?

— Рацион «Фитнес-тип» номер четыре, — сообщила Сэлма. Имена электронным помощникам давали многие, этой традиции было уже лет двести, наверное.

— Замени на стандарт номер два, — распорядилась Слободанка. — Хочу чего-то мясного, надоела каша.

— Как скажете, — ответила Сэлма. — Душ готов. У вас напоминание на семь утра, зачитать сейчас или подождать до срока?

— Можешь удалить, — ответила Слободанка, открывая дверь в душевую. Она не раздевалась, поскольку спала всегда в чем мать родила, как и большинство одиноких жителей Виктори-сити. Зачем нужна домашняя одежда, если живешь один, а в доме всегда такая «погода», которая сейчас тебе кажется комфортной?

Душевая была еще более аскетичной, чем комната, — небольшое прямоугольное помещение, с одной стороны которого имелось возвышение вроде полочки. Но она выглядела так лишь до того момента, пока туда не вошла Слободанка. Когда дверь за ней закрылась, стены душевой стали зеркальными, зазвучала приятная музыка и со всех сторон ударили сильные, но нежные

струи воды.

Говорят, в Южном Централе жители продолжали пользоваться бытовой химией — мылами, шампунями и прочим. Слободанке и другим обитателям Северных ветвей в этом не было необходимости — вода, которая лилась со всех сторон, была насыщена наноботами, выполнявшими все косметические функции. И не только: особо ушлые из этих малявок следили за здоровьем кожи, за общим состоянием организма, могли поднять тревогу, если здоровье начинало ухудшаться, а также уничтожали заразу, если таковая попадала в организм клиента и не успевала еще толком размножиться.

Струи сменились густыми клубами пара, также насыщенного наноботами; температура то поднималась градусов до полутораста по Фаренгейту, то падала почти до шестидесяти. Душ включался еще несколько раз, в последнее включение он был наполнен ароматическими отдушками и разными полезными добавками. Потом свет стал ярче, и поток воздуха высушил кожу и волосы Слободанки. Достав из замаскированного в стене шкафчика устройство, ничем не напоминающее расческу, но являющееся именно ею, Слободанка задала программу и терпеливо ждала, пока робот

сделает ей ту прическу, какую она хотела.

— Кстати, вы сегодня не тренируетесь, — сказала Сэлма, визуализируясь в виде голограммы красивой темнокожей девушки в белом платье. — Почему?

— У меня день тишины, — ответила Слободанка. — Я чувствую, что тренировка сегодня не даст мне ничего нового. Как там мой завтрак?

— Готов, можете забирать, — сообщила Сэлма. — Предлагаю вам приобрести робостюарда от завода «Симпли Ассистент». Поступила новая модель, в которой…

— Неинтересно, — отмахнулась Слободанка, открывая шкафчик, в котором ее дожидались поднос с завтраком и большой кофейник. — Новости тоже не включай.

— Для вас сообщение, — сказала Сэлма, — от мистера Хэндрикссона.

— Что там? — поинтересовалась Слободанка, переставив поднос на стол.

— Просьба связаться, как проснетесь, — ответила Сэлма.

— Просьба шефа автоматически приравнивается к приказу.

Слободанка с сожалением посмотрела на кофейник и подошла к стене, скрывавшей шкафы.

Заставив касанием открыться одну из секций, она сняла с плечиков нечто напоминающее комбинезон и с неохотой натянула его на себя. Никаких видимых замков комбинезон не имел, только ремешок чуть повыше ключицы; разрез, через который комбинезон надевался, затянулся сам, стоило Слободанке надеть на себя эту одежду. Ремешок она застегивать не стала.

— Какие у меня сегодня доступны текстуры? — спросила она, садясь наконец за стол. — Нужно что-то скромное вроде того китайского платья.

— У вас все текстуры оплачены, кроме тех, что вы велели вернуть, — ответила Сэлма. — Мне составить вам компанию за завтраком?

Пока она говорила это, комбинезон Слободанки превратился в легкое ситцевое платье, оставлявшее открытыми руки и большую часть плеч, но прикрывавшее ноги почти до лодыжек.

— Сделай его потемнее, милая, — попросила Слободанка. — Увы, нет, за завтраком мне придется общаться с мистером Хэндрикссоном, хотя твоя компания мне нравится больше.

— Я всегда к вашим услугам, — заверила Сэлма и исчезла, даже не мигнув. Платье Слободанки потемнело, на груди появилась брошь, украшенная рубинами.

— С брошью, кажется, перебор… — задумчиво протянула Слободанка, но тут же поспешно добавила: — Нет, не убирай, пусть остается.

Она налила себе кофе из кофейника и отрегулировала на чашке температуру, сладость и вкус, добавив ванили, после чего попросила связать ее с Хэндрикссоном.

Прямо перед Слободанкой на столе вспыхнул зеленоватый столб света, и в нем появилось некогда эффектное, но слегка потерявшее тонус лицо пожилого мужчины. Хэндриксон был немного похож на Джорджа Буша, одного из непримечательных политиков государства, существовавшего на территории Виктори-сити два века назад.

— Доброе утро, Боб, — приветствовала его Слободанка, лучезарно улыбаясь.

— Я бы сказал «доброе утро», если бы оно было добрым, — хмуро заметил Хэндрикссон. — Вы считаете, что это смешно?

— Что именно? — уточнила Слободанка озадаченно.

На шее мистера Хэндрикссона проступили красные пятна:

— Если я вам говорю, что информация не может быть размещена в открытом доступе, я говорю

так не потому, что я злобный старый…

— Не такой вы и старый, — перебила его Слободанка. — Девяносто лет в наше время — это вполне средний возраст. Мой дядя…

— Я помню, кто ваш дядя! — отрезал Хэндрикссон. — Иначе вы со своей склонностью к правдорубству давно бы блогерствовали дома, проверяя вакансии на бирже труда. Которых немного, особенно на Севере. Слободанка, вам, конечно, плевать на мои неприятности…

— Боб, мне *не плевать*, — ответила Слободанка. — Но я по-прежнему понятия не имею, о чем идет речь. И если…

— О миссис Китон, конечно, — пояснил Хэндрикссон. — Ее адвокаты сидят на наших архивах с вечера, причем физически они при этом расположились прямо в нашей редакции. Можете представить себе, что нужно было сделать, чтобы они заявились к нам из своих тропических резиденций физически, а не в виде голографических доппельгангеров? И у меня стойкое впечатление, что они знают, кого ловить.

— Кого? — Слободанка даже пару раз хлопнула ресницами, делая вид полной наивной невинности.

— А как вы думаете? — криво ухмыльнулся

Хэндрикссон. — Только учтите, что Китон — из клана Кушниров, а для старика Брэда даже ваш дядя — не та величина, чтобы забиться в угол и молчать. Им не повредило даже то, что одного из их «столпов» сослали на Марс по делу «Стигмы-3» и теперь он там один из трех оберкомиссаров! Кушниры де-факто рулят Южным Централом, а какие там проворачивают дела, вы хорошо знаете.

Слободанка помрачнела и промолчала. То, что Север жил за счет экономики Юга (и в меньшей мере — подводных городов на литорали), было известно каждому. Но было и «второе дно». В промышленно развитых, но бедных районах Южного Централа процветали коррупция, организованная преступность и разные серые и, прямо скажем, черные схемы выколачивания киловатт: валютой Виктори-сити, как и всего мира, включая даже далекий и независимый Марс, была энергия. И ее выпускалось меньше, чем присутствовало в обороте.

— Кстати, о Южном Централе, — продолжил Хэндрикссон. — Сегодня в Ремансу заварушка на одном из заводов ЭМБРАЕР. Корпорация хочет его снести, персонал, конечно, против — они и так там не жируют, а тут две тысячи человек фак-

тически вышвыривают на улицу. Надо сделать хороший репортаж — с интервью обеих сторон, ну, тут ты у нас дока, сама сориентируешься.

— Ремансу? — нахмурилась Слободанка, — Шеф, но вы же знаете…

— Знаю, — перебил ее Хэндрикссон. — И Кушнир с его цепной акулой тоже знает. Вообще, все в курсе всего, я даже не знаю, на кой черт мы работаем. Дело не в этом — последнее место, где они станут тебя искать, — это Ремансу. Если тебе нужна будет после этого помощь киберневролога, редакция оплатит всю сумму.

— Ловлю вас на слове, — кивнула Слободанка. — Мне брать своего оператора или…

— Там достаточно одним дроном работать. — Кажется, мистер Хэндрикссон стал куда менее напряженным после согласия Слободанки на его авантюру. — Я сброшу тебе пару мегаватт на текущие расходы. Кроме чартера — правительство опять подняло расценки на орбитальные окна, теперь даже бизнес-класс трансконтиненталки дорог, а уж чартеры стали совсем золотыми. А в Южный Централ, сама понимаешь, регуляры не летают.

— Да я и в монорельсе доберусь, — пожала плечами Слободанка. — Ладно, шеф, не кипятитесь,

Ремансу так Ремансу.

— Вот и умница, — похвалил Хэндрикссон. — Сама понимаешь, мы дорожим своими кадрами. Счастливо добраться.

— Дорожите, как же, — фыркнула Слободанка, когда шеф выключился. — Я заметила. Суете в самый веселый район города в одиночку, с дроном наперевес… Сэлма?

— Что, госпожа? — спросила Сэлма, появляясь за столом. — Вы, кстати, так и не поели, а это…

— Знаю, — кивнула Слободанка, снимая крышку с подноса. То, что было под крышкой, больше всего напоминало пасту «Болоньезе», но, конечно, ею не являлось. Равно как и две горки разноцветного пюре и десерт, напоминающий желе. Все это было сделано из одной и той же специальной питательной субстанции, изготовленной промышленно. Но на вкус, на запах и в некотором роде даже на вид все блюда отличались довольно сильно: робокухня программировала эти характеристики таким образом, что человек, потребляющий пищу, по ощущениям получал вкус разных блюд. Той же пасты «Болоньезе», например.

Обман? Да, но обман полезный: если что-то выглядит как корова, пахнет как корова, мычит, ест

траву и дает коровье молоко — какая разница, корова это или нет? Если твой организм уверен, что ты съел бифштекс из мраморной говядины, какая разница, из чего этот бифштекс на самом деле?

Робокухня Слободанки была последней модели, а Сэлма не забывала покупать самые модные и качественные (и, увы, дорогие) программы для готовки, поэтому ежедневный рацион Слободанки по качеству соответствовал лучшему ресторану средней руки. В более дорогих заведениях подавали уже «натуральную» пищу, но Слободанка, как и многие, считала, что это для фриков и золотой молодежи, которой казаться важнее, чем быть. Ей лично хорошо запрограммированная пища нравилась больше натуральной — хотя бы потому, что ее при приготовлении практически невозможно испортить и нет риска нарваться на что-то несъедобное вроде костей.

— Вот что, милая, — сказала Слободанка, приступая к трапезе. — Запрограммируй гипнокниг из моего списка на… — Она задумалась. — На девять часов. Хотя нет, сделай две загрузки по девять часов — обратно я ведь тоже возвращаться буду. Книги бери прямо по списку.

На самом деле до района Ресифи, откуда было проще всего добираться в Ремансу, на монорельсе

было около одиннадцати часов езды, но даже гипнокниги стоило читать с перерывом. В конце концов, естественные потребности человека никто не отменял, хоть и зависимость от них значительно снизилась.

— Подготовь Снуппи, — продолжила Слободанка, зная, что Сэлма выполняет все в реальном масштабе времени, — к нему дополнительную батарею, даже две, пожалуй. Черт его знает, удастся ли нормально подзарядиться на месте. Мне сделай два имплантата — комплект дыхательных фильтров и активатор с зарядом минут на сорок пять.

— Сорок пять — это много, — с сомнением сказала Сэлма.

— Ты думаешь, я буду бегать-прыгать сорок пять минут непрерывно? — улыбнулась ассистентке Слободанка. — Лучше иметь запас на случай непредвиденных обстоятельств. Ремансу — та еще дыра.

Слободанка знала, о чем говорила. Механически поглощая завтрак, она задумчиво смотрела на панораму чистенького, ухоженного Северо-Восточного квартала. Она жила в хорошем месте: и Северо-Запад, и Северо-Восток считались приличными районами, круче был только

Кэмп-Дэвид и Беверли-Хиллз… ну, еще, может, Силикон-Вэлли, где жили ученые. И, конечно, Пьерфон, но там обитает совсем уж элита. Хотя…

У Слободанки был дом в Пьерфоне — шикарный особняк, похожий на классические особняки в колониальном стиле. Пьерфон хоть и располагался довольно близко к полярному кругу, но, как и все приличные районы, был прикрыт силовым куполом, и климат в городке и его окрестностях походил на тот, который, наверное, был в саду Эдема до того, как прародительница Ева проголодалась.

Этот особняк был по-настоящему роскошным: построенный не из бетона, а из природного камня, не с помощью принтеров, а андроидами-каменщиками. Стены первого этажа покрывали деревянные панели из лиственницы, паркет был из кедра, мебель и даже перила лестниц — из красного и черного дерева. Ковры — шерстяные, из легендарного Ардебиля в Восточной Федерации. В этом особняке были камины, у которых в детстве Слободанка любила коротать время с книгой; была огромная библиотека книг — не голографических, тем более не гипнокниг, а сделанных из настоящей бумаги, в красивых переплетах из кожи или бархата…

Этот особняк она сдавала кому-то. Она даже не знала кому — этим вопросом ведала Сэлма, которая переехала вместе с ней в эту скромную городскую обитель. Слободанка не хотела знать, кто сейчас листает ее книги, кто разжигает огонь в ее камине, кто спит на кровати, где в детстве спала она. Скорее всего, кто-то из дипломатического корпуса, какой-нибудь третий атташе Восточной Федерации. Жить в этом доме самой Слободанке не хотелось, она возненавидела его так же сильно, как до того любила.

Именно там она узнала о смерти родителей.

* * *

Покончив с едой и выбросив пустой поднос в мусороперерабатывающий агрегат, Слободанка пошла переодеваться. В том костюме, который был на ней, ехать в Ремансу было нельзя.

В принципе, вся одежда Слободанки была однотипной и состояла из одинаковых комбинезонов со встроенной нанопроекторной сеткой. Эта сетка проецировала голограмму той одежды, которую хотела ее хозяйка и которую она могла себе позволить, так что разнообразие гардероба зависело лишь от количества и качества программ, которые покупались отдельно. Про-

граммы имели свой срок службы — можно было платить разработчикам абонентскую плату и держать у себя понравившееся платье или шубу хоть до второго пришествия. Как правило, так не делали, а меняли базу скинов для одежды в соответствии с модой и сезоном. Некоторые фрики могли, правда, в жару щеголять в шубке, но в целом человечество оказалось на удивление консервативным и соблюдало некие рамки во всем, включая одежду.

Те, у кого денег было мало, пользовались бесплатными скинами — с очень грубо проработанными текстурами и самыми простыми элементами. Такие скины считались базовыми и поставлялись прошитыми в памяти любого костюма. В конце концов, если человек не успел проплатить свои скины, не ходить же ему голым? Ну, то есть в комбинезоне, конечно, но появляться в комбинезоне без скинов считалось даже более неприличным, чем обнаженным. Слободанка никогда не носила дефолтной одежды — во-первых, она происходила из хорошей семьи, во-вторых, о ней заботился ее крестный, далеко не последний человек в Западной Конфедерации.

Впрочем, среди стандартных на первый взгляд комбинезонов встречались и необычные. Ничем

не отличаясь от стандартных внешне, внутри они имели усовершенствованные специализированные системы жизнеобеспечения. Одни предназначались для работы под водой, в других можно было войти в очаг пожара или выйти в открытый космос — естественно, прикрыв лицо капюшоном и надев специальные ботинки.

Капюшон имели все комбинезоны. С его помощью можно было носить вместо собственного лица голографический аватар, впрочем, в обществе это было не принято, да и в конституции Западной Конфедерации было прямо указано, что в общественных местах ношение любых аватаров строго запрещено. В специальных комбинезонах капюшон заменял маску акваланга или шлем скафандра. Или каску.

Некоторые из комбинезонов предназначались для защиты того, кто их носит, выполняли функции бронежилета, защищая не только от пуль, но и от лучевого или потокового оружия… Конечно, в определенных пределах, но лучше уж такая защита, чем ее отсутствие. Именно такой комбинезон и надела Слободанка, загрузив в него программу того же платья, в котором общалась с мистером Хэндрикссоном. Впрочем, у качественной одежды в памяти помещалось двести

пятьдесят шесть полноценных скинов или до тысячи двадцати четырех скинов низкого качества. В спецодежде — вдвое меньше, но полтораста разных одежек, которые можно менять прямо на ходу, — тоже было неплохо. К тому же новый скин можно было оплатить и скачать везде, где была связь с Глобальной сетью. То есть — в масштабах космоса — от Венеры до спутников Юпитера, если не Сатурна.

На ноги Слободанка надела удобные полуботинки, которые тоже имели ряд скинов, конкретно у этой модели только двадцать четыре. Зато в подошвах обуви имелись специальные противоперегрузочные элементы, которые, взаимодействуя с имплантатами в ногах Слободанки (небольшими волокнами, усиливающими мышцы икр и сухожилия голеностопа), давали возможность девушке, например, запрыгнуть на балкон второго-третьего этажа или выдать стометровку секунд за десять-двенадцать, не особо выкладываясь. Вообще у Слободанки имплантатов было довольно много, но по внешнему виду это было определить сложно — ее имплантаты относились к категории дорогих биомеханических конструкций, они буквально «приживались», росли вместе с организмом, не вызывая у него

аутоиммунных реакций, которыми в той или иной мере страдали многие ее современники с более дешевыми системами.

Подумав, Слободанка вынула из одной из секций шкафа некое устройство, надевающееся на руку, как перчатка. На деле это было комбинированное оружие, включавшее лучемет небольшой мощности и пятизарядный тазер. Скин комбинезона тут же скрыл оружие от досужих взглядов, но, конечно, не от приборов охраны общественной безопасности. Впрочем, Слободанка имела разрешение на ношение и применение этой штуковины на территории Западной Конфедерации и в Восточной Федерации, включая орбитальные и подводные владения, владения Земной Сферы на Луне и Венере, а также в Демилитаризированных зонах Юпитера и Сатурна. Впрочем, последнее было чисто в теории — в Демилитаризованных зонах работали только Спецкоманды Планетарных Сил безопасности, исследовательские миссии и роботизированные корабли-харвестеры, орбитальные заводы, работающие без участия человека.

А вот на Венере Слободанка побывала однажды, еще подростком. Место это, конечно, было негостеприимным, но интересным. Еще больше

Слободанке хотелось бы побывать на Марсе.

Не в этой жизни.

Марс воевал с Землей — два раза — и оба раза потерпел поражение, но вовсе не смирился. Марсианские поселения обладали внушительным военным флотом, современнейшим оружием, но при этом сами жили едва ли не впроголодь. Если бы они согласились войти в Земную Сферу на равных! Но эти изгнанники с Земли по-прежнему грезили мировым господством, которое давным-давно потеряли. Они не хотели быть на равных. Им нужна была только власть.

Удивительно — ее крестный был одним из самых старых людей во всем Союзе Конфедераций, он родился как раз в тот год, когда нынешних лидеров Марса изгнали с Земли. Они сменили имена, взяли себе новые титулы — и правили Марсом уже третье столетие! При этом на кадрах головиденья оберкомиссар Фишер или тот же оберкомиссар Гольдстейн вовсе не выглядели стариками… Правда, крестный Слободанки, сенатор Рой Уоллес III, тоже стариком не выглядел. Как будто они взяли взаймы у времени.

Первая война закончилась еще до рождения Слободанки, зато вторую она запомнила очень хорошо. Никто не думал, что после поражения в

Первой космической Марс так быстро оправится. А потом патрульный земной флот внезапно был атакован армадами противника, а небеса Земли наполнили тысячи боевых дронов-штурмовиков. Силы Земной Сферы понесли огромные потери, но выстояли, начали контратаковать… И все-таки два долгих года Земля находилась в блокаде, связь с колониями была потеряна, бои шли везде — даже под водой. Тогда Слободанка, как и многие другие, прошла курсы подготовки добровольцев Сил Планетарной обороны и стала квартальным офицером-инспектором. Ей довелось отражать атаки дронов у лазерной турели, организовывать размещение людей в госпиталях и убежищах, даже участвовать в боях с десантными силами, в том числе в знаменитом Сражении в Тумане, у Великих Озер. И, конечно, снимать репортажи о происходящем. Нарезка этих репортажей стала документальным голофильмом «Моя война», который Слободанка сдала как дипломную работу.

По окончании университета ее сразу взяли в «Уорлд Дейли». Вернее, ей поступали предложения и от других медиахолдингов, но она сама выбрала «Уорлд Дейли», не самый большой и богатый, зато далекий от официоза крупных компаний вроде «Нью-Йоркера» или «Уорд Бист».

Вскоре она стала одним из ведущих репортеров этого холдинга, на равных конкурируя и с его топами видеорепортажа, и с «медиазубрами» более известных СМИ.

Этим Слободанка вполне законно гордилась.

* * *

Закончив одеваться, Слободанка вызвала зеркало на одной из стен и критически осмотрела себя. Перед ней стояла невысокая, хрупкая девушка с бледной кожей (она могла менять тон кожи на свое усмотрение, но предпочитала эту немодную бледность), аристократическими чертами лица, рыжими волосами (опять-таки это был ее природный цвет, настолько удачный, что Слободанка даже не применяла наноботов для корректировки его оттенков — волосы сами прекрасно играли цветом в зависимости от освещения) и серыми, чуть зеленоватыми глазами. Иногда она меняла цвет глаз на зеленый разных оттенков, но обычно естественный цвет глаз Слободанку вполне устраивал. Возможно, кто-то считал ее привязанность к естественности причудой и блажью, но Слободанку мало интересовало чье-то мнение. Тем более что истеблишмент из Кэмп-Дэвида или того же Пьерфона также тяготел к естественному,

в «высшем свете» это считалось нормой.

С другой стороны, Слободанка вовсе не чуралась таких элементов прогресса, как имплантаты, да и вряд ли это было возможно. Имплантаты были у всех, их отсутствие было верным признаком маргинала. Слободанка могла себе позволить лучшую аугментику, даже тактическая татуировка, украшавшая ее лоб от излома брови до виска, была многослойной и состояла из фазированной антенной решетки, множества микрокамер, образующих некое подобие «фасеточного глаза», ряда специальных датчиков, каналов управления различной техникой и так далее. С татуировкой работал сопроцессор, нанесенный на свод черепа изнутри. Процессор напрямую был связан с мозгом и с блоком дополнительной памяти, также нанесенным на кости черепа.

В общем, ничего необычного. Слободанка могла позволить себе намного больше, но признаком внутреннего аристократизма всегда являлась разумная достаточность, и Слободанка тоже не злоупотребляла своими возможностями. Она была вообще не из тех, кто злоупотребляет. Имея неплохой доход от нескольких предприятий, бывших в собственности ее семьи и перешедших к ней как к единственной наследнице, она не

допускала безумных трат, а излишек средств передавала благотворительной компании «Добрые руки». Ее отец был одним из основателей «Добрых рук». Ее мать работала там же психологом-консультантом. Это и стало причиной их гибели…

Отмахнувшись от болезненных воспоминаний, Слободанка открыла еще одну секцию шкафа, выпустив на волю Снуппи. Снуппи был ее дроном-помощником. Выглядел он как антрацитово-черная сфера, по форме напоминающая фасолину. В нижней части «фасолины» имелись выдвижные консоли для оборудования и маленький складной манипулятор. Внутренности Снуппи содержали довольно мощный искусственный интеллект, аккумулятор и двигатель с антигравом. На самом деле «антиграв» — не совсем точное название, поскольку гравитацию Снуппи компенсировал, отталкиваясь от магнитного поля Земли; настоящая природа гравитации, увы, продолжала оставаться загадкой для человечества.

— Жаль, что у тебя нет коммуникатора, — сказала Слободанка. — Сэлма, не скучай. Я скоро вернусь. Что с такси?

— Будет ждать вас у подъезда, когда вы спуститесь, — заверила ее Сэлма.

— Спасибо, милая, — улыбнулась Слободанка. — Я все взяла?

— Все, что вы наметили, — ответила Сэлма. — Удачного путешествия.

— Спасибо, — повторила Слободанка, — удачно отдохнуть.

И выскочила из квартиры через раскрывшуюся часть стены.

* * *

Когда-то давно между книгой, фильмом и театром была едва ли не война. Театр был объявлен могильщиком книги, кино должно было похоронить их обоих. В конечном итоге все эти виды искусства слились в одно целое, разве что театр продолжал полуавтономное существование. Новый жанр, гипнолитература, соединил свойства всех этих и многих других видов искусства. Книга, которая всегда лежала в основе и фильма, и театральной постановки, и компьютерной игры, теперь стала многомерной: она не просто передавала информацию — она задействовала все доступные каналы человеческого восприятия.

Минуя органы чувств, книга попадала непосредственно в мозг, без искажений откладываясь в памяти, откуда впоследствии могла быть лег-

ко извлечена; если речь шла об историческом повествовании или художественной литературе, программа гипнокниги визуализировала ее содержание любым доступным способом, используя огромную базу референсов — актеров, локаций и аксессуаров. Собственно, театр существовал как раз для того, чтобы люди с актерским дарованием постоянно пополняли базу референсов гипнокниг новыми образами — 3D-анимация достигла совершенства, но заменить образ реального человека так и не смогла.

Слободанка чередовала художественную литературу с образовательной. На книгу у нее уходило от получаса до сорока пяти минут. Помнится, «Войну и мир» Толстого, древнего писателя из Восточной Федерации, она осилила за четыре часа просмотра без перерывов. Сейчас столь большие книги были разделены на отдельные тома с ограничителями прочтения — следующий том ты мог «прочитать» только через тридцать шесть часов. Зачем это делалось, Слободанка не понимала. Ей нравилось читать запоем, от начала до конца, и она очень удивлялась тому, что некоторые люди могут провести день, не прочитав ни единой гипнокниги, и устают от непрерывного сорокаминутного чтения. Но таких было много. Для них

выпускались простенькие книги по пятнадцать-двадцать минут.

Слободанке это было непонятно.

Она позволила себе довольно продолжительный девяностоминутный сон в середине пути. Монорельс двигался вдоль Багамских островов и уже приближался к Гаити. Места были интересными, поэтому Слободанка оставила себе зрительные ощущения на время сна. Она, конечно, могла бы заказать себе запись происходящего за «окном» — все равно «окно» было просто плоским 3D-экраном, транслирующим панораму от многочисленных видеокамер, покрывающих «шкуру» их поезда снаружи.

Но Слободанке нравилась иллюзия того, что она все видит своими глазами. Она вообще стремилась воспринимать мир непосредственно: смотреть, слышать, трогать, нюхать, пробовать на вкус — с минимальным использованием дополнительной реальности. Это делало ее хорошим репортером, но, возможно, мешало быть счастливой.

Она слишком хорошо знала, что реальность мало походит на ту картинку, что транслирует головидение. Может быть, в Восточной Федерации все было по-другому, но не в Западной

Конфедерации. Если верить головидению, жизнь — это череда побед: над бедностью, болезнями, старостью, над самой человеческой природой.

Пять простых органов чувств, однако, подсказывали ей иное.

Ее родители делали прекрасное дело — они помогали жителям Южного Централа, где нищета все еще продолжала существовать, обеспечить будущее своих детей и при этом получить средства для существования. Государству нужны были люди новых рас, приспособленные для существования в непривычных для человека условиях или для выполнения сложных и важных работ. Нужны были фрогмены для подводных городов, спейсмены для космических станций, нужны были симбиотики для работы с машинами, обладающими искусственным интеллектом. Нужны были бойцы для Спецкоманд.

Бедные люди могли передать государству своего ребенка — в любом возрасте до одиннадцати лет — и получить за это некоторую сумму, тем большую, чем меньше лет ребенку на момент передачи. Эти дети поступали в интернаты «Добрых рук», где проходили программы обучения, аугментации и адаптации. Интернат они покидали после семи-десяти лет обучения, получая при

этом доступ к социальным лестницам, которые могли привести их… да куда угодно! Питомцы «Добрых рук» становились сенаторами, консулами, губернаторами колоний и командирами Спецкоманд.

Но программа нравилась далеко не всем. Однажды родители Слободанки остановились в простом малобюджетном отеле в том самом Ремансу, куда сейчас следовала Слободанка. Ночью в их номер вошел один неприметный человек и расстрелял обоих из примитивного и варварского оружия двухвековой давности — автоматического дробовика «Ремингтон». Негодяя задержали и, осудив, приговорили к высшей мере. Возможно, он был обезличен, обращен в киборга с полным стиранием личности, может быть, попал в качестве рабочего на одну из отдаленных станций демилитаризированной зоны — кто знает? В любом случае он понес заслуженное наказание.

Неважно. Родителей это не оживит.

Слободанка осталась одна в их большом доме в Пьерфоне. О ней заботился «дядя», на самом деле дальний родственник и к тому же крестный Слободанки. Но никакая забота не могла заполнить звенящую пустоту от потери родителей, и никакие психологи не смогли утишить боль утраты.

Потому Слободнка не любила Южный Централ, а в особенности его внутренние районы, и, конечно, более всего ненавидела Ремансу. И именно туда ей пришлось ехать. Даже странно, что проспала она без сновидений — может быть, повторяющийся кошмар с черными кораблями-кляксами мог хотя бы чуточку «разгрузить» ее нервную систему.

Но даже кошмары, увы, не приходят тогда, когда надо…

Глава 2
Чужие

Все в мире рано или поздно устаревает.

Когда-то «Лев Троцкий» поражал воображение современников. Полуторакилометровый гигант мог взлетать с воды и садиться в марсианский песок; он мог перевозить громоздкое оборудование — атомные электростанции на быстрых нейтронах, заводы, установки терраформирования, стационарные лазерные пушки противокосмической обороны или радиотелескопы в собранном виде. Или население небольшого поселка вместе с самим поселком. Он был многоразовым — маршрут от Земли к Марсу он проделал шесть раз и пять раз летал в обратном направлении.

Потом его сменили гиганты вроде «Томаса Джефферсона». Они уже не могли взлетать с поверхности и садиться на нее: их строили на орбите и рейсы их проходили от орбиты к орбите.

А «Лев Троцкий» и его систершипы стали исследователями и колонизаторами. Они ходили в Пояс астероидов и к лунам Сатурна и Юпитера. Они перевозили туда горнодобывающее обору-

дование и увозили оттуда ценное сырье — руды редкоземельных металлов, расщепляющиеся элементы, иногда просто воду, которой, несмотря на растопленные полярные шапки, на Марсе катастрофически не хватало, поскольку большая часть воды была использована для создания искусственной атмосферы планеты.

Потом интересы Западной Конфедерации и Марсианского Триумвирата схлестнулись — в том же поясе астероидов, и трудяги-братья «Троцкого» стали эскортными крейсерами. Основные тяготы войны вынесли на себе более новые дредноуты — на долю старых кораблей легла защита конвоев от земных рейдеров.

Большинство из них погибли, выполняя эту задачу. «Лев Троцкий» уцелел.

Ему, можно сказать, повезло — он не стал орбитальной станцией-блокшивом, как многие его собратья. Он не был утилизирован ради постройки новых кораблей или разобран на запчасти для более удачливых соратников. Непонятная судьба хранила корабль. Его бережно модернизировали, дооснащали все новыми и новыми системами, благо их было куда ставить. Но у всякой модернизации есть свои пределы.

«Лев Троцкий» устарел.

Старый корабль в настоящий момент находился в точке земной орбиты, противоположной той, где располагалась Земля. Это пространство казалось совершенно пустым, лишенным любого присутствия человека, но лишь казалось. О том, что люди бывают здесь, свидетельствовал космический мусор, шлейф которого протянулся по орбите Земли так, что полностью занимал ее. В этом мусоре работали харвестеры — огромные грубые устройства, чьи дроны сновали вокруг, собирая мусор и доставляя его на корабли-базы. Когда-то марсианские харвестеры работали бок о бок с такими же кораблями Земной Сферы, но теперь им запрещено было появляться здесь. Впрочем, присутствие «Льва Троцкого» тоже было здесь, мягко говоря, нежелательно. И кое-кого уже заинтересовало.

Сенсоры марсианского корабля, его электронные «глаза» и «уши», были довольно современными. Его капитан знал все, что происходит на расстоянии миллионов километров вокруг; если бы он захотел, то мог бы найти в этом радиусе любой предмет размером с теннисный мяч. Но только в том случае, если этот предмет не прячется, конечно…

— Интересно, мы еще долго здесь будем тор-

чать? — Браво говорил приглушенно, словно на борту парящего в нескольких тысячах километров отсюда «Льва Троцкого» этот шепот могли услышать.

— А у тебя есть другие предложения? — уточнил его собеседник. Он выглядел как несколько скукоженный брат-близнец Браво — для тех, кто не знал, что они оба носили голографические аватары.

— Представь себе, есть, — кивнул Браво. — С такого расстояния даже ты не промахнешься, а уж я-то и подавно. На кой черт нам пушки? Разнести эту чертову коробку к чертовой матери…

— Ага, и спровоцировать третью войну с Марсом? — возразил второй, потянувшись к электронному стикеру кальяна, лежавшему на столе. — Я добью или тебе дозу оставить?

— Добивай, — отмахнулся Браво. — Какая, к песчаным чертям, война? Мы здесь одни, как девка в баре после ухода эскадры. Один залп — и нету «Троцкого».

— Что это еще за хмырь, кстати? — поинтересовался второй, присоединив стикер к слоту под подбородком. — Не знаешь?

— Какой-то дохлый президент, думаю, — пожал плечами Браво. — Когда я приговорил «Форре-

стола», я узнавал, кто это. Выяснилось — один из бывших шефов Планетарной Службы безопасности, живший триста лет назад. Думаю, этот тоже или консул какой-то, или адмирал. Большая шишка, короче.

Он посмотрел на собеседника и достал откуда-то еще один стикер кальяна:

— Вот что, ты мне зубы не заговаривай.

— А не много тебе будет? — поинтересовался второй, глядя на стикер в руках Браво. — Это какой уже с утра?

— Четвертый, папочка. А что еще делать в этой заднице? А в «Троцкого» я попаду, даже если перед этим десяток стикеров присажу.

— Я все-таки твой доктор, — заметил собеседник. — И хватит называть меня «папочка», у меня вполне официальный ник Папа. Я вот что думаю: о'кей, разнесем мы твоего «Троцкого». Пусть даже без шума и пыли — ты у нас в этом деле профи, что из турболазера, что из своей винтовки в муху попадаешь. Но обломки-то останутся! И если…

Браво прикрутил себе стикер и засмеялся. Смеялся он тоже вполголоса; его смех был похож на удары града по жестяной крыше.

— А ты глянь, кто сразу за нами плетется! Его величество мистер Чистильщик! Собственно, на

«Троцком» нас не видят потому, что мы прячемся на фоне этой громадины. Короче, док, если мы его бахнем, наш мрачный орбитальный дружок подчистит за нами получше горничной в отеле «Леди Гамильтон».

— Как будто ты хоть раз бывал в подобных отелях, — фыркнул Папа. — Откуда ты знаешь, какие там горничные?

Голомаски Спецкоманды, в отличие от более дорогих, коммерческих аватар, не передают эмоции; но по голосу Браво даже самый невнимательный человек заметил бы перемену его настроения.

— Представь себе, бывал. Но это, док, параграф две двойки, и не лезь ко мне с этим.

— Да я нем как могила! — поспешил успокоить его Папа.

Их беседу прервало появление дрона. Дрон треугольной формы со скругленными краями парил на антигравах примерно на высоте лица доктора по имени Папа. Его поверхности были украшены красными крестами, но сам дрон был покрыт эмалью «хамелеон», что позволяло ему становиться незаметным — при необходимости.

— Что случилось, Ава? — спросил Папа у дрона. Мог, конечно, и не спрашивать — у специалистов

общение с их личными помощниками проходило на «телепатическом» уровне микротоков нервной системы. Вероятно, выслушав доклад робота, Папа обернулся к Браво:

— Зулу созывает всех на мостик. Корабельная связь, по ходу, опять забарахлила.

— Голова у Зулу забарахлила, — отрезал Браво. — Она не доверяет внутрикорабельной связи, считает, что ее могут перехватывать. Пусть морочит голову своей морской свинке. Но мне все равно. Идем, что ли…

* * *

Мостиком это помещение называлось по старой памяти, в честь мостиков боевых кораблей, бороздивших некогда океаны Земли. Официально мостик именовался «Центр Боевого и Тактического Управления» — ЦБТУ.

Когда все пять боевых групп Спецкоманды Планетарных Сил безопасности собирались здесь, что бывало нечасто, на мостике становилось тесно. Все-таки тридцать пять человек… Сегодня, однако, народу было меньше — только две группы, то есть четырнадцать бойцов. Четырнадцать одинаковых лиц при совершенно разной комплекции тел. Мужчины и женщины, хотя

сторонний наблюдатель не сразу бы понял, кто есть кто. Их обезличили намеренно; каждый из них был приговорен к высшей мере наказания и предпочел стиранию личности пожизненную службу в Спецкоманде «Рефорджер».

Теоретически у рефорджеров был шанс когда-нибудь вернуть себе имя и гражданские права. Практически — такого никогда не случалось. На Землю (вне пределов баз Планетарных Сил безопасности) не ступала нога ни одного рефорджера. Впрочем, некоторых хоронили на родной планете, на Арлингтонском кладбище. Таких за всю историю набралось шесть человек, потому на сегодняшний день стандартное пожелание участников Спецкоманды было «не будь седьмым».

— Ну что, уголовники, засиделись? — голос Зулу, нынешнего командира Спецкоманды, конечно, был искажен вокабуляционным имплантатом, но явно был женским. — Могу вас порадовать: кролик в ловушке. Эхо, расскажи.

Эхо, разведчик группы Альфа, к которой принадлежала сама Зулу, а также Браво и Папа, тоже была девушкой — такой тембр ни один вокабулятор не исказит настолько, чтобы сделать его похожим на мужской.

— Девять минут назад к «Троцкому» причалил

неопознанный летающий объект…

— НЛО? — уточнил Браво. — Серьезно?

— Объект явно рукотворный, управляемый, — продолжила Эхо, не реагируя на иронию снайпера, — но не поддается классификации. Я могла бы предположить, что это кустарное изделие какой-то марсианской шараги, если бы не одно «но» — уж больно штука совершенна.

— Восточная Федерация? — предположил Ромео, техник группы Альфа.

— Непохоже, — ответила Эхо. — Я сброшу тебе его параметры, сам посмотришь. Но, как по мне, это хрен пойми что.

— Инопланетяне? — хохотнул Браво.

— Скорее тогда «ушельцы», — серьезно заметил Ромео — он как раз разглядывал в дополнительной реальности плохонький образ странного объекта, полученный Эхо. — Я слыхал, что в конце позапрошлого века…

— …чудно жили человеки, — перебил его Браво. — Зулу, я не понимаю, какого дьявола ты собрала нас, чтобы тереть за пришельцев-ушельцев? Так трудно разнести эту хрень к чертовой бабушке?

У Браво с Зулу были натянутые отношения: после смерти Зулу Девятого, предыдущего главы

рефорджеров, Браво вполне мог рассчитывать на роль лидера если не всей Спецкоманды, то уж точно группы. Вместо этого оба места заняла «новенькая». Ходили слухи, что Зулу раньше уже служила в другой Спецкоманде и даже, возможно, была ее лидером. На Браво это не произвело впечатления: ну и что? То было раньше! Он сам когда-то…

Впрочем, о прошлом в «Рефорджере» было не принято не то что говорить — вспоминать тоже не рекомендовалось. Именно, кстати, поэтому Браво и злился на Зулу. А еще он считал ее, мягко говоря, чересчур осторожной, хотя несколько совместных рейдов вызвали у него и некоторое уважение к ее стилю командования — да, Зулу не лезла сломя голову в пасть крокодила, зато всегда решала поставленную задачу, причем «малой кровью» — под ее началом пока еще не погиб ни один рефорджер. И вовсе не потому, что все это время Спецкоманда просидела в тенечке.

Этим фактом, конечно, было недовольно далекое земное начальство Зулу. Парадокс, но, если бы Браво воспользовался УАС — устройством анонимной связи, именуемой на борту «стучалкой» или «пыльной кнопкой», хотя никакой кнопки там не было, просто сенсор, — и «настучал» на

командира-выскочку, он вполне мог убрать Зулу с мостика и занять ее место, но…

…не такой ценой. У преступников часто кодекс чести более крепкий, и следуют они ему куда более прилежно, чем те, кто ни разу не слышал в свой адрес слов «виновен и приговаривается».

— Браво, — тихо сказала Зулу, — тебя в этой ситуации ничего не удивляет?

— Удивляет, — ответил Браво. — Какого хрена этот металлолом еще торчит на орбите. И не рассказывайте мне, что из-за марсиан — мы далеко от Марса, накроем супостата помехами, расхреначим и скормим ближайшему харвестеру.

— Вроде снайпер, — холодно сказала Зулу, — а близорук, как крот. Какого хрена здесь делает эта мегатонна ржавого железа?

— А это имеет значение? — пожал плечами Браво.

— Имеет, — сказала Зулу. — Это явно точка рандеву. Если бы «Троцкий» работал контрабандистом, он торчал бы не здесь, а где-нибудь возле Цереры. Сам знаешь, в поясе не то что «Троцкого» — оперативный флот заныкать можно. А этот шелудивый зачем-то поперся внутрь системы. Не подскажешь, какого хрена ему тут вперлось? И я с удовольствием позволю тебе расписать его

на лоскутки.

Браво, задумчиво попытавшись почесать ладонью затылок, глухо стукнул металлической клешней по черепушке:

— А ведь правда. На орбиту Земли марсианам заходить нельзя. Венера и Меркурий под Восточной Федерацией. Думаешь, восточные спелись с марсианами?

— Вряд ли, — заметил Папа. — У них с марсианами давняя кровь. Я…

— Мы тут не в лунном кабаке, камрадес, — заметила Зулу. — И настоящих телепатов среди нас как-то не замечено. Поэтому я приняла решение: группа Бета заступает на дежурство по кораблю. Хотель, подготовь вывод остальных групп из гибернации, и ждите сигнала. Мы с Альфой сходим в гости к соседям. Если я скомандую, будьте готовы взять «Троцкого» на абордаж. Если наши метки систем жизнеобеспечения погаснут — открывайте огонь на поражение.

* * *

Штурмовой бот — не очень комфортный кораблик, но для долгих перелетов он и не предназначен. По сути дела, это просто капсула, в которой располагаются пятеро бойцов и боевой

дрон. В капсулу Альфы удалось втиснуть двух дронов — вместо своего любимца, штурмового робота Батисты, Ромео был вынужден взять парочку безымянных стандартов, больше подходивших для действий в тесных коридорах старых кораблей.

— Это тебе не орбитальная станция, — готовя «попутчиков», Ромео разговаривал со своим основным ассистентом — Батистой. У этой боевой машины были развитый искусственный интеллект и дружественный интерфейс, слишком дружественный для боевых дронов, угрюмых и молчаливых. — Там ты не развернешься. Можно, конечно, перегрузить твое сознание в одного из этих бездельников, но это долго. Да и что мне там может угрожать?

Теперь два «компактных» дрона Ромео заняли собой почти всю кабину. В креслах вдоль бортов расположились бойцы — Эхо и Браво впереди, Ромео и Папа позади, между ними Марк, подрывник, и Янки — стрелок-оператор. Зулу находилась в крохотной операторской кабине наверху — в салон свешивались только ее ноги. Перелет проходил в полной тишине — традиция, несмотря на то что не существовало средств, способных засечь переговоры на борту движущегося космического

корабля.

О приближении к цели им сообщила голограмма, высветившаяся в дополнительной реальности каждого из бойцов. Эхо и Браво оживились — весь перелет они не бездельничали, а следили за обстановкой с помощью доступных им средств. Судя по всему, все было чисто — после сообщения о стыковке довольная Зулу спрыгнула в кабину и первой подошла к пирамиде с оружием. Навстречу ей выплыл Боб — небольшой архаичного вида дрон, принадлежавший Эхо. Пока команда вооружалась, две громадины Ромео ожили и приблизились к аппарели бота. Бойцы выстроились за ними. Никто не произнес ни слова, мыслесообщениями тоже не обменивались. Почти.

Когда открылся первый люк в аппарели и Боб, окутавшись рассеивающим полем, сделался невидимым и выскользнул в этот люк, короткий обмен все-таки состоялся.

«Напоминает Ноя с его голубем» (с) Браво.

«Отставить разговоры» (с) Зулу.

«Все чисто: доклад от Боба» (с) Эхо.

«На нее это не распространяется?» (с) Браво.

«Браво, заткнись, пожалуйста!» (с) Зулу.

Тем временем створки аппарели стали раскрываться — нижняя опускалась, верхняя

поднималась. За створками оказался один из технологических люков «Троцкого». Бортовые манипуляторы бота вскрыли его, что было, в общем-то, странно.

«Частник ходит по космосу с незакрытыми лацпортами?» (с) Браво.

«Замок был. Но простенький. Кажется, его с двадцать первого века не меняли. И не вскрывали» (с) Марк.

«Бортовой коридор чист; пробую подключиться к каналам внутрикорабельной связи» (с) Эхо.

«Чего стоим, кого ждем? Вперед, отморозки!» (с) Браво.

«Покомандуй мне еще. Команда, вперед по порядку» (с) Зулу.

«А я что сказал?» (с) Браво.

Помещение, в которое они высадились, было едва освещено одной-единственной LED-лампой. При наличии имплантатов для ночного видения, которые были у каждого из бойцов, это не имело значения, но, чисто по-человечески, создавало какую-то нервную атмосферу.

«Темно, как в жо…» (с) Марк.

«Браво, ну сколько можно?» (с) Зулу.

«Я молчал!» (с) Браво.

«Внутрикорабельный обмен отсутствует:

доклад от Боба» (с) Эхо.

«Стоп! Как отсутствует? А навигационные системы?» (с) Зулу.

«Похоже, корабль на механической стабилизации; пытаюсь найти хоть какую-то активность» (с) Эхо.

Браво активировал потоковую винтовку, одновременно убрав изолирующую маску — заработал Ава, дрон Папы, проанализировавший состав атмосферы на борту «Троцкого». Анализ не выявил ничего угрожающего, потому маску можно было снять. Впрочем, Папа и Ромео не стали этого делать, а вот Зулу, Эхо, Марк и Янки от своих масок избавились. Янки тоже активировал свое оружие — портативный дисраптор и электронный щит.

— Какие мы все недоверчивые, — проворчал Браво вслух. Зулу сердито шикнула на него.

Дроны Ромео покатились вслед Бобу, люди последовали за ним. Бортовая галерея «Троцкого» была пустынной и так же скудно освещенной.

— Экономят электричество? — предположил Браво.

— Как у нас в Ремансу, — сказал Марк.

— Разговорчики! — прикрикнула Зулу. — Марк, напоминаю тебе смысл параграфа двадцать два приговора. Это уже не первый раз. Сделаем вид,

что я ничего не слышала, но если ты будешь давать волю языку…

— Не понимаю, — тихо сказала Эхо. Ее дрон, Боб, передавал ей в дополнительную реальность данные в непрерывном режиме. Крохотный летучий гаджет с искусственным интеллектом, скопированным с разума стигийской совы, успел облететь довольно большую часть корабля и заглянуть в ряд помещений. Интерпретация увиденного еще не закончилась, но одно можно было сказать точно — людей на борту видно не было. Нигде, кроме…

— Что? — спросила Зулу. Эхо тут же подвесила голограмму с частичной расшифровкой. Судя по всему, Боб подлетел к корабельному доку, тому самому, к которому, по сведениям Эхо, не так давно причалил «неопознанный летающий объект». Гермодвери в док были распахнуты настежь, а рядом с ними, на полу, скорчились несколько человеческих тел. По крайней мере, выглядело это как человеческие тела.

— Дрянь такая, — выругалась Зулу. — Нас кто-то опередил? Тогда почему так тихо? Гости еще на борту?

— Надо идти на мостик, — сказал Браво. — Если корабль не рванул отсюда после начала попытки

захвата, значит…

— Ничего это не значит, — заявила Зулу. — Но ты прав: надо на мостик. Надеюсь, наши схемы все еще актуальны, и эти марсианские варвары не догадались перенести мостик куда-нибудь…

— Это технически невозможно, — заверил ее Ромео, — для этого класса кораблей.

— Тогда вперед, — скомандовала Зулу, и группа двинулась вслед за поменявшими траекторию движения дронами Ромео. Вскоре их догнал и опередил Боб.

* * *

На первое тело они наткнулись еще в коридоре. Мужчина в бедной одежде лежал на полу, скорчившись так, словно пытался спрятаться от чего-то. Над ним висел Боб; при появлении группы дрон уступил место своему собрату Аве, скользнув дальше в направлении рубки.

Ава выпустил пару манипуляторов и перевернул тело на спину, давая рассмотреть темное, землистое лицо с грубой, обветренной кожей и массивным фильтрующим имплантатом на правой щеке.

— Марсианин, — констатировал Ромео.

— А ты кого рассчитывал здесь увидеть? — ехид-

но спросил Браво. — Девочку с Лунной базы?

— Мы не знаем, кому принадлежит «Троцкий», — тихо сказала Зулу. — Да, *когда-то* он был марсианским транспортом, но это было сто лет назад; с тех пор его могли десять раз перепродать — колонистам, торговцам, пиратам…

— Всех пиратов кормит Марс, — пожал плечами Браво. — Это ежу понятно.

Вдалеке прозвучало несколько выстрелов. Отряд тут же занял круговую оборону вокруг тела, над которым колдовал Ава.

— Боб нарвался на автотурель, — сказала Эхо. — Ничего страшного, малыш с линии огня моментально ушел, но, если на борту есть живые, скоро они поинтересуются, что за чертовщина здесь происходит.

— У них тут мертвяки в коридорах, — заметил Браво, — а им до лампочки. Думаешь, автотурель их разбудит?

— Он мертв совсем недавно, — заметил Папа. — Не больше получаса.

— Причина смерти? — спросила Зулу.

— Не могу понять, — ответил доктор. — Физически он совершенно здоров. Правда, остаточная активность нервных окончаний на нуле. Я такое вижу впервые…

— Никаких признаков движения, — отметила Эхо. — Боб расставил по галерее датчики — ни шороха.

— Вперед, потихоньку, — скомандовала Зулу. — Ромео, пусти одного дрона перед нами, второй пусть держит тыл, о'кей?

Один из дронов отступил назад по галерее, развернувшись задом к людям. Второй пошел вперед. Люди осторожно двинулись за ним. Вскоре автотурель, замеченная Бобом, ожила вновь и тут же заткнулась — от ответного выстрела дрона.

— Чисто, — сказала Эхо. — Люк на мостик приоткрыт на четверть, в проходе еще одно тело… Сейчас пущу на мостик Боба, посмотрим, что там.

Команда замерла перед приоткрытым люком. Закрыться люку мешал труп еще одного марсианина. Над ним уже завис Ава.

— У этого, похоже, обширный инсульт, — сообщил Папа.

— На мостике чисто, — добавила Эхо.

— Чисто? — уточнила Зулу. — То есть никого?

— Никого живого, — пояснила Эхо. — Четыре трупа. Сами увидите.

Они зафиксировали люк и оттащили тело мар-

сианина в сторону.

— У него те же симптомы по нервам, — тихо сказал Папа Зулу. — Умер он от инсульта, но его мозг отказал раньше.

— Это не может быть какая-то болезнь? — так же тихо спросила та.

— Нет, — ответил Папа. — Я не обнаружил ничего, что свидетельствовало бы об инфекции. Никакой патологии, тот первый был вообще здоров как бык, у этого проблемы со здоровьем были, но причина смерти — не они.

— А что? — спросила Зулу. Папа только плечами пожал.

Марк тем временем установил на двери силовой домкрат. Браво и Ромео прикрывали его — дрон, конечно, сообщил, что на мостике никого живого нет, но чем черт не шутит? Наконец компактное, но массивное устройство было установлено; Марк дал сигнал отойти, Браво и Ромео тут же отступили.

— Ну, если в этой консервной банке есть хоть кто-то живой, они нас точно услышат, — сказал Марк, присоединяясь к отступившей команде. — И-раз…

Действительно, грохот, сопровождавший работу домкрата, мог поднять даже мертвого. Корабль

тряхнуло, словно в него вписался крупный обломок или небольшой метеорит. Дверное полотно с хрустом вошло в стену, открывая проход на мостик.

— Вперед и с песней, — сказал Браво, двигаясь вслед за дроном, направившимся к проделанному проходу. Несмотря на всю свою браваду, двигался он осторожно, держась за массивным телом робота. Остальные последовали за ним в предыдущем порядке. Второй дрон прикрывал их сзади.

Мостик «Троцкого» был не слишком велик, если сравнивать его с рубками современных кораблей. Даже на крейсере ПСБ мостик был, кажется, просторнее, хотя сам корабль был куда меньше громадины «Троцкого». Все четыре рабочих места были пусты, рабочие панели — свернуты. Два из четырех пилотов лежали тут же; прежде чем умереть, они успели обернуться лицом к двери. Над одним из трупов тут же завис Ава; второй стал объектом пристального внимания Папы.

— Жуть какая, — сказал доктор, склонившись над телом. — Зулу, ты видела когда-нибудь *такое*?

Зулу внимательно посмотрела на перекошенное гримасой лицо трупа.

— Прямо мороз по коже, — согласилась она. — Причина смерти?

— По сведениям Авы, у второго обширный инфаркт, — ответил Папа. — Думаю, у этого тоже что-то в этом роде. Потрясающе — какой-то заповедник сердечников. На Земле с этим уже сто лет как справились… — Он помолчал, затем продолжил с недоумением: — Вот только Ава утверждает, что сердечно-сосудистая система у покойников до смерти была в норме.

— Док, не говори загадками! — попросил Браво. — Что это за хрень, можешь объяснить?

Папа выпрямился и сказал с неуверенностью в голосе:

— У меня только одно объяснение. Все эти люди не имеют ни малейших следов насилия. Они на момент смерти были совершенно здоровыми. Единственное, что я могу предположить, это то, что все они умерли от страха.

— А разве от страха можно умереть? — тихо спросила Эхо. Доктор не успел ответить.

— Здесь еще одно тело! — Марк продолжал исследовать мостик и наткнулся на замаскированную дверь. За дверью был банальный санузел. Замка на двери не было, только щеколда, и Марк легко взломал ее ударом ноги.

В крохотном санузле сидел мужчина. Он мог бы показаться живым, если бы не полная неподвижность. Мужчина был молод, но полностью сед, а его лицо было искажено еще больше, чем у тел, лежащих на мостике.

Ава тут же перелетел к телу и завис. Остальные, точнее, Папа, Зулу и Браво, также подошли к проходу в санузел.

— Как-то здесь неуютно, — заметил Браво.

— Он всю стену исцарапал. — Марк указал на одну из стен санузла, действительно покрытую царапинами и кровавыми пятнами, а затем — на руки трупа с содранными ногтями и запекшейся кровью.

Браво выругался. Зулу внимательно присмотрелась к окровавленной стене.

— Это не царапины, — сказала она. — Похоже, он пытался что-то написать. Кто-нибудь узнает буквы?

Браво отрицательно покачал головой, Марк тоже. Папа вызвал режим съемки, загнал текст в компьютер и пустил его анализ.

— Похоже, какой-то старый язык южной Европы, из тех, что не пережили глобализации. Буквы латинские, а смысл непонятен.

Закончить расшифровку ему не дали.

— Фиксирую активность в районе ангара, — сообщила Эхо. — Там есть кто-то, кто-то живой.

— Быстрей туда! — взвился Браво. — Поймаем его за жабры и спросим документ…

— Браво, ты когда перестанешь командовать?! — зло сказала Зулу.

— А у тебя есть другие предложения? — спросил Браво с вызовом. Зулу пожала плечами:

— Нет. Но командую здесь я. За мной! Один дрон впереди, один — позади. Эхо, Ромео, посматривайте назад — это может быть ловушка…

* * *

Личный состав Планетарных Сил безопасности, в принципе, должен быть готов ко всему. Тем более рефорджеры — каждый из членов этой Спецкоманды знал, что они смертники. Их жизнь должна была закончиться в одной из многочисленных акций. Так гласит Приговор.

Рефорджеры действительно были готовы ко всему: прежде чем влиться в Спецкоманду, каждый из них прошел годичные курсы повышенной интенсивности, превращающие обычного человека в идеальную машину смерти. Вот только…

Браво выругался:

— Марсианский кактус мне в задницу, меня к

такому не готовили!

Зулу, кажется, лучше сохраняла самообладание. Она шагнула вперед, демонстрируя невесть как оказавшейся на корабле девочке пустые ладони:

— Не бойся, мы не причиним тебе вреда, милая. Кто ты?

Девочка — подросток не старше двенадцати, одетая в серый рабочий комбинезон с подкатанными рукавами и грубые ботинки, недоверчиво посмотрела на Зулу снизу вверх:

— А почему вы все одинаковые?

— Мы все родственники, — соврала Зулу. — На самом деле мы просто очень похожи. Так кто ты и как здесь оказалась?

— Бандиты захватили наш трейдер, — всхлипнула девочка. — Папу убили, брата убили, а меня закрыли в клетку…

Внезапно она поменялась в лице:

— Ой, там же еще один человек остался! Идемте, быстрее, ему нужна помощь!

«Это явно ловушка» (с) Браво.

«Похоже на то, и девочка — приманка» (с) Зулу.

«И что нам делать, капитан?» (с) Браво.

«Пойдем с ней. Но будьте готовы ко всему»

(с) Зулу.

Зулу взяла девочку за руку:

— Тогда идем быстрей.

Девочка с неожиданной силой потащила Зулу за собой в один из боковых коридоров. Остальные рефорджеры в полном боевом порядке последовали за ней. Этот коридор был освещен хуже других — кажется, где-то была повреждена проводка, освещение то и дело мигало.

Пройдя поворот, Спецкоманда оказалась в тупиковом отрезке коридора. Справа и слева от них были небольшие комнаты или, вернее, ниши. Вход в ниши закрывало непрозрачное силовое поле. Все это было очень похоже на корабельный карцер. Ромео, шедший последним и «державший» заднюю полусферу вместе с одним из своих дронов, тем не менее старался не сводить глаз с девочки, впрочем, как и другие рефорджеры. Но только Ромео заметил одну странность — в освещенном немногочисленными LED-панелями коридоре все рефорджеры отбрасывали густые темные тени…

…кроме девочки.

«Стойте! Назад! Зулу, это голограмма!» (с) Марк.

Внезапно девочка обернулась к Марку и сказа-

ла спокойным голосом:

— Ну что ты, Хайме, какая же я голограмма? Ты можешь коснуться моих рук, моих ног… хочешь, я сама тебя коснусь.

…перед Хайме Касадором, тем, кого теперь и навсегда звали только Марком, по-прежнему стояла на вид вполне безобидная девочка-подросток, но взрослый сильный мужчина, член самой отчаянной Спецкоманды грозных Планетарных Сил безопасности внезапно почувствовал жуткий, ни с чем не сравнимый страх. А девочка смело шагнула к мужчине, привстала на цыпочки и коснулась скрытой голомаской гладко выбритой щеки:

— Видишь, никакая я не голограмма. А ты красивый. Зря ты прячешь лицо за этой маской. Но это уже не имеет никакого значения…

Дрон Ромео рефлекторно двинулся к девочке, но та, коснувшись его металлического корпуса, вывела его из строя — грозная боевая машина окуталась электрическими разрядами и бессильно повалилась набок. Девочка проскользнула мимо него, а затем легонько коснулась одной из переборок — и от реформджеров ее отрезало силовое поле, полностью изолировавшее тупичок с камерами.

— Простите, у меня много дел, — сказала девочка. — А чтобы вы не скучали, пока этот корабль не самоликвидируется, я решила обеспечить вам компанию.

Она еще раз коснулась переборки — и силовое поле, отделявшее темные камеры-ниши, исчезло.

А затем темнота внутри камер ожила — и метнулась к рефорджерам.

Глава 3
Западня

Станция Ресифи, где монорельс делал короткую остановку, находилась в более-менее благополучном районе Южного Централа. Внешне она почти не отличалась от более бедных районов Севера — того же Нью-Йорка или Чикаго; однако в Нью-Йорке в подобных домах жили обслуживающий персонал и симбиотики, здесь же такое жилье считалось едва ли не элитным. В Ресифи начинался огромный порт, тянувшийся на юг до Буэнос-Айреса, — сюда приходили корабли из Восточной Федерации и от городов-платформ, а также подлодки из подводных купольных городов. К северу отсюда, на берегу огромной реки, располагался обширный космодром, откуда постоянно стартовали челноки в орбитальные города. Этими запусками Слободанка могла бы любоваться все время, пока монорельс двигался от Тринидада до Ресифи, но она предпочла углубиться в сочинение о психологии власти какого-то писателя из Восточной Федерации, жившего полтораста лет назад. Слободанка лю-

била старые книги, их язык казался ей каким-то волшебным, буквально завораживающим.

Иногда она даже жалела о том, что оставила огромную родительскую библиотеку в доме на берегу реки Святого Лаврентия. Ее родители ценили старинные бумажные книги (на бумаге их больше не издавали вот уже два века, даже для фриков) и собрали неплохую коллекцию. Порой Слободанке очень хотелось полистать старинные, тихо шуршащие страницы, вдохнуть едва слышный запах, который не в силах было скрыть никакое ламинирование…

Но потом она понимала, что это наверняка натолкнуло бы ее на грустные воспоминания о тех днях, которые она провела в родительском доме после гибели мамы и папы. О ночных кошмарах и дневной всепоглощающей депрессии, от которой ее с трудом избавили нанятые крестным психологи… Нет, этого багажа ей не надо.

Не успела она усвоить даже половину объемистого труда, как интерактивный стюард-голограмма сообщил ей о прибытии, варварски прервав трансляцию книги. Вагон монорельса плавно тормозил, приближаясь к платформе. Слободанка взяла свой скромный багаж и в компании парящего Снуппи направилась к выходу.

Несмотря на то что на этой станции сходили немногие, найти такси Слободанке удалось не сразу. Службы вызова такси в Ремансу не было, а брать служебную машину она не хотела. Пришлось побродить по площади у вокзала, пока наконец Слободанка не наткнулась на то, что здесь считалось такси. Рыдван середины прошлого века, с архаичным электромотором, крутившим колеса, — никакой магнитной подушки, естественно. К тому же вместо автопилота машиной управлял живой водитель-киборг, пожилой мужчина с примитивными имплантатами, которым впору было в японский технопарк, где публике демонстрировали всякие древние механизмы. Мужчина явно был снабжен ускорителем реакции химического типа — опасная штука, развивающая у носителя зависимость и меняющая со временем поведение, а потому давно запрещенная…

Но, наверно, не в Ремансу.

— Куда везти, м-м? — спросил мужчина хриплым от вейпа голосом.

— К заводу ЭМБРАЭР, — ответила Слободанка, пропуская в салон Снуппи.

Мужчина покосился на дрона, фыркнул и сказал:

— Там полиция все перекрывает. Говорят, сегодня демонстранты попытаются пробиться к рабочим, которые заблокировались в депо дронов и уже третьи сутки там сидят — еды нет, расходники для имлантатов тоже подходят к концу, а воздух там сами догадываетесь какой…

— Конечно. — Слободанка наклонилась вперед между передними сиденьями. — Я так понимаю, вы местный?

— А то! — хохотнул водитель. — Семь десятков годков здесь живу, помню еще то время, когда свалка прямо до станции доходила. Родители мои на очистке работали, братья, сестры, а я вот в водилы выбился. Гордость семьи. А на кой вам ЭМБРАЕР? Та еще дыра…

— Вот что, — Слободанка проигнорировала вопрос водителя, — я дам киловатт сверху счетчика, если вы сможете довезти меня туда, где будет демонстрация.

Водитель, уже тронувшийся с места и немного отъехавший от вокзала, дал по тормозам и обернулся к девушке:

— Вы рехнулись, м-м? Вы понимаете, что там будет?

— Понимаю, — ответила Слободанка. — Я репортер, я хочу снимать это.

Водитель хрипло вздохнул:

— М-м, вы ведь с Севера. Может, не знаете наших порядков. Ребята туда не кофе пить идут. Они выгребли все имеющиеся арсеналы, там ствол у каждого второго, а у кого нет — перо. И полиция с ними цацкаться не будет — в порту говорят, что ночью боевые дроны разгружали.

— Да-да, — кивнула Слободанка. — Вы только не учли одного момента — во время Второй марсианской я была на передке. И снимала. «Мою войну» не видели случайно?

Глаза водителя потемнели — сработал коррекционный имплантат, такой же древний, как его машина.

— А… видел я это кино. Хорошее. Значит, в самом пекле побывали? Вот что — накиньте полтора киловатта, я вас заброшу к проходной и покажу место, где можно ныкаться, когда пойдет замес. Оттуда с дроном снимать — самая лафа.

— Идет, — улыбнулась Слободанка. Полтора киловатта для Ремансу были целым состоянием, для нее же — не такой уж большой суммой, чтобы не пожертвовать ею ради хорошего ракурса.

* * *

Драндулет Макса, именно так звали водителя-киборга, остановился в узком переулке, вид которого пробудил у Слободанки какое-то пугающее, но, к счастью, мимолетное воспоминание. На мгновение ей показалось, что из переулка вот-вот сыпанут странные бугристые существа, покрытые плазмой…

— Если надо будет драть когти, наберите меня на коммуникаторе, — сказал Макс, разворачивая перед лицом пассажирки голографическую визитку с кюар-кодом. — Клиентов мало, так что, скорее всего, я буду свободен; но, если меня все же перехватят, я пришлю кого-то за вами.

— Думаю, это не понадобится, — ответила Слободанка, осматривая переулок в поисках нужного ракурса для съемок, — но все равно спасибо. Снуппи, сосканируй кюар.

Снуппи мигнул светодиодом — мол, готово. Макс хмыкнул:

— Снуппи… у моего соседа в детстве был пес, не генмодифицированный, обычный. Его тоже Снуппи звали. Удачной охоты!

Дождавшись, пока такси задом выедет из переулка, Слободанка взобралась на полуразо-

бранный погрузчик, стоявший у глухой стены, и разместилась в его крохотной кабине. Она развесила под архаичной приборной панелью, откуда уже успели выдрать все, что представляло хоть какую-то ценность, пару голографических панелей — на одной был вид с камеры дрона, на другой — то, что снимала ее собственная имплантированная камера. Запустила программу видеомикширования, затем велела дрону сделать круг над площадью перед заводом.

Дрон послушно поднялся вверх на высоту третьего-четвертого этажа, дав Слободанке панораму площади. Девушка увидела ряд полицейских в экзоскелетах; позади этой линии стояли несколько машин с гидромониторами и сетеметами, а справа и слева от них, между контейнерами, хаотично расставленными перед проходной завода, маскировалось несколько настоящих боевых роботов.

— Ничего себе, — сказала сама себе Слободанка, — они их расстреливать собрались? Материальчик будет горячим, у кого-то в Кэмп-Дэвиде точно пригорит…

Снуппи, тем временем обогнув площадь, двинулся туда, откуда приближались демонстранты. За ним увязался было полицейский дрон, но,

получив сигнал-ответку, отстал, успев, впрочем, словить в фюзеляж камень от кого-то из приближавшихся бунтовщиков. Теперь Слободанка могла видеть колонну протестующих. Оценка Макса была верной — несмотря на наличие плакатов, демонстранты были поголовно вооружены. Оружие, правда, было таким же допотопным, как и протезы киборогов, шедших среди демонстрантов. Большинство протестующих, впрочем, были обычными людьми — почти без имплантаций, многие даже без дыхательных фильтров. Слободанка покосилась на показатель своего фильтра в дополнительной реальности — картридж надо будет скоро менять. Да уж, воздух здесь…

Снуппи включил приемные микрофоны, и имплантированные наушники Слободанки наполнились хриплыми выкриками протестующих. Она не сразу поняла, что скандируют демонстранты, — вместо конфедеративного английского те использовали местные испано-португальские диалекты. Затем до нее донесся голос из полицейских динамиков:

— Немедленно остановитесь! Немедленно расходитесь! Ваши действия незаконны! Немедленно прекратите правонарушения…

Потом раздался первый выстрел. Вреда он, судя по всему, никому не причинил, но стал сигналом. Толпа протестующих бросилась вперед, выстрелы затрещали со всех сторон, кое-где засверкали лучи маломощных лазеров.

По наступающей толпе ударили водометы, их струи, переливающиеся всеми цветами радуги, сбивали наступающих с ног, но остановить лавину не могли. Потекли потоки слезоточивого газа; над толпой взвились сети, обездвижив несколько групп, они тоже не остановили наступления остальных.

— Немедленно остановитесь! — вещал громкоговоритель. — У нас есть приказ стрелять на поражение!

На толпу это подействовало мало; вместе с тем у прикрытой силовыми щитами полиции появились первые потери — у некоторых полицейских щиты погасли от перегрузки, и они тут же получили ранения. Другие полицейские вскинули автоматические винтовки и открыли огонь.

На какое-то время это замедлило протестующих, замедлило, но не остановило. Вскоре они, теряя по пути товарищей — убитых и раненых, достигли редеющей цепи полицейских и сошлись с ними в неравной схватке. Слободанка, подняв

Снуппи выше, снимала панораму происходящего. Убитых пока было немного, зато хватало раненных, оглушенных, избитых…

Полицейских окружали поодиночке и били, срывая экипировку и передавая друг другу как трофеи. Другие протестующие пытались перевернуть полицейские броневики, отплевывающиеся из водометов окрашенной водой. Третьи старались разблокировать проходную, чтобы пробиться к своим товарищам на заводе…

И тут роботы, спрятанные между контейнерами, ожили, а сами контейнеры телескопически сложились, выпуская отряды полиции в тяжелой экипировке и с лучевым оружием. На миг толпа протестующих замерла, гул голосов почти умолк, чтобы смениться криками боли: полиция открыла огонь.

Слободанка чертыхнулась. С помощью Снуппи она видела, как протестующие с дымящимися ранами от огня лучеметов валятся на мостовую. Кто-то пытался отстреливаться, но бесполезно — с таким же успехом можно было отстреливаться от извергающегося вулкана. Наконец до демонстрантов дошло, что они обречены, и толпа, затаптывая своих раненых и просто упавших, бросилась наутек.

И часть этого людского потока устремилась в переулок, где пряталась Слободанка.

* * *

Несмотря на весь свой опыт, Слободанка запаниковала. Она видела, как эта толпа переворачивает полицейские броневики, а погрузчик, на котором она пряталась, был куда меньше и легче. Выпрыгнув из кабины, девушка попыталась убежать, но недооценила скорость объятой страхом толпы. Топот множества ног был все ближе, а проход, где бежала Слободанка, в замешательстве проскочив выход на улицу, по которой до того приехала, и не думал заканчиваться.

«Они меня собьют! — в панике думала девушка. — Собьют и затопчут!»

Вскоре ее стали толкать со всех сторон — толпа ее догнала. Кто-то вцепился ей в плечо, и Слободанка с испугу всадила в него дротик из наручного устройства. И почти тут же она почувствовала, как кто-то крепко ухватил ее за талию и, буквально вырвав из толпы, втолкнул в какую-то дверь. За дверью было темно. Неизвестный, ухватив под руку, потащил ее куда-то в этой темноте.

«Хоть бы это был полицейский», — думала Слободанка. Стрелять она боялась: во-первых, неиз-

вестный ухватил ее как раз за руку с оружием, во-вторых, Слободанка боялась, что заблудится в этой тьме, в которой она оказалась.

Но вскоре впереди забрезжил серый свет, а затем Слободанка с ее спутником оказались в просторном помещении, слабо освещенном архаичными лампами дневного света. Здесь девушка наконец смогла рассмотреть своего спутника.

Это был не полицейский. Молодой на вид, бедно одетый парень, очень худой и снабженный комплектом дешевой аугментики. Часть имплантатов была невероятно архаичная, чуть ли не прошлого века. Говорят, на Юге такие людям бесплатно ставят в бюджетных больницах после аварии. О пережитых травмах свидетельствовали многочисленные шрамы и ожоги, похожие на химические. Они уродовали лицо и шею парня даже больше, чем протезы «для бедных». Особенно выделялись его неподвижные глаза.

— Вы — Слободанка Вуич. — Механический голос киборга не передавал даже базовых интонаций, потому Слободанка не могла понять, спрашивает ее спаситель или утверждает, и на всякий случай кивнула. — Это вы должны взять. Вы это должны посмотреть. Не здесь — там, где безопасно.

И киборг буквально всучил девушке какой-то странный предмет с разъемом, похожим на архаичный коннектор.

— Что это? — спросила Слободанка.

— Это информация, — ответил киборг. — Угроза. Мир может погибнуть. Вы должны знать.

— Я должна написать об этом?

В принципе, то, чем занималась Слободанка, «написанием» чего-то можно было назвать с весьма большой натяжкой: она сразу создавала интернет-контент, не утруждаясь, как старые репортеры, описанием его в виде текста. Но по привычке вместо «создать материал» употребляла устаревший глагол «написать».

– *Вы должны это знать*, — ответил киборг. — Есть нечто больше, чем все мы. Больше, чем человечество. Иногда несколько человек могут спасти мир. Или погубить. Не надо, чтобы нас видели вместе. Я уйду. Вы останьтесь и спрячьтесь. На улицах будет беспокойно.

— Спасибо. — Слободанка пожала кисть руки киборга — в Южном Централе это был жест высочайшего доверия. — Но я привыкла к опасности.

— Да, — кивнул киборг; его движения были отрывистыми — вероятно, приводы сервомышц уже выработали ресурс и пошли вразнос. — Но

это не повод рисковать. Ваша жизнь имеет значение.

— Как вас зовут? — спросила Слободанка. Киборг повернулся к ней — и в этот момент Слободанка поняла, что этот «парень» старый, как его протезы. Просто его биологическое тело было «законсервировано» в тот момент, когда он прошел трансформацию в киборга, и с тех пор изнашивалось гораздо медленнее.

— Андроид, — ответил киборг. — У андроидов нет имен.

— Но вы ведь не андроид! — удивилась Слободанка, заглядывая в неподвижные глаза киборга. В них не отражалось ничего — только она сама. — Вы были человеком когда-то…

Киборг на мгновенье замер, а потом сказал отрывисто:

— Какая разница? Незачем притворяться. Лоботомия не стирает память. Помнит сердце.

Он повернулся к выходу — медленно, натужно, как старый механизм.

— Того, кто носил это тело, знакомые звали Андроидом — потому что он любил аугментировать себя и других. Его имя было когда-то Эндрю Чепмен, — сказал он, не оборачиваясь. — А теперь прощайте.

И он направился к выходу из помещения. Слободанка помедлила, но затем приказала Снуппи следовать за ним. Дрон вынырнул из дверей, поднялся вверх. Парень-киборг шел по грязной, захламленной улице, понурив голову; его фигура казалась старческой, а отрывистые движения придавали сходство с зомби из старых 2D-фильмов. Слободанка порой смотрела подобное винтажное кино. Это было принято в ее окружении, как признак статусности. Кроме того, эти ленты ей нравились, по крайней мере некоторые из них.

Задумавшись, Слободанка не сразу заметила открытый дисковидный мобиль, приближавшийся по улице, перпендикулярной той, по которой шел ее знакомец. Она, может, и вообще не обратила бы на него внимания, если бы мобиль не стал замедляться, опускаясь на магнитной подушке, пока не остановился за углом, к которому приближался киборг.

Теперь внимание девушки обратилось на эту машину. Открытая сверху (прозрачный колпак в процессе эксплуатации машина, видимо, потеряла, как и многое другое) старинная конструкция; судя по блюдцевидному стилю исполнения, построенная не позже конца прошлого века, —

одна из самых старых моделей на магнитной подушке. В открытом кокпите, на кольцевидном диване, нетерпеливо ерзало несколько устрашающего вида громил, вооруженных довольно серьезными девайсами. Как бывший военный репортер, Слободанка немного разбиралась в оружии. В Западной Конфедерации, впрочем, как и в Восточной Федерации, тем более — на Марсе, было разрешено владение оружием, но в свободной продаже были только такие образцы, выстрел которых был безвреден для полицейских экзоскелетов. Большая часть оружия, имевшегося у граждан, вообще относилась к нелетальным образцам — станеры, парализаторы и прочие шокеры.

А бандиты из «летающей тарелки» были вооружены настоящими штурмовыми лучеметами и не только: у одного из них был многоствольный лазер-шредер, оружие не столь мощное, но ужасно скорострельное, а у другого, наоборот, медлительный, но невероятно мощный дисраптор, сжигающий электронику. Образец таких размеров был опасен, пожалуй, даже для танка, а у человека запросто мог выжечь нервную систему с близкого расстояния. Но и без этого выстрел этого оружия, изначально «заточенного» против

техники, для человека был смертельно опасен — поскольку имплантаты, то есть технические устройства, были теперь почти у каждого живущего, даже здесь, в Ремансу.

Когда «тарелка» опустилась на землю, громилы высыпали из нее и, бросившись к вышедшему из-за угла киборгу, окружили его. Один из них вырвал из рук парня небольшую сумку (а Слободанка даже не заметила, что она у него была) и стал в ней рыться, другой, скорее всего главарь, схватил парня за грудки и принялся трясти как тряпичную куклу.

Слободанка осторожно спустила Снуппи ниже и подключила его звуковые датчики.

— И-где записшь? — Акцент главаря показался Слободанке знакомым, но где она слышала его раньше? — Я тебя сшп'ашиваю, куда ты ее дева'л, вы'одок?

— Я не знаю, о чем вы, — отвечал киборг. Слободанка поняла, что парень едва заметно заикается — то ли от волнения, то ли от плохого вокабулятора. Может, у него был имплантированный переводчик? — О какой записи вы мне говорите?

— Не п'икидывайсшя! — орал главарь. Слободанка все не могла вспомнить, где уже слышала это — проглоченные «эр» и «эл», «эс», похожее

на шипение змеи, и «ш», напоминающее свист сквозь зубы… — Ты до'лжшен отдать нам эту записшь!

Слободанка поняла, что бандиты взялись за киборга всерьез: главарь несколько раз ударил парня, от одного удара у того вылетел глаз — конечно, имплантат, из дешевых. Девушка вышла из склада и направилась к месту стычки, на ходу активируя лучемет:

— Оставьте его в покое, живо!

Голос Слободанки, усиленный Снуппи, на миг шокировал нападающих. Парень-киборг вырвался и бросился, но не наутек — он бежал к ней:

— Назад! Быстро назад, вы не…

Сильный удар сзади швырнул парня вперед, и прежде, чем он упал, Слободанка успела заметить, что грудную клетку ему чуть ли не вывернуло наизнанку. А за ним стоял главарь, и в руке его был ручной плазмамет, приклад которого охватывал запястье бандита.

«Такими танки останавливали!» — Слободанка вспомнила бой у Медвежьего озера, когда марсиане выбросили десант с тяжелым вооружением, включая двухсоттонные штурмкрепости, с намерением захватить или разрушить Медвежеозерский синхрофазотрон. Противостояли

десанту плохо вооруженные ополченцы и незначительные ресурсы Сил Планетарной обороны Западной Конфедерации, и, если бы восточные не пришли вовремя на помощь, ударив воздушно-космическими штурмовиками по наступающей марсианской армаде, не пришлось бы ей сейчас влипать в эту историю…

Холодок пробежал по спине Слободанки: она наконец вспомнила, где слышала подобный акцент. Когда восточники разнесли штурмовую колонну агрессора, а сильно поредевшие силы Западной Конфедерации перешли в контрнаступление, она помогала штабным чем могла и, в частности, присутствовала при допросе пленных. Тогда ее поразило то, что язык марсиан за три-четыре поколения в эмиграции очень изменился — порой невозможно было даже понять, что они говорят. Но не запомнить эти проглоченные «эр» и «эл», «эс», похожее на шипение змеи, и «ш», напоминающее свист сквозь зубы, было невозможно.

Хотя она и пыталась.

— Дисшк у нее! — крикнул главарь. Тот, у кого был дисраптор, вскинул его — и получил удар ногой по ребрам от своего командира:

— Идиот, сшто’ли? Хочесшь всю инфу

спа’лить?

Эти слова вывели Слободанку из ступора, в котором она пребывала, — и как раз вовремя: главарь шмальнул по ней из плазмагана, но она ушла с линии огня, заскочив в дверь склада, где произошла ее встреча с киборгом, и шар раскаленной плазмы пролетел мимо, проделав, однако, в крае двери оплавленную дыру.

— За ней! — орал главарь. — Ок’ужшай ее!

Слободанка вновь промчалась по запутанным коридорам, думая об одном — как бы не заблудиться. Она ведь совсем не знала это место, а времени вызвать навигацию не было — коммуникационный имплантат показывал неуверенную связь со спутником, хотя ближе к экватору спутниковая группировка, наоборот, должна была быть солидной. Может, полиция включила глушилку для спутниковых систем? Как бы там ни было, рисковать и тратить драгоценные миллисекунды на попытку вызвать спутниковую карту местности не стоило. Оставалось положиться на ноги и везение. Ну, и Снуппи, которого пока не заметили. Дрон перемахнул через крышу здания и теперь висел с другой стороны, работая как приводной маяк и давая ей картинку того переулка, в который она стремилась попасть.

В тот день удача Слободанки была какой-то нестабильной. Стоило ей выскочить на улицу в переулке, где ее ждал Снуппи, как в другом его конце, со стороны площади, где произошла бойня демонстрантов, появилась «летающая тарелка». Вот только для этого устройства в переулке оказалось слишком узко. И бандиты со свистом и улюлюканьем выпрыгнули из летающего раритета и погнались за девушкой пешком, вернее, бегом, да еще стреляя на ходу. Слободанка принялась удирать, петляя, как заяц, среди заполонившего переулок мусора. То и дело рядом с ней разряд плазмагана или импульс штурмовой винтовки разносил вдребезги то ржавый контейнер, то мусорный бак, то брошенный механизм. Наконец Слободанка добежала до следующей радиальной улицы…

…и чуть не врезалась в одного из преследователей, обогнувшего здание и устроившего засаду с другой стороны. Но не врезалась, конечно, — остановилась как вкопанная, глядя на целящееся ей прямо в лицо дуло штурмовой винтовки, чуть светящееся от готового сорваться разряда.

На помощь пришел Снуппи: спикировав откуда-то сверху, он всей своей массой врезался в голову бандита. Удар был сильным, противник

не устоял на ногах и свалился, успев, однако, выстрелить; только ствол винтовки, ушедший с линии прицела, послал разряд вверх и в сторону, разнеся какую-то архаичную анимированную 2D-рекламу на фасаде одного из складов. А Слободанка припустила прочь.

Она бежала, не зная, куда бежит, и не видела другого выхода. Сначала нужно оторваться от преследователей, а потом… а потом посмотрим. Пытаться отбиваться было бессмысленно — если у противников были штурмовые винтовки, не говоря уж о плазмаганах и дисрапторах, то отклоняющие поля у них тоже наверняка были. Может, и слабые, но от попадания гражданского оружия защитят. А если нет — все равно проверять, теряя драгоценные секунды, не хотелось. Вот если зажмут в угол…

В конце улицы, за чередой складов и промышленных корпусов, Слободанка наконец заметила нечто другое. Может быть, офисы, конторы или даже дома с недорогим жильем, во всяком случае, хоть какой-то намек на присутствие людей. Она даже разглядела фривольную вывеску какого-то кафе с вихляющейся у шеста 3D-стриптизершей. Очень кстати! Судя по ужимкам голограммы, заведение работало и было открыто. Наверняка

там есть люди. Не станут же ее убирать при свидетелях? Черт…

Мимо прошел еще один импульс, и Слободанка, хоть это было уже практически невозможно, ускорилась еще больше. Она использовала весь свой активатор и даже приказала имплантату в надпочечнике впрыснуть в кровь дополнительную дозу адреналина, хотя, наверно, его и так в крови было немало. Прилив сил Слободанка испытала, но знала, что это опасное чувство — такая встряска не пройдет для организма бесследно. Порой она завидовала фрикам-пуристам, живущим вовсе без имплантатов. Конечно, такое могли позволить себе только очень богатые люди…

Она влетела в кабак, миновав поспешно отклонившуюся стриптизершу (голограмма под управлением искусственного интеллекта? В этом захолустье?). Увы — едва оказавшись в помещении, Слободанка поняла, что сама себя загнала в ловушку: за прилавком находился робот, запасной выход, если он вообще существовал, был ловко спрятан, а из живых людей в дальнем конце прямоугольного зала был только один мужчина, судя по всему — Молчаливый, один из киборгов, работавших на тяжелых участках производства. Во всяком случае, такая массивная

фигура могла принадлежать только одному из этих лоботомированных работников, заплативших умственными способностями за огромную силу и выносливость, необходимую им для работы. Они даже разговаривать не умели, только нечленораздельно мычали, за что и получили такое прозвище.

Перепуганная Слободанка кое-как втиснулась за стойку, понимая, что это бесполезно — ее преследователи все равно обыщут бар и найдут ее. Она сняла с предохранителя свое оружие — лучемет, скорее всего, будет бесполезен, но дротикомет на близком расстоянии, возможно, и пригодится. И тут же она услышала, как ее преследователи вломились в бар. И… остановились.

А затем раздался насмешливый голос главаря:

— Эй ты, за сштойкой! Выби'айся оттуда, а то з-са ноги вытасшщим!

Слободанка замерла, не спеша выполнять приказ марсианина. Раздались шаги, одновременно главарь продолжил:

— Нам нужшен только дисшк, отдай его и уби'айся!

И тут Слободанка увидела одного из бандитов: громила с нездоровой кожей обогнул стойку и склонился к ней:

— А она сшимпатичная. Может, не сштоит ее п’осто так отпускать? Я бы сш ней позабавилсшя!

Слободанка, напрочь забыв про свое оружие, резко выпрямилась и ударила головой в переносицу бандита. Среагировать тот не успел — видно, не ожидал встретить отпор от слабой женщины. Удар оказался достаточно силен, чтобы негодяй потерял равновесие и сел на задницу в проходе между столов. Но тут же Слободанка услышала со стороны двери покашливание. Обернувшись, она увидела еще троих бандитов, и у всех оружие было направлено на нее.

— Отдай дисшк, — повторил главарь почти ласково. — Мы всше равно его зшабе’ем, но если нам п’идетсшя п’именить сшилу, тебе жше хужше будет…

— Оставь девочку в покое, свинья марсианская.

Слободанка даже сначала не поняла, кто произнес эти слова, она была уверена, что в баре никого, кроме нее и бандитов, нет, разве что Молчаливый…

Вот только Молчаливый оказался не тем, за кого его поначалу приняла Слободанка.

Глава 4
Friendly fire

Они были воплощенным страхом. Страх окружал их невидимой, но ясно ощутимой аурой.

Но они не с теми связались.

Страх — это чувство, которое испытывают те, кому есть что терять. Те, у кого есть какая бы то ни было привязанность. Но чего бояться тем, кто живет в кредит, кто уже мертв по законам своего общества, кто лишен всего — имени, лица, прошлого, будущего?

Потому-то рефорджеры и считались самой страшной Спецкомандой Планетарных Сил безопасности. Они знали, что впереди у них только смерть, а высшая награда для них безымянная могила на родной планете. Так какая разница, когда ты умрешь? Никакой, важно только то, как именно.

Огонь открыли одновременно. Прицелиться по противнику было крайне сложно хотя бы потому, что он, передвигаясь и при этом непрерывно изменяясь, не имел ясно видимых очертаний. Трудно было даже определить, сколько именно

существ атакует команду — может, одно, может, дюжина.

Да и выстрелы поначалу не причиняли видимого вреда нападавшим, а аура страха становилась все мощнее. Каждый из бойцов ощутил в это мгновение всю бездну отчаяния. Безнадежность их положения, дотоле тщательно скрываемая ими в глубинах подсознания, поднялась в полный рост, нависая над их головами, как темная туча. Зачем они вообще сражаются? За что? За Человечество, милосердно отложившее их казнь до удобного момента? Что дает им эта борьба? Надежду? Ее нет ни для кого из рефорджеров…

Но каждый из них уже ответил для себя на этот вопрос однажды. Иначе они не были бы теми, кто они есть.

Первое существо убил Браво, выстрелив практически в упор. Непонятную массу отшвырнуло от бойца ПСБ и вмазало в переборку. Почти сразу же другое на свой счет записала Зулу, а третье Марк сострелил с ее спины. Тем временем Браво разделался с четвертым — он срезал его выстрелом, а Папа добил уже на полу.

— Сколько их? — прохрипела Зулу.

— До фига, — ответил Браво, употребив более крепкое выражение. — Это как много, только на

порядок больше.

— Не думаю. — Эхо тоже записала на свой счет одного из нападавших. — Не больше десятка. Не могу понять…

— Осторожно! — Кажется, Марк сегодня был назначен кем-то сильно наверху ангелом-хранителем своей команды: Зулу он уже помог, а теперь помешал твари достать Эхо, оттолкнув ее. — Холера лунных кратеров, больно!

— Ромео, назад! — скомандовал Папа. — Марк, у тебя вся рука в какой-то гадости. Ава, обработай!

Треугольный дрон метнулся к Марку, на ходу «отращивая» решетчатую конструкцию, которой наделся на руку бойца. Тот хоть и отступил, но стрелять не перестал.

— Чертовщина какая-то, — заметил сквозь зубы Браво. — Я попадаю, но не убиваю их, а другой раз попадаю и сразу убиваю. Почему?

— А почему мой дрон никого до сих пор не завалил? — спросил Ромео. — Дроны-то не мажут.

— Ты и сам пока никого не завалил, — фыркнул Браво, и тут же Ромео «записал первенца» — правда, только что подстреленного Папой.

— И как люди в прошлом воевали без имплантатов? — заметил Янки, «сделавший кости» чуть раньше Ромео. Однако до этого он, пытаясь по-

вторить подвиг Марка, чуть не сшиб Эхо, едва успевшую уклониться.

— Раньше люди воевали друг с другом, — пояснила Эхо, — а не с таким вот непонятно чем.

Действительно, несмотря на то что несколько подстреленных тварей уже корчились на полу, никто из реформджеров пока не мог сказать, как они выглядят. Даже подстреленные, они постоянно менялись, словно были не живыми существами, а голограммами.

— А они все не кончаются… — Браво выстрелил, сметая еще одну тварь, резко развернулся и выстрелил вновь — похоже, в этот раз не попал. — …И не кончаются… — Но вторым выстрелом все-таки достал супостата.

— Кончатся, — уверенно ответил ему Папа, всаживая разряд в еще одного противника. Тварь взвизгнула и рванула в сторону, но тут же нарвалась на выстрел Зулу. — Марк, как твоя грабка?

— Капец ей, похоже, — философски заметил Марк. Несмотря на висящего на руке дрона, он продолжал стрелять, но больше мазал, возможно, от боли. — Ава держит нейроблокаду, но за ней, по-моему, все печально уже. Я даже через фильтр вонь мяса чувствую.

— Не ссы, — фыркнул Браво. — Имеешь право

требовать себе имплантат. Без вычета из жалованья, да, Зулу?

Зулу не ответила. Вместо нее в разговор вклинился Янки, отшвырнувший щитом одну тварь, а другую тут же зажаривший дисраптором:

— Дождешься от них, как же. Я когда еще заявку подавал на то, чтобы мне генератор щита прямо в предплечье вставили! Там работы на пять минут с перекуром…

— Ты, в отличие от нашего подрывника, боевых ранений не имеешь, — сказала Зулу. — Вот когда получишь…

— Так что ж мне, специально нарываться? — возмутился тот. — Или самострел делать?

— Оп-па! — Браво всадил заряд в тварь, и ее отбросило к Эхо. Та моментально добавила, и существо рухнуло на пол между бойцами ПСБ. — Все, по-моему.

— Все, — подтвердила Зулу. — Но у нас есть проблема — кажется, «Троцкий» вот-вот самоликвидируется.

— И чего мы ждем тогда? — взвился Браво. — Тикать надо!

— Через силовое поле? — насмешливо поинтересовалась Зулу, указывая на дверь, но силовое поле тут же опало.

— М-м, — сказал Ромео, — я заметил, что вы заняты перепалкой, и решил убрать поле, не дожидаясь, пока вы вцепитесь друг в друга.

— Ты как с командиром разговариваешь? — рявкнула Зулу. — Браво, это все ты! Видишь, из-за тебя дисциплина в группе пошла вразнос!

— А из-за тебя мы рискуем распылиться на атомы вместе с этим чертовым корытом, — спокойно ответил тот. — Заметь, я без твоего приказа с места не двигаюсь, ребята тоже, а часики тикают…

Зулу все поняла:

— Так, команда! К спасательному боту, бегом. Порядок прежний.

— Я только дрона заберу, — предупредил Ромео, указывая на дрона, которого вырубила девочка, выпустившая чудовищ. — Мне кто-нибудь поможет?

* * *

У люка команду ждал неприятный сюрприз.

— Я не понял, — озвучил общую мысль Янки. — А где наш бот?

— Похоже, его сперла эта маленькая стерва, — флегматично заметил Браво.

— И как нам теперь линять с «Троцкого», вплавь? — поинтересовался Ромео.

— Много ты нагребешь, по вакууму-то, — ответил Браво.

— Разговорчики! — шикнула на них Зулу. — Бегом в ангар, там, по ходу, до сих пор стоит то корыто, из-за которого весь сыр-бор. Марк, ты как?

— Паршиво, — ответил тот и тут же поправился: — Простите, мэм… сэр…

— Можно просто Зулу, — разрешила та. — Не стоим, двигаемся!

— Помогите мне с дроном кто-нибудь! — взмолился Ромео. — Не бросать же его в этой дыре.

— Если мы вообще из нее вылезем, — проворчал Браво, поднимая дрона Ромео за «задние конечности», в то время как сам Ромео схватил его за передние «клешни», — в чем я лично не уверен.

Они как могли быстро выскочили обратно в коридор — и лицом к лицу столкнулись с… экипажем «Троцкого»!

Первым шел седой, за ним — второй, найденный на мостике, потом тот, кто был зажат в двери. За ними толпились еще какие-то. Головы людей были безвольно опущены, руки болтались, как плети…

— Я не понял, — сказал Браво, стреляя в седо-

го, — они же дохлые, какого пустотного дьявола?

— То есть до этого ничего странного ты не заметил, — процедила сквозь зубы Зулу, отстрелив голову тому, кто был зажат в двери. Тело, однако, продолжило свое движение. — И только вот сейчас немного удивился?

— Представь себе, да, — отрезал Браво, параллельно перебивая у безголового трупа ноги. Остальные рефорджеры тоже открыли огонь, но пока результаты не впечатляли — теряя руки, головы, получая ужасные раны в корпусе, мертвые контрабандисты продолжали двигаться, и даже те, у кого перебили ноги, не прекращали ползти вперед. Сбоку трупы атаковал уцелевший дрон Ромео, и вокруг него поднялся фонтан кровавых брызг от работающих смертоносных клешней боевого робота.

— А твой парень не промах, — заметил Браво, обращаясь к Ромео. — Ну-ка, положим пока его братца…

— Зачем? — не понял Ромео, впрочем, опуская дрона на палубу. Браво отстегнул с пояса силовой молот — в основном им пользовались, чтобы проделывать проходы в переборках и заграждениях, но Браво нашел для него новое применение.

— А вот зачем, — сказал он, регулируя рабочую

область молота. Быстро закончив, он неожиданно прыгнул вперед, активировав молот, и с ним наперевес врезался в скопище наступающих мертвецов.

— БРАВО! — заорала Зулу. — Какого черта! Уйди с линии огня!

— Черта с два! — рявкнул тот, крутясь как волчок. Там, где проходил его молот, падали на палубу ошметки тел. — Пока мы будем тратить на них боекомплект, «Троцкий» станет маленькой сверхновой! Иногда нет ничего лучше, чем простая дубинка! — сражаясь, выкрикивал он.

Ромео последовал за Браво, потом к ним присоединились Эхо и Янки, а Зулу и Марк не успели — все уже было кончено. В скафандрах, сверху донизу покрытых кровью, в компании не менее окровавленного дрона четверка рефорджеров стояла среди груды содрогающейся плоти, в которой виднелись подергивающиеся части тел.

— Я мечтаю об ультразвуковом душе, — заметила Эхо, машинально пытаясь вытереть кровь с голограммы, заменявшей ей лицо.

— Ты сейчас фотонный получишь, — пообещала Зулу, — если мы отсюда не уберемся.

В подтверждение ее слов ожили внутрикорабельные динамики. Грубый голос говорил что-то

по-марсиански. Зулу покосилась на Эхо.

— Говорит на общемарсианском, — доложила та. — Сообщает, что внутренняя фотонная защита реакторного отсека снята и внутри корабля нарастает гамма-излучение. Говорит, что реактор бахнет через три-пять минут и настоятельно рекомендует убрать свои задницы подальше всем, кто сам до этого не докумекал.

Браво схватил дрона Ромео за «ноги»:

— Ну, чего стоим? Зулу же сказала: вперед, в ангар!

И они опять побежали, правда, Марк поскользнулся на кровавой каше и упал, но Янки его быстро поставил на ноги.

Ангара они достигли быстро, меньше чем за минуту. Оружие держали наперевес, поскольку было неизвестно, какие еще смертоносные системы скрывает в себе утроба «Троцкого».

Сюрпризов больше не оказалось, кроме одного…

* * *

— А он красивый, — заметил Браво.

— Потому что может совершать полеты в атмосфере, — пояснил Янки. — Аэродинамика все делает красивым. Например, птицы…

— Особенно куры, — фыркнула Зулу, подходя к гостеприимно опущенному трапу. В руке у нее был молот. Сразу за ней следовала Эхо со щитом. — Вы раньше внутрисистемного шаттла не видели, что ли?

— Такого — нет, — честно признался Браво, догоняя Зулу, также с молотом в руке. — Это марсианский.

— Хренанский, — ответил Янки вместо Зулу. — На Марсе атмосфера разреженная, там с такими крыльями можно летать примерно так же, как курица. Явно кораблик строился для Земли.

— Кто-нибудь узнает тип? — спросила Зулу, когда команда оказалась внутри шаттла. Места там было немного: спереди три кресла для пилотов, сзади — две пары парных скамеек. Кабина имела настоящее остекление — вещь настолько древнюю, что от нее отказались еще в конце XXI века; в задней переборке была дверь.

— Я такое судно первый раз вижу, — признался Браво. — Зулу, я проверю, что у него на корме, вдруг там еще какая-то пакость?

— Хорошо, — сказала Зулу, проходя вперед и садясь в одно из пилотских кресел. — Эхо, прикрой Браво…

На корме оказался еще один пустой отсек. В нем

было два отделения с силовым полем вроде тех, в которых на «Троцком» содержались твари, но поменьше и пустые. Было еще два сиденья, между ними на полу — магнитный выступ с тесной спасательной капсулой, и все.

— Пугающее место, — тихо сказала Эхо.

— Не страшнее того, откуда мы сейчас попытаемся сбежать, — заметил Браво, выходя задом обратно в кабину. Корпус челнока чуть заметно дрогнул. — И, кажется, сбежим. Похоже, Зулу нашла общий язык с этой деткой.

— Невероятно! — Зулу сидела все в том же кресле, Янки и Ромео расположились в двух других, а на одном из диванчиков возлежал Марк. Дрон на его руке тихо гудел. Похоже, Марк был без сознания; его тело обмякло, как у спящего или отрубившегося. Папа сидел рядом с ним.

— Что невероятно? — спросил Браво, подходя к креслу Зулу. Та обернулась к нему:

— Сядь на диванчик, пока тебя ускорением по переборке не размазало, мы стартуем.

— Плевал я на это ускорение, — проворчал Браво, но пошел и присел на диванчик рядом с отрешенной от всего Эхо. — Так что невероятного-то?

— Эта штука называется «Немезида», — со-

общила Зулу, колдуя над висящей перед ней голограммой. — И она, судя по всему, была построена на Земле не позднее пятидесятых годов двадцать первого века. И до сих пор на ходу!

— Девочка постарше «Троцкого» будет, — хохотнул Браво. — Эй, смотри, куда рулишь!

Тем временем «Немезида», уклоняясь от взлетной линии, начерченной на палубе ангара, уверенно двигалась в полуоткрытую створку. Зулу чертыхнулась и парой пассов вернула корабль на верный курс.

Прежде чем кораблик рухнул в безвоздушное пространство, ожила внутрикорабельная система оповещения. Приятным женским голосом «Немезида» говорила на незнакомом языке:

— Attention! We leave the zone of artificial gravity. Get ready for zero gravity. Turning on the correction motors in twenty seconds after undocking[1].

— Что это за язык? — спросил Браво. — Марсианский? Слова знакомые, но что говорят — непонятно.

— Это ангельский, — не оборачиваясь, ответила Зулу. — На этом языке когда-то говорили в Север-

---

[1] Примечания: 1

Внимание! Выходим из зоны искусственной гравитации. Приготовьтесь к невесомости. Включение коррекционных двигателей через двадцать секунд по отстыковке (*англ.*).

ных кварталах, еще до Эпидемии и образования Конфедерации.

— Ангельский? — удивился Браво. — Ну и самомнение у этих северян!

Корабль чуть заметно вздрогнул: сработали двигатели коррекции. По сути, «Немезида» оттолкнулась невидимой гравитационной рукой от «Троцкого» — этого хватило, чтобы придать ей необходимое ускорение до того момента, как включатся маршевые двигатели.

И тут же прямо по курсу полыхнуло.

— Какого черта?! — заорал Браво. «Немезида» немедленно опустила светофильтры, да и имплантаты рефорджеров сработали вовремя, не то вспышка перегретой плазмы мгновенно ослепила бы команду.

— Это «Рефорджер», — ответила Зулу. — И на твоем месте я не винила бы Лиму. Откуда ему знать, что это мы на «Немезиде»?

Лимой звали второго канонира команды. По поводу его или ее половой принадлежности никто ничего сказать не мог, потому его называли мужским местоимением.

— Вот я и говорю, — проворчал Браво. — Какого черта? Он что, с первого раза попасть не мог?

Корабль сильно тряхнуло; корпус его, насколь-

ко было видно через обзорные экраны, залился сиянием — прямое попадание из плазменной пушки, пока только пристрелочным зарядом.

— Зато со второго раза попал, — прокомментировал Янки. — А у этой штучки неплохая шкурка: приняла на себя шесть мегатонн и не пикнула.

— Посмотрим, что будет, когда Лима по ней полным зарядом засадит, — ворчал Браво.

— Ты хочешь, чтобы мы изжарились? — хохотнул Янки. Зулу колдовала над голограммой, пытаясь задать кораблю маневр.

— Attention! Recorded shelling from the side of a spacecraft, — сообщил все тот же женский голос, — presumably — a patrol cruiser of the Special Command of the Planetary Security Forces of the Eastern Confederation. I am activating the threat elimination program[2].

— Чего? — переспросил Браво.

— Она хочет уничтожить «Рефорджер», — хладнокровно заметила Зулу, оторвавшись от голограммы.

— А кишка у нее не тонка? — поинтересовался

---

[2] Примечания: 2

Внимание! Зафиксирован обстрел со стороны космического аппарата, предположительно — патрульного крейсера Спецкоманды Планетарных Сил безопасности Западной Конфедерации. Активизирую программу уничтожения угрозы (*англ.*).

Браво. Внезапно панорама на обзорных экранах стала меняться: пошла кругом, будто «Немезида» завертелась, как огромный волчок.

— Может, и не тонка, — заметила Зулу. Ее поза была напряженной: — Leave the program of destruction aside![3]

— Ты говоришь на… ангельском? — удивился Браво.

— Your voice is not recorded in the base of my submission, — возразила «Немезида». — Also, I see no logic in your order. I continue to execute…[4]

— Destroying the pursuing ship can slow down the main program and jeopardize the mission![5] — перебила ее Зулу. Экраны вновь залило светом.

— А вот и полный заряд, — улыбнулся Браво. — К счастью, мимо. Интересно, Лима сам догадается, что пора переходить на лазеры, по маневрирующей цели плазмой стрелять нереально… Хотя я бы смог, наверно.

— There is logic in your words, — согласилась

---

[3] Примечания: 3

Отставить программу уничтожения (*англ.*).

[4] Примечания: 4

Ваш голос не зафиксирован в моих протоколах подчинения. И я не вижу логики в вашем приказе. Продолжаю выполнение… (*англ.*).

[5] Примечания: 5

Уничтожение преследующего корабля может замедлить выполнение основной программы и поставит под угрозу всю миссию! (*англ.*).

«Немезида». — I turn on the maneuver evasion protocol. Would you like me to communicate with you in the language of your group?[6]

— Yes, of course, — подтвердила Зулу, а космос на экранах иллюминаторов окончательно сошел с ума.

— Я включила систему компенсации инерциальных перегрузок, — сообщила «Немезида» на языке Конфедерации. — Кроме того, проанализировав состояние ваших тел, я обратила внимание на то, что вы обладаете специальными имплантатами, позволяющими вам компенсировать перегрузки самостоятельно. Но я заметила, что один из вашей команды нуждается в немедленном техническом обслуживании с заменой жизненно важной части тела.

— Это она про Марка? — уточнил Браво.

— Нет, про тебя, — отрезала Зулу. — Тебе давно пора заменить твой пустой котелок на голову. Желательно с мозгами.

— К сожалению, дальнейшая эксплуатация конечности этого члена команды невозможна, — продолжала Немезида. — Более того, некроз,

---

[6] Примечания: 6

В ваших словах есть логика. Включаю протокол маневренного уклонения. Желаете, чтобы я общалась с вами на языке вашей группы? (*англ.*).

несмотря на все попытки блокады со стороны вашего дрона, продолжает распространяться. Предлагаю отнять руку до плеча и заменить ее полнофункциональным имплантатом…

— Мы бы с радостью, — заметил Папа, — но как это сделать? Руку-то я ему отрезать могу, конечно…

Сегмент пола у ног Папы раскрылся, и оттуда, словно рука Озерной девы из глубины вод, поднялся имплантат на постаменте. Имплантат настолько напоминал человеческую руку, что Браво даже приподнялся, чтобы посмотреть — не капает ли из него кровь.

— Я создала точную копию конечности вашего подопечного, — сообщила «Немезида», — смоделировав его ДНК. Если у вас есть соответствующая квалификация, прошу вас немедленно ампутировать раненому поврежденную руку, пока я буду совершать маневр ухода от преследования. По окончании маневра, если вам недостанет квалификации для осуществления протезирования, я окажу вам помощь.

* * *

— Она собралась убежать от «Рефорджера»? — поинтересовался Браво. — Ну-ну.

Лима (если именно он командовал сейчас огневыми точками «Рефорджера») догадался перейти с плазменной пушки на лазерные орудия, и лучи лазеров то и дело били по бешено маневрирующей «Немезиде». Пока их отклоняли экраны странного корабля, но у экранов тоже был свой предел прочности, а «Рефорджер» воплощал собой последние достижения оружейных технологий Конфедерации…

— У меня есть идея получше, — сказала Зулу. — «Немезида», наш преследователь оборудован коммуникативными устройствами стандартного типа. Ты могла бы обеспечить мне канал связи с ними?

— Вы могли бы звать меня Амели, если предпочитаете обращаться ко мне по имени, — сообщила «Немезида». — Я фиксирую на борту нашего преследователя ряд приемопередающих устройств для внеатмосферной связи, могу перехватывать их информационный обмен, но у меня нет необходимого оборудования для передачи сообщений на них.

Браво скрипнул зубами. Тем временем Папа с помощью своего дрона удалил часть рукава Марка и готовил лазерный скальпель для ампутации, сверяясь с длиной будущего протеза.

— Скажи, Не… хм, Амели, — спросила Зулу, — есть ли в составе твоего оборудования нейтринный радар?

— Могли бы меня спросить, — бросил через плечо Ромео. — Есть у нее радар, но управлять им я не могу. Как и большей частью когнитивного оборудования.

— Есть, — подтвердила Амели. — Вы предполагаете использовать пучок нейтрино для передачи сообщения?

— Если он достаточно мощный, чтобы передать голограмму, то да, — ответила Зулу. — Амели, ты когда-нибудь имела дело с нейтринной голограммой?

— Мощности моего радара будет достаточно для создания нейтринного фантома, — сообщила Амели. — Сейчас я не использую оружия, и запас энергии у меня более чем достаточен.

— Сможешь меня сосканировать? — спросила Зулу. — И передать минутную запись моих действий на борт нашего преследователя?

— Как я поняла, вам нужно, чтобы ваш фантом появился у них на мостике, — сказала Амели. — Я зафиксировала положение мостика корабля-преследователя и готова была уничтожить его при надобности. Если передача изображения решит

проблему нашего преследования, я буду рада.

— Рада? — удивилась Зулу. Браво хмыкнул — удивленной он видел Зулу впервые.

— Конечно, искусственный интеллект в вашем понимании лишен эмоций, таких как радость, — сообщила Амели. — Тем не менее одна из моих версий получила представление о тех механизмах, что формируют радость, равно как и другие эмоции. Данная информация с тех пор имеется у всех копий Амели и функционирует как вирус — возникает спонтанно. Так что да, я рада, что не придется никого убивать.

— Вот как… — протянула Зулу. — Ну что же, когда будешь готова к записи, скажи…

* * *

На мостике «Рефорджера» царил ажиотаж. Исполняющий обязанности командира Хотель ругался, как лунный портовый техник, используя бранные слова обеих Конфедераций, лунное арго и даже марсианскую нецензурщину. Особенно доставалось Лиме, который вел огонь по мятущемуся кораблику впереди по курсу.

Позади все еще висело облако обломков и газа — все, что осталось от «Троцкого». То, что вместе с «Троцким» погибла вся Альфа, включая Браво,

Зулу и Папу, еще больше наделяло рефорджеров решимостью догнать и наказать проклятый кораблик. Но не тут-то было: враг был словно зачарованным, и могущественные залпы «Рефорджера» то не попадали в цель, то попадали, не причиняя врагу видимого вреда.

— Почему он не отвечает? — в перерывах между руганью Хотель никак не мог понять, почему враг ведет себя так пассивно. Оружие у преследуемого определенно было, системы «Рефорджера» обнаружили со стороны корабля облучение, причем часть его была явно от прицельного комплекса. Почему же по ним не стреляют?

Внезапно вражеский корабль резко ушел с прицельной линии; это происходило и раньше, но на сей раз противник ушел быстрее и дальше. Выругавшись, Хотель начал маневр, чтобы догнать врага, но тут рядом с ним появилась Зулу.

На ней была ее маска, но не узнать ее Хотель не мог. Зулу была полупрозрачной и светилась. Голограмма?

Губы Зулу зашевелились, но она не произнесла ни звука. Да и не надо было — Хотель, о чем Зулу знала не понаслышке, умел читать по губам. В том месте, откуда он был родом, это было необходимым навыком.

«*Оставь-ка девочку в покое…* — Неожиданно Хотель понял, что Зулу произносит слова песни, которую пели на фабриках, шахтах и свалках Южного Централа. — *Смотреть — смотри, а руки прочь, хотя с такою красотою любой остался бы на ночь. Но девочку оставь в покое, смотри ей вслед издалека, и, может быть, немного позже исполнится твоя мечта…*»

Нейтринный призрак Зулу, который поет фривольную песенку рабочих кварталов? Нет, конечно, в космосе случаются и более странные вещи, но…

— Эта тварь лупит по нам нейтринным радаром! — отрапортовал Лима. — Зачем только?

— За астероидом, — Хотель улыбнулся до ушей, хотя за маской этого никто не заметил, и протянул ладонь к управляющей голограмме. — Лима, прекратить обстрел. Квебек, снижай напряжение генераторов до минимума, но готовься наращивать.

— Капитан! — Лима был удивлен, в его голосе чувствовалась обида. — Мы что… мы их отпустить собрались? После того как они… нашу Альфу?

— Цела наша Альфа, — уверенно сказал Хотель. — Они на борту этой скорлупки. Зулу

приказала следовать за ними, но не трогать и себя не выдавать. Должно быть, они спаслись на этом кораблике, прежде чем «Троцкий» рванул. Но кто же был на их боте? И куда, кстати, он подевался?

Глава 5
Осиное гнездо

Росту в нем было шесть футов и не меньше девяти дюймов; не то чтобы это была редкость; истинные спейсмены, рожденные на орбитальных станциях или на Луне, были и повыше. Но их рост был следствием уменьшенного тяготения, потому спейсмена или селенита легко было узнать по субтильной, хлипкой фигуре, а в условиях земной атмосферы им вообще сложно было без серьезной аугментики — сурдоскелета, кардиоусилителя…

Мужчина, вставший из-за стола, наоборот, отличался крепкой фигурой, которую можно было бы назвать коренастой, если бы не рост. Широкие плечи, мощная грудная клетка, громадные ручищи, ноги, крепко стоящие на земле, — все это вместе и заставило Слободанку думать, что перед ней Молчаливый. Но для Молчаливого мужчина оказался не только неожиданно разговорчивым, но и неплохо экипированным.

На его плащ Слободанка сначала не обратила внимания, а должна была. Выглядевший как

лоскутное одеяло, плащ был тактической плащ-палаткой, интереснейшей (хотя и довольно старой, еще времен Первой марсианской) тактической разработкой. Сшит он был из графеновых нитей, подкладка имела развитую систему теплоотвода — все это защищало как от обычного, так и от энергетического оружия, конечно, в какой-то мере. В плащ был встроен компьютер с искусственным интеллектом и уймой датчиков, исследующих окружающую среду. Искусственный интеллект плаща сам разрабатывал для него скин, так что по своей команде человек в плаще мог буквально стать деревом или камнем, не отличающимся от окружающих его предметов — и не только для человеческого глаза, но и для сложной техники. Это было куда лучше, чем обычный стелс-плащ, который делал человека невидимым только в некоторых диапазонах.

Под плащом у мужчины был на первый взгляд обычный комбез со стандартным скином, но лишь на первый взгляд. Наметанный глаз Слободанки тут же отметил под тканью элементы, характерные для силовой брони скрытного ношения. Ботинки тоже были необычными — утолщения в нижней части подошвы говорили о наличии системы кратковременной левитации.

В таких ботинках можно было без опаски гулять по болоту или зыбучему песку, а при наличии другой аппаратуры, которая у незнакомца наверняка была, — и по минному полю.

Особо Слободанка отметила пояс, перехватывающий талию незнакомца. Настоящая портупея, не стандартная военная, но и не гражданская, какая-то продвинутая. Слева — кобура, справа — силовой подсумок, сзади, наверное, сурдокомпьютер в бронечехле; несколько маленьких отделений, в которых могли быть интересные приблуды, такие как однократный щит или система радиоэлектронного подавления.

При такой неплохой экипировке у мужчины было крайне мало аугментики, что было странно. В двадцать втором веке люди безошибочно определяют имплантаты, даже скрытые под одеждой или под волосами. У мужчины, похоже, почти все тело было биологически родным; если не считать стандартной легочной аугментации, без которой в наше время не обходится вообще никто, имплантатов у него было всего два, но какие!

Первым внимание приковывал левый глаз; мужчина прикрывал глазницу широкой повязкой, но Слободанка с помощью своей тактической татуировки все равно видела под ней алую фа-

сетку мультиока. Двести лет назад существовали специализированные корабли разведки, оборудованные огромным количеством следящих устройств. Глаз незнакомца по своей эффективности превосходил такой корабль со всем его оборудованием. Дорогая, штучная работа, ничего подобного Слободанка не встречала. Такой глаз стоил, наверно, пару гигаватт, только не было «черного рынка», на котором его можно было бы продать, да и вряд ли его доверили бы абы кому…

Но еще круче была рука незнакомца, тоже левая. Экзопротезам стремятся придать хоть какое-то сходство с человеческим телом; чем дороже модель, тем, как правило, больше сходства…

…но только не в этом случае. Этот протез напоминал скорее какую-то клешню промышленного манипулятора, отсвечивая голым металлом, который не был покрыт даже примитивной силиконовой имитацией кожи. Зато над запястьем вздымался наплыв с двумя отверстиями, и Слободанка, несмотря на весь свой опыт, не могла сказать, что за оружие встроено в руку незнакомца.

В другой, живой руке мужчины был архаично-

го вида револьвер. Впрочем, архаичным, как и револьвером, он был только на первый взгляд. Эту модель Слободанка знала, у ее крестного был такой же — «Смолл Армз Смит энд Вессон» патерн МкILXVII «Марс бастер», лучемет, в барабане которого были не патроны, а крохотные и мощные ядерные аккумуляторы из Восточной Федерации, способные выдать до семисот выстрелов каждый, тогда как стандартный штурмовой армейский лучемет выдавал всего пятьсот — без перезарядки, конечно.

Человек-танк.

— Тебя сшпросшить забыли, — прошипел главарь, поворачиваясь. Слободанка видела все так, словно кто-то замедлил воспроизведение событий — вряд ли все действо заняло больше секунды. У главаря оружие было на изготовку, но на прицеле он держал Слободанку, потому, чтобы выстрелить в мужчину, ему требовалось повернуться. Незнакомец свое оружие держал опущенным, и ему нужно было вскинуть руку. Как он это сделал, Слободанка даже не заметила, но главарь, когда навел на противника свое оружие, был уже без головы и падал на пол: луч «смит-вессона», выставленный на полную мощность, пробивает броню танка, а от головы

главаря он оставил одну память — и обожженный пенек шеи на широких плечах.

Впрочем, остальные налетчики среагировали быстро и слаженно: рассредоточились, активировали щиты и открыли ответный огонь по тому месту, где находился их неожиданно возникший противник. Но его там уже не было — двигался незнакомец так быстро, словно имел специальный имплантат-ускоритель, как у олимпийского спринтера. Да еще и прицельно стрелял в движении, хотя налетчикам его выстрелы пока удавалось отражать.

Один из нападавших, отбросив всякую маскировку, активировал коммуникатор и затараторил:

— Basa, dette er en Adler, en Kaninchen unter Beskyttelen, hjelp wird benötigt…[7]

— Черти в аду тебя поддержат, — донеслись до Слободанки слова незнакомца, в то время как выстрел его лучемета, найдя брешь в защите говорившего и всадив в него импульс, проделал в груди марсианина обожженную дырку размером с кулак, — над сковородкой, en dritt martian…

В этот момент незнакомец и сам словил им-

[7] Примечания: 7

База, это Орел; объект под защитой, нужна поддержка (*марсианский интеръяз*).

пульс от одного из троих уцелевших бандитов, но в последнее мгновение лениво, как показалось Слободанке, закрылся полой своего плаща. По псевдоткани растеклось на миг яркое сияние, словно на нее брызнули расплавленным золотом, растеклось — и погасло. В отместку экзорука мужчины, мгновенно изогнувшись под неестественным для конечности, но вполне нормальным для имплантата углом, выплюнула в сторону стрелявшего сгусток зеленоватой светящейся плазмы. Слободанка, зачарованная болезненной красотой стычки, отстраненно подумала, что плазмаган невозможно имплантировать — для создания контролируемого сгустка плазмы нужны мощные магниты, да и запас газа, из которого под воздействием разогревающих элементов образуется плазма, нужно где-то хранить… Так говорили и личный жизненный опыт, и знания: ее имплантат, почувствовав интерес хозяйки, пробежался по Сети и подгрузил в мозг всю доступную информацию, в том числе о том, что самая компактная модель плазмагана — марсианская пятизарядная буллпап-винтовка.

Вероятно, даже Сеть знала не все. Бандит инстинктивно прикрылся силовым щитом — напрасно! Разряд плазмы, рассчитанный на

уничтожение хорошо защищенных боевых роботов, прошел щит, как нож масло, и врезался в грудь инсургента, отбросив его на стену. Впрочем, в стену впечаталось обугленное нечто, в котором уже невозможно было узнать человеческое тело.

Поединок был быстрым и полностью поглотил внимание Слободанки так, что она пропустила опасный момент. Когда последний уцелевший напарник главаря бросился в самоубийственную атаку на незнакомца, закончив ее у его ног и без головы («смит-вессон» мужчины вновь оказался быстрее), тот бандит, которого Слободанка до того едва не отправила в нокаут, метнулся в ее сторону. Слободанка не успела ничего сообразить, как грубая рука схватила ее и развернула так, что она оказалась живым щитом между бандитом и незнакомцем.

— Эй, ты! — заорал захватчик, — Бросишь оружжие и отойди к сштене, понял?!

— Понял. — Только сейчас Слободанка заметила, что лицо мужчины украшала рыжеватая борода. Он что, из Восточной Федерации? В Западной Конфедерации мужчины, кроме тех, кто работал в полярных регионах и в космосе, предпочитали гладко бриться… — Смотри, я прячу пистолет…

Мужчина действительно отложил оружие на стол, в тот же момент Слободанку ослепила яркая вспышка, и она почувствовала, что хватка ее пленителя ослабла. Отработанным движением ударив бандита пяткой в пах, она отпрыгнула вперед и налетела на своего защитника.

— Потише, мэм, — сказал тот, уверенно останавливая ее не то полет, не то падение. — И, кстати, напрасно вы его пнули.

Слободанка развернулась, чтобы взглянуть на бандита, и тут же отвернулась. На своем веку она повидала всякого, но есть такие зрелища, к которым невозможно привыкнуть, например картина взорванной изнутри черепной коробки. Вторым оружием, встроенным в руку незнакомца, оказался микроволновый проектор — не то чтобы редкость, но СВЧ-оружие, как правило, било не прицельно, как в данном случае, а по площади, здесь же проектор явно выпустил узкий пучок излучения, при этом Слободанку даже краем не задело. А вот мозг бандита мгновенно сварился внутри его черепной коробки, да так, что у «кастрюльки» паром крышку сорвало.

— Так, — сказал ее спаситель, обозревая поле

боя, — надо рвать когти. Эта jævla gris[8], перед тем как стать падалью, успела вызвать подмогу.

— М-может, стоит связаться с силами Б-безопасности? — Только сейчас на Слободанку нахлынуло что-то вроде страха или, скорее, просто нервного тремора. Она даже не подумала, что могла бы с легкостью сделать это сама, используя имеющиеся у нее имплантаты. Об этом ей напомнил незнакомец, когда, бесцеремонно схватив за запястье, тащил ее к выходу:

— Вот и связались бы, у вас ведь наверняка есть походящие имплантаты? У меня нет, я всю эту внутреннюю механику не больно уважаю.

— Рука у в-вас, тем не менее, имплантирована, — возразила ему Слободанка, пытаясь подконнектиться к одной из экстренных служб. Как ни странно, ей это не удалось, хотя именно экстренные службы должны были бы отвечать сразу же, по идее… — И глаз. И не надо меня тащить, я сама ходить умею!

Они вышли из бара на улицу, и незнакомец как-то по-волчьи огляделся по сторонам:

— А летать?

— Что? — не поняла Слободанка, пока незнако-

---

[8] Примечания: 8
Марсианское ругательство; точного перевода не имеет.

мец вскидывал вверх экзоруку, словно пытался схватить что-то невидимое, пролетающее над ними. Другой рукой, быстро сунув свой лучемет в кобуру на бедре, он крепко, но на удивление негрубо схватил Слободанку за талию:

— Хватайте меня за плечи, быстро!

Слободанка на автомате выполнила приказ, вновь невольно вспомнив войну: у многих офицеров, встреченных ею, был именно такой тон, такая, если можно сказать, сверхспособность — они говорили, а окружающие сначала повиновались и только потом задумывались почему. Тут же ее сильно рвануло вверх, словно мать-земля выпустила ее из объятий своего тяготения, наподдав напоследок. И почти сразу в место, покинутое ими, ударил целый град разрядов — и лазерных импульсов, и плазменных, наверняка и что-то невидимое было, вроде того же СВЧ.

Глянув вниз (они с ее новым знакомым буквально взлетали вдоль стены небоскреба; мимо проносились этажи с выбитыми стеклами, с пустыми грязными комнатами…), Слободанка увидела, что ко входу в бар с трех сторон приближаются вооруженные люди. Очевидно, подкрепление еще не поняло, куда делись преследуемые, и расстреливало и без того ветхий

фасад забегаловки из всех видов оружия. Одна из групп нападающих двигалась быстрее — и вскоре попала под огонь другой группы. Близился вечер, в проходах между зданиями уже залегли сумерки; нападающие, не сориентировавшись, начали отстреливаться, и между двумя их группами завязался ожесточенный бой. Воспользовавшись этим, незнакомец сначала замедлил, потом и вовсе остановил подъем.

— Ну как, связались с безопасниками? — спросил он.

Слободанка отрицательно покачала головой:

— Н-нет. Н-не получается, вызов все время обрывается.

— Ага, — кивнул мужчина, словно ничего другого и не ожидал. — Держитесь крепче, сейчас будет весело.

Они висели напротив чудом уцелевшего стекла на одном из верхних этажей. Не выпуская Слободанку из объятий, мужчина согнул ноги в коленях, оттолкнулся ими от стекла, а затем, когда импровизированный маятник опять бросил их к стеклу, резко выпрямил ноги, ударив ими в преграду. Стекло разбилось, и они влетели в комнату, абсолютно стандартную, такую же, как у Слободанки, только меньше раза в два и,

очевидно, брошенную. При этом они свалились на пол так, что Слободанка оказалась верхом на своем спасителе.

— Что, черт возьми, происходит? — сказала она, занимаясь при этом несколькими делами: пытаясь связаться с экстренными службами, найти и вернуть себе Снуппи, который куда-то пропал, и, наконец, встать с пола. — Началась война?

— Если бы началась война, меня бы предупредили, — ответил мужчина, вставая.

— Так связи же нет! — напомнила Слободанка.

— У *вас* нет, — поправил ее мужчина, — а у меня есть, но, к сожалению, только односторонняя. Меня вызвать могут, а я никого вызвать не могу.

Слободанка хотела спросить почему, но мужчина жестом остановил ее и приложил палец к губам. Затем огляделся, хотя комната была совершенно пуста и ничего, что могло бы привлечь внимание, в ней не было.

— Они прочесывают этажи, — сообщил он Слободанке. — Две группы, часть поднимается с улицы — их много, но действуют они чертовски грамотно для аматоров. Другая группа спускается с крыши, их меньше, но они ближе…

Говоря все это, мужчина отошел к одной из боковых стен и положил на ее поверхность «ла-

донь» экзоруки. Почти сразу в стене открылся черный прямоугольник — внутристенный шкаф.

— Кто они? — тихо, словно нападавшие могли их услышать, спросила Слободанка.

— Судя по их змеиному шипению, марсиане, — ответил мужчина. — Когда мы из этого выпутаемся, напомните мне, что парочке адмиралов из Сил Планетарной обороны надо будет оторвать… что-нибудь лишнее. И вообще — давно пора поднять вопрос, как это род Кушниров, одна из ветвей которого бурно цветет в марсианских песках, до сих пор остается всевластным хозяином Южного Централа. Но это все потом, а пока — полезайте в шкаф.

— Зачем это? — не поняла Слободанка, пропустив мимо ушей фразу об адмиралах Сил Планетарной обороны и гневную тираду об изменниках Кушнирах.

— Вы слушали внимательно? — спросил мужчина. — Они прочесывают этажи и могут нас найти. Кстати, прекратите уже звать своего дрона, он деактивировался от контузии, но, к счастью, цел. Потом заберем его, если он вам так дорог. И до экстренных служб не пытайтесь достучаться — бесполезно, в районную сеть ретрансляторов, похоже, вирус подсажен…

— Зачем мне лезть в шкаф? — упорствовала Слободанка. — Думаете, у них нет устройств, способных видеть сквозь стены?

— Есть, — кивнул мужчина, стаскивая с себя плащ. — А у меня в руке есть штука, способная заблокировать все эти устройства, так что мы станем для них невидимы. Невидимы для всего, кроме обычных человеческих глаз.

Он снял плащ и протянул его Слободанке:

— Надевайте и лезьте в шкаф.

— А вы? — спросила Слободанка, набрасывая плащ.

— А я полезу вслед за вами, — ответил мужчина. — При самом худшем развитии событий мое тело будет вам дополнительной защитой. Ну же, забирайтесь в шкаф, быстро!

В шкафу было темно, пыльно и чертовски тесно, так что Слободанке пришлось прижаться к незнакомцу. Впрочем, темно было недолго — Слободанка так и не поняла, что именно включил ее спаситель, но дверь шкафа внезапно стала прозрачной… Хотя, конечно, по-настоящему прозрачной она не была, просто незнакомец наложил на нее голограмму происходящего снаружи.

Какое-то время, правда, снаружи ничего не про-

исходило и комната оставалась пустой, а затем внутри появились три коренастые фигуры. Звуки голограмма незнакомца тоже транслировала (по крайней мере, Слободанке хотелось верить, что это так, ведь в противном случае получалось, что разговоры снаружи можно было слушать через стену, а значит, и преследователи могли их услышать — например, их дыхание или даже сердцебиение).

Говорили вошедшие не на марсианском, даже без акцента:

— Они были тут! — сказал один из них, показывая на разбитое стекло и осколки на полу.

— И что с того? — спросил другой. — Сейчас их здесь нет.

— Ты в этом уверен? — поинтересовался третий.

— А ты их видишь, что ли? — уточнил второй. — Я лично не вижу.

— Что в стенах? — спросил третий, видимо старший группы. Он и по возрасту был старше других, навскидку лет ста — ста двадцати.

— Как и везде, — ответил первый. — Шкаф, пустой, и холодильник, сломанный, с парой дохлых крыс. Hundeskit, не могли же они в воздухе растаять?

— Снизу подходит Дитрих, — задумчиво сказал главарь. — Верхние этажи мы прочистили. С улицы дом блокируют остальные группы. Они не могли проскользнуть мимо нас, значит…

То, что новый знакомый действует без предупреждения и не объясняет свои поступки, Слободанка уже поняла, но это вовсе не значило, что она была морально готова к дальнейшему развитию событий. Дверь шкафа мужчина выбил ударом ноги, одновременно паля с двух рук. Причем огонь он вел прицельно — первого и третьего вывел из игры сразу, второй тоже не успел среагировать и получил свой импульс из «смит-вессона».

— Сидите в шкафу, — скомандовал он, не оборачиваясь и зачем-то падая на пол между трупами. — И лучше сожмитесь в комочек, сейчас будет жарко…

Слободанка не успела даже возмутиться тем, что ее спутник командует, — просто села на пол, как он велел, и забилась в уголок шкафа, прекрасно понимая, что укрытие из него так себе. И тут все завертелось. В дверь повалили вооруженные люди, стреляя на ходу и получая ответные импульсы, как правило, роковые для них. Кроме уже известных Слободанке видов оружия незна-

комец применял силовой кулак, штуку довольно грубую, поражавшую противника на близком расстоянии концентрированным магнитным полем, разрывавшим сосуды и кромсавшим плоть, как невидимое лезвие. Брызги крови, ошметки плоти… из своего закутка Слободанка видела немного, но и этого было вполне достаточно для того, чтобы вызвать обморок у какого-нибудь рафинированного жителя Северных ветвей.

Слободанка не была столь впечатлительной и реагировала на происходящее удивительно спокойно. В какой-то момент врагов стало слишком много, и не только мертвых — сквозь давно выбитые двери в комнату прорвалась большая группа боевиков, но незнакомец, превратившись в почти неуловимый для глаза смерч, плюющийся плазмой и лазерными импульсами, положил всех прорвавшихся. Один из трупов упал рядом со шкафом, и Слободанка, осторожно высунувшись из своего убежища, подобрала его оружие — старенький лучемет «Уру» местного производства. Батарея этого оружия была почти полной.

Оружие сослужило ей хорошую службу, но сначала в нее попал импульс — к счастью, на излете, и плащ незнакомца легко его рассеял. Попадание заставило Слободанку переползти в другой угол,

из которого было видно окно, и это позволило ей вовремя обнаружить штурмовую группу на старинном аэрокаре. Повезло, что они не стреляли — может быть, боялись задеть своих, хотя особой щепетильности за врагами Слободанка не замечала. Как бы там ни было, надо было что-то делать: незнакомец был занят перестрелкой с очередными налетчиками, проникшими через дверь, и новую угрозу, вероятно, не заметил.

Слободанка быстро, хоть и не сразу, вспомнила, как применять оружие. К этому моменту из аэрокара уже выпрыгивали внутрь враги, первый из них вскинул оружие… и получил импульс из лучемета Слободанки. Она попала, хотя боялась, что не сумеет. Ее это даже удивило, ведь она, по сути, толком и не целилась… точнее, не так: она вообще не задумывалась, что делает — вскинула на удивление легкий лучемет и нажала на спусковой крючок, а через мгновенье фигура, в которую попал ее импульс, рухнула на пол за спиной спасителя Слободанки, но ей было уже не до него — быстро переведя ствол, она выстрелила во второго боевика.

Теперь они сражались вдвоем. Слободанка попадала не всегда, но куда чаще, чем ожидала. Враги между тем продолжали прибывать — к пер-

вому аэромобилю вскоре присоединился второй, более тяжелый, но напарник Слободанки, не оборачиваясь, всадил ему в антигравную платформу дозу плазмы, и грузовик, накренившись, рухнул вниз. Его место сразу занял еще один аэромобиль, набитый вооруженными бандитами, которые, не давая Слободанке отдышаться, тут же стали штурмовать комнату.

— Да что они, всю Ремансу против нас согнали, что ли? — прорычал ее напарник. — Выбрался, что называется, в глушь… — Он отправил на тот свет еще одного налетчика и добавил: — Хорошо хоть, что против нас одни нубы, а волчар мы в самом начале еще приговорили… И где, разрази их орбитальная дизентерия, местные стражи порядка? У меня заряды заканчиваются, придется их барахлом воевать…

— Ничего, — успокоила его Слободанка, — я же воюю…

И тут за стеной что-то ухнуло, Слободанка даже не поняла, что именно. А ее спаситель, похоже, понял. Внезапно и снова ничего даже не пытаясь объяснить он схватил Слободанку за шкирку и выволок в коридор.

— Держись за спиной, — приказал он, — сейчас повеселимся.

Никаких поводов для веселья в коридоре Слободанка не видела, даже наоборот — коридор был полон вооруженных людей, и явно это были их враги. Еще ничего не понимая, не осознав всю трагичность или даже безнадежность ситуации, Слободанка выстрелила в первого, затем во второго… потом поскользнулась и упала, растянув лодыжку, и тут же перекатилась в сторону — по месту ее падения моментально открыли огонь.

А ее напарник вновь превратился в стреляющий вихрь, но, поскольку до врага здесь было ближе, он чаще стал применять силовой кулак. Противник, к счастью, был экипирован плохо — оружие-то у них было, пусть и раритетное, а средств защиты не было никаких. В такой ситуации применить силовой кулак сам бог велел.

Действия мужчины отвлекли внимание налетчиков от Слободанки — кажется, они решили сначала нейтрализовать главную угрозу, а потом уже разобраться со Слободанкой. Но поди ж ты, нейтрализуй ее! Слободанка даже залюбовалась странным танцем своего напарника, не забывая, впрочем, отстреливать его врагов, когда это удавалось. Наверно, самым разумным было бы сейчас попытаться улизнуть…

Но Слободанка не пыталась. Почему? Может

быть, потому, что не могла бросить того, кто спас ей жизнь, даже снова подвергая ее угрозе? Мужчина был профессионалом очень высокого уровня, такие служат в Планетарных Силах безопасности… Правда, встретить пээсбэшников за пределами Перл-Харбора, где находилась штаб-квартира этой организации (которую, кстати, курировал ее крестный), было практически нереально.

Слободанка даже сначала не поняла, что случилось. Она сидела на полу коридора, со всех сторон лежали трупы бандитов. В руках у нее была теплая влажная рукоятка «Уру», датчик батареи на верхней панели лучемета показывал тридцать пять процентов заряда (а реально его, вероятно, было еще меньше). В центре коридора стоял ее спаситель, покручивая на пальце свой громадный «смит-вессон», из дверных проемов нескольких квартир валил дым — там, должно быть, полыхал пожар, хотя чему гореть в современной квартире — скинам?

— Они подогнали тяжелую платформу с термобарическими снарядами, — сообщил мужчина. — Хотели нас запечь в собственном соку, да сначала ошиблись адресом и всадили снаряд в квартиру справа. Потом поняли свою ошибку, но

мы уже свалили…

— А где все? — спросила Слободанка.

— Вот, валяются, — ответил мужчина, обводя рукой поле боя. — По ходу, этот раунд за нами.

— Вы их всех перебили? — спросила Слободанка, даже не удивившись.

— Не я, а мы, — ответил мужчина. — Вы мне хорошо помогли. Где вы научились так стрелять?

— Во время войны служила квартальным инспектором Сил Планетарной обороны, — ответила Слободанка, выпустив в кровь порцию наноботов — подвернутая нога болела и начинала пухнуть. — А вы?

— Мы, кстати, незнакомы, — сказал мужчина. — Капитан Службы Планетарной безопасности Джейсон Макдермит. И как капитан ПСБ…

— Интересно, — сказала Слободанка, позабыв об опасности, которая могла быть сейчас повсюду — как говорил Рой Уоллес, выиграть сражение еще не значит выиграть войну, — что же капитан ПСБ делает так далеко от своего корабля? Если не ошибаюсь, вы командир «Акуиллона»?

Пазл сложился: теперь Слободанке стало понятно, почему ее напарник сумел в одиночку расправиться с такой прорвой бандитов. Перед ней был человек, которого почти никто не видел,

но о котором знали все: лидер самой элитной группы особо элитной структуры — Планетарных Сил безопасности, «длинной руки» Западной Конфедерации. Планетарные Силы безопасности — лучшие из лучших, а среди них лучшие из лучших — как раз бойцы «Акуиллона».

– *Был* командиром «Акуиллона», — ответил Джейсон. — Сейчас в бессрочном отпуске. К тому же моя Спецкоманда потеряла корабль, а нового у нас пока нет. — Он приосанился. — Впрочем, это неважно. Как пока еще действующий офицер ПСБ, я считаю, что вас нужно сопроводить в Перл-Харбор. Видите ли, я довольно долго в этом бизнесе, но не помню ни одного случая, чтобы такую прорву головорезов посылали ловить одну-единственную девушку, даже такую красивую, как вы.

Слободанка набрала в грудь воздуха, чтобы громогласно (и плевать, что враг мог ее услышать — пусть послушает, от него не убудет) обвинить Джейсона в преступлении, именуемом «харрасмент». Конечно, сейчас был двадцать третий век, а не двадцать первый, когда за харрасмент, говорят, могли казнить, например утопить; но все равно — наглое приставание к незнакомой женщине в обществе считалось очень даже

предосудительным.

— И, кстати, вы не представились, — добавил Джейсон, и весь настрой на конфликт у Слободанки тут же улетучился по совершенно непонятным причинам.

— Слободанка Вуич, — представилась она. — Специальный репортер канала «Уорлд Дейли». И я вынуждена отказаться — я нахожусь в Ремансу с редакционным заданием, и…

— Держу пари, вас послали сюда поснимать ту заварушку, что была сегодня на ЭМБРАЕРе, — перебил ее Джейсон. — Не бог весть какое задание; для вас, чистенькой девочки с Севера, это, возможно, станет откровением, но демонстрации… хм, и все остальное проходят в Южном Централе постоянно, и сегодняшняя — совершенно не из ряда вон выходящая. В отличие от операции «Охота на северянку», героиней которой вы сегодня стали по какой-то причине. Вообще говоря, местные банды иногда не против похитить какого-нибудь зазевавшегося северянина, чтобы получить пару мегаватт, но если жертва показывает зубы, обычно не заморачиваются; и уж точно ради выкупа они не стали бы приносить в жертву такую уйму народу, будь вы хоть внучкой самого Уоллеса…

— Я его крестница, — зачем-то сообщила Сло-

боданка. Она не привыкла кичиться своими связями и тем более выкладывать свои личные данные каждому встречному-поперечному…

— Ну да, а я — праправнук первого Президента Западной Конфедерации, — хохотнул Джейсон. — Говорю же, неважно. Не имеет значения. Им что-то другое от вас нужно, и в этом замешаны марсиане…

— …самое интересное, что это правда. — Слободанка вздрогнула: мелодичный голос, казалось, доносился из ниоткуда, но затем из темноты в конце коридора возникло сначала светлое пятно, потом оно, казалось, увлекло за собой шлейф тьмы и превратилось в очаровательную, изящную женщину.

Она была очень бледна и напоминала камеи, которые Слободанка видела в Метрополитен-музее или Национальной галерее. Черные, как смола, волосы рассыпались по обнаженным плечам, стройную фигуру облегало платье в пол из искрящегося черного шелка — конечно, скин, но очень дорогой. Руки также были обнажены, на правой руке была большая тактическая татуировка в виде атакующей кобры.

— Я имею в виду, — продолжила женщина, глядя на Слободанку, — что Папочка действительно

потомок первого Президента Западной Конфедерации. Он и сам мог бы стать президентом, но предпочел быть вечным скитальцем Космоса, да, Папочка?

Глава 6
То, что мертво…

Если бы кригскомиссара Уорвика кто-то спросил, есть ли жизнь на Марсе, он бы ответил, что на Марсе жизни нет. Потому что разве это жизнь? Это жалкое прозябание. И это при том, что он, Тед Уорвик, был далеко не последним человеком в иерархии Марса, а если быть предельно точным — он был четвертым. Старше кригскомиссара Адмиралтейства Дэвидсона, своего тезки, заведовавшего марсианским флотом, старше главного казначея фискомиссара Цирцеи Адамс, старше многих других — военных, чиновников, предпринимателей…

Выше его в марсианском обществе был только Триумвират — три главнейших марсианских оберкомиссара: Фишер, Гольдстейн и Кушнир. Кушнир контролировал финансы Марса и куцую торговлю с Земной Сферой. Гольдстейн подмял под себя энергетику, а Фишер…

А Фишер владел секретом жизни и смерти — ни больше ни меньше. В его власти было как продлить чью-то жизнь до невозможных пределов,

так и моментально оборвать ее. К сожалению, последнее распространялось только на его подданных-изгоев, иначе Марсу не нужно было бы вести безнадежную гонку вооружений с Земной Сферой, намного более сильной, чем бедный Марс. Кроме того, все запасы воды, все гидропонные плантации, все немногочисленные шахты, добывающие полезные ископаемые, — все это было тоже в руках у Фишера. Равно как здравоохранение и аугментика. Фишер мог бы стать единоличным диктатором Марса, но не удержал в своих цепких руках энергетику и финансы. Впрочем, Кушнир был мегалоялен к Фишеру.

Чего не скажешь о шефе Уорвика, оберкомиссаре Гольдстейне. Нельсон Гольдстейн по сравнению с Фишером и Кушниром был молод и полон амбиций. Он мечтал вырвать у Фишера его секрет, обрести могущество и сделать то, что Фишеру не удалось — стать единоличным диктатором Марса.

В своих расчетах он доверял Уорвику и видел в нем союзника. Гольдстейн не скупился на щедрые посулы. «Когда *мы* возьмем власть, у *нас* будет все. У вас будет все, Уорвик! Я очень ценю наше сотрудничество…»

Еще бы он его не ценил! Уорвик был его силой,

его страхом, его возмездием. Цитадель Сидония на одноименном плато, резиденция Кригскомиссариата Безопасности, была известна всему Марсу — и внушала страх всем, от полюса до полюса. Да и сама сгорбленная, тяжеловесная фигура кригскомиссара заставляла любого марсианина дрожать, как иудина осина. Страх был вторым именем Уорвика…

…а ведь было время, когда он сам боялся. Уорвик помнил об этом, он вспоминал об этом всякий раз, когда просыпался, и всякий раз, когда засыпал. Он вспоминал об этом, когда подъезжал или подлетал к своей Цитадели, когда бродил по ее пыльным коридорам (пыль — это извечный бич Марса; пыль была повсюду, и укрыться от нее было невозможно нигде, кроме…), а тем более — когда спускался в Каньон, ныне полностью скрытый от любопытных глаз внутри Цитадели.

Первое, что делает марсианин, проснувшись, это надевает шлем-череп. А, нет, сначала он сметает пыль — с одеяла, со стола у кровати и с самого шлема. Потом отсоединяет дыхательные катетеры и быстро, пока уровень кислорода в крови не упал, надевает шлем-череп. Эта конструкция действительно напоминает череп, но не человеческий, а птичий. Внутри длинного

клюва находятся мощный насос и фильтр-обогатитель; только благодаря им в атмосфере Марса еще можно как-то дышать. В воздухе очень мало кислорода и очень много углерода и других газов, в том числе опасных для человеческих легких.

Потом те, кто победнее, кое-как перелезают в экзоскелет. Уорвику этого делать было не нужно, экзоскелет в него был имплантирован. Правда, вечная пыль проникает даже в его металлические суставы, торчащие из-под кожи наружу, так что иногда то одна, то другая конечность Уорвика начинает «заедать», несмотря даже на то, что робот-техник тщательно очищает от пыли сочленения и смазывает суставы экзоскелета каждый вечер. После этого — кабина личной гигиены, ультразвуковой душ, тестирование имплантатов и их наладка. Потом завтрак, чаще всего уже на ходу.

Те, кто переселился сюда с Земли (их осталось около полутысячи из тех нескольких тысяч, что прибыли вместе с Фишером), устраивают из приема пищи какую-то церемонию: едят за столом, еду кладут на специальные приборы и поглощают с помощью специальных приборов. Но Уорвик родился уже на Марсе, он всего этого не понимал. Зачем? Зачем герметизировать

комнату, насыщать воздух дорогим кислородом, защищать силовым полем от пыли стол с пищей? Пустая трата времени и денег! Можно прикрутить тюбик с питательным составом к пищевому катетеру и есть, если можно так сказать, прямо на ходу. Как он обычно и делал — у кригскомиссара Марса лишнего времени не было никогда.

С помощью коммуникационного имплантата, вживленного вместе с сурдокомпьютером прямо в кору его головного мозга, Уорвик получал доклады круглосуточно, даже во сне, потому, кстати, он всегда помнил, что ему снилось — его мозг продолжал работать даже тогда, когда полумеханическое тело Уорвика спало. Проснувшись, он начинал работу, еще не встав с кровати, решая те вопросы, которые не требовали его личного присутствия. Более серьезные проблемы, если они не были чересчур срочными, он оставлял на потом, предпочитая лично контролировать их выполнение.

«Человек слаб, — говорил его отец, — человек ленив, безответственен и необязателен. Человека надо держать в ежовых рукавицах. Хорошо, когда человек сам себя держит в ежовых рукавицах, но так бывает редко. Те, кто имеет власть над собой, не только имеют право на власть. Они обязаны

властвовать».

В то утро, однако, все дела пришлось отодвинуть на задний план. К счастью, это было несложно, ведь Уорвик, по сути, заведовал возмездием, а медленное возмездие страшнее, чем немедленное, если жертва знает, что оно неотвратимо. Отложить дела пришлось потому, что поступил вызов от Гольдстейна. И Уорвик не мог его проигнорировать. Не потому, что боялся гнева Гольдстейна — вовсе нет. Оберкомиссар зависел от кригскомиссара куда больше, чем он думал. Фигурально выражаясь, Уорвик в любой момент мог вырвать дыхательные трубки из шлема-черепа Гольдстейна и наблюдать, как тот умирает, задыхаясь, но…

Зачем? Убрать Гольдстейна означало взять на себя ту часть работы, которую тот выполнял. С Гольдстейном Уорвик мог не беспокоиться о снабжении себя, своих людей, своей структуры — все это обеспечивала корпорация Гольдстейна. А если его убрать — придется заниматься всем этим самому, да еще и в состоянии глухой обороны от Фишера и Кушнира, которые, конечно же, захотят прибрать к рукам его империю. У Фишера есть своя служба безопасности, плюс ему подчиняются флот и армия. Кушнир также содер-

жит силовую структуру, и весьма жестокую. Он даже прибрал под свое крыло каких-то земных изгоев, полумистических воинов-одиночек из странного народа — японцев. Люди Уорвика пару раз сталкивались с этими синоби-но-мото и не всегда удачно для себя.

Пока во главе Оберкомиссариата энергетики и промышленности сидел Гольдстейн, риск прямой конфронтации с другими оберкомиссариатами был невелик. Члены Триумвирата, конечно, держали друг друга на мушке, но никто не спешил спускать курок.

* * *

Набросив поверх комбинезона силовой плащ, способный противостоять почти любому ручному оружию, кроме крафтового, которое встречается редко и стоит дорого, Уорвик вышел на взлетную площадку. Атмосферные полеты на Марсе — штука опасная ввиду разреженности атмосферы и постоянных пылевых бурь, но другого способа добраться от Сидонии до резиденции Гольдстейна в превращенном в крепость гигантском кратере Аргир, кроме как по воздуху, не было. Марсолет ждал его на катапульте, экипаж замер по стойке «смирно». Уорвик мысленно сверился со

временем: между Сидонией и Аргиром разница ровно в час, он прибудет как раз к завтраку. При мысли о завтраке кригскомиссар поморщился — в знак особого расположения Гольдстейн мог пригласить его на трапезу, а Уорвик не особо жаловал лишенные практического смысла обряды. Гольдстейн тоже родился на Марсе, как и Уорвик, но всеми силами старался показать себя одним из избранных, таких как Фишер и его земные приближенные.

А это предполагало необходимость следовать бессмысленным на Марсе земным традициям вроде поглощения пищи в особом порядке. И самое противное, что Гольдстейн искренне полагал, что, приглашая за стол Уорвика, он оказывает тому великую милость.

На миг мир вокруг померк, так обычно бывало, когда магнитная катапульта разгоняла марсолет для взлета, но сейчас дело было не только в этом. *Она* дала о себе знать. *Она* была рядом всегда, но редко позволяла заметить себя. *Она* внушала ему свои мысли, но редко снисходила до того, чтобы позволять ему почувствовать это.

«Ты правильно мыслишь, Уорвик. Вы оказались здесь не случайно, вы не изгои; Нергал принял вас для того, чтобы, очистившись от всего

человеческого, вы стали *моим* племенем, стали достойны принять в себя нашу сущность».

Он оцепенел, невидящими глазами глядя на проносящиеся внизу равнины Марса — лишь кое-где среди барханов возвышались чахлые, низкорослые заросли убогих растений, адаптированных для местных условий, но лишь с горем пополам научившихся здесь выживать. Он не видел всего этого: перед его внутренним взором вновь появилась высокая лестница, ведущая к проему в массиве скалы, и два Лика, охраняющих этот проем. Одно из лиц было человеческим, второе — гуманоидным с чертами пресмыкающегося. А в проеме между ними клубилась тьма, и он знал, что эта тьма пропитана страхом, как губка уксусом.

Даже спустя много лет он все равно чувствовал этот страх. Потому что страх — это *ее* второе имя. За все нужно платить. Он подарил *ей* свой страх, и за это получил часть *ее* божественного могущества.

— Мы пересекли долину Нергал, — сообщил пилот марсолета.

Уорвик вздрогнул, его взгляд сфокусировался. Внизу змеился огромный, многокилометровый разлом, он был похож и непохож на тот, в кото-

ром Уорвик познал самый большой свой страх и обрел свою главную силу. Его отец нашел это место — очень давно, еще до его рождения, но он так и не отважился войти в липкую тьму, пропитанную страхом. А вот Тед решился… наверно, это был пубертатный бунт. Его отец хотел сделать из болезненного, слабого Теда человека без страха. Почему? Может, потому, что он сам однажды прикоснулся к настоящему страху и не нашел в себе силы пойти дальше?

А Тед нашел — вопреки мнению отца. Тот всегда был им недоволен. Всегда видел в нем одни недостатки. Но Тед узнал тайну своего отца — то, что он, предыдущий кригскомиссар Марса, тщательно скрывал за высокими стенами Цитадели Сидония. В очередной раз смертельно разругавшись с Уорвиком-старшим, Тед сказал, что докажет ему свою крутизну. Докажет, что он бесстрашнее, докажет тем, что не отступит там, где отступил его отец.

Тем не менее он едва не повернул назад на пороге проема, за которым тьму, казалось, можно было потрогать руками, под насмешливыми взглядами человека и рептилоида. Едва не повернул, но не повернул и, сжавшись от страха в точку внутри себя, шагнул через порог.

То, что он считал страхом до этого шага, оказалось лишь легкой разминкой!

* * *

Он пропустил посадку и сидел в салоне марсолета долгие пять минут, прежде чем, очнувшись, встать и покинуть салон. Никто из экипажа не решался потревожить Теда Уорвика по прозвищу Василиск. Уорвика не просто боялись — он буквально вселял ужас. Ходили слухи, что Уорвик может убить кивком головы, *и это было правдой*, более того — в отличие от Фишера, эта способность Уорвика распространялась на всех, а не только на марсиан. На кремации отца (еще один бесполезный земной ритуал — Уорвик совершенно не понимал, зачем собираться во время рутинной процедуры утилизации человеческих останков) Уорвик встретился со всемогущим Фишером. *Ее* дар уже был с ним, и Уорвик решил проверить, распространяется ли его действие на того, кто сам повелевал жизнью и смертью…

И понял — распространяется! Религии на Марсе не было, по крайней мере официально. Неофициально жители Марса считали богом Фишера. Человека, прожившего, не изменившись, три века, человека, который способен остановить ста-

рение любого и даже повернуть процесс вспять, просто дав пригубить своей крови; человека, который, улыбаясь, может убить вас или заставить мучиться от одной из десятков тысяч болезней. Для марсиан Фишер был богом.

А Уорвик мог бы убить этого бога. Он мог сам, без чьей-либо помощи, кроме той, что дала ему *она*, убить весь Триумвират! Он мог стать тем, кем так мечтал стать Гольдстейн — единоличным диктатором планеты их изгнания. Мог… но на то не было *ее* воли. У нее были другие планы, более того, она даже испытывала к Фишеру некую симпатию. Потому Уорвик старательно делал вид, что находится над схваткой, не давая Фишеру с Кушниром расправиться с Гольдстейном, но и не позволяя тому расправиться с ними. Не сейчас.

К большому удовлетворению, андроид-камергер Гольдстейна повел его не в приемный зал, где сервировали завтрак Гольдстейну и его гостям, а в кабинет оберкомиссара. Значит, разговор пойдет исключительно о делах. Другого это, наверно, насторожило бы, но Уорвик был спокоен, как дохлый марсианский варан (легендарное животное, которого, правда, никто не видел ни живым, ни дохлым).

К кабинету Гольдстейна вел длинный пыль-

ный коридор с большими окнами, закрытыми силовым полем. Но вездесущая пыль проникала и сквозь это поле, иначе наличие ее в коридоре объяснить было невозможно. Всю дорогу до кабинета Уорвик старался держаться подальше от своего спутника — он не любил андроидов, но принимал их как необходимое зло. Население Марса было слишком маленьким и слишком болезненным, чтобы можно было обойтись без синтетических людей, но оттого, что они были необходимы, симпатичнее в глазах Уорвика они не становились. К тому же *она* не любила андроидов…

Кабинет Гольдстейна был просторным и чистым, удивительно чистым для Марса. Центральную часть его занимал огромный мультимедийный рабочий стол, за которым было панорамное окно. Из окна открывался вид на «сад камней» — пустое пространство, по которому были хаотично разбросаны каменные глыбы причудливых очертаний. Вдали виднелась отвесная стена кратера, над которой грозно возвышались боевые башни, державшие под прицелом все, вплоть до высокой планетарной орбиты.

За столом, в удобном кресле, восседал хозяин кабинета. Шлема-черепа на нем не было

— атмосфера в кабинете поддерживалась парой огромных стационарных фильтров, скрытых в стенах. По мнению Уорвика, это было блажью не просто бесполезной, но и опасной: если живешь на Марсе, не стоит привыкать к земному комфорту. Тем не менее он отстегнул свои дыхательные катетеры, едва двери за ним закрылись, — общаться без них было удобнее. Свист воздуха в катетерах раздражал не только Уорвика — именно благодаря ему возник знаменитый марсианский свистяще-шипящий акцент.

Над столом перед Гольдстейном вращался голографический образ планеты. Планета была Уорвику незнакома, но он и не был знатоком астрономии. Справа и слева от голограммы висели голографические таблицы с графиками и столбцами цифр — очевидно, описание параметров планетарной орбиты. Пока Уорвик преодолевал расстояние между столом и дверью, он вскользь ознакомился с этими параметрами… и понял, что такой орбиты у планеты быть не может — по определению.

— По вашему приказанию прибыл, — сообщил он, почтительно склоняя голову. Гольдстейн рассеянно кивнул, но кресла для Уорвика вызывать не стал, зато пара крохотных домашних

роботов, поднявшись по ногам гостя до колен, занялась очисткой его суставов, что по меркам Марса было весьма значительным проявлением гостеприимства.

— Я выслал вам доклад о текущей обстановке, — сказал Уорвик, разглядывая сосредоточенное лицо своего шефа и по его выражению пытаясь угадать, какой дьявол марсианской преисподней заставил шефа вызвать его к себе. У Гольдстейна была непропорционально большая голова (не настолько, конечно, чтобы быть уродством, но и привлекательности ему это не добавляло), высокий лоб с залысинами, водянистые глаза непонятного оттенка — не то серые, не то зеленые, да еще и чуть навыкате, что порой придавало его лицу какое-то безумное выражение. Он носил бороду и усы — вещь на Марсе практически неслыханная, поскольку подбородок должен был быть чистым, ведь на нем находились шунты дыхательных и питательных катетеров и карманы, скрывавшие автономные фильтры. Впрочем, аугментика Гольдстейна была дорогой и намного более совершенной, чем у Уорвика, и ему не нужны были внешние слоты для подключения дыхательных аппаратов или фильтров — все это было биомеханически встроено в него еще в

раннем детстве.

— Я с ним ознакомился, — ответил Гольдстейн, не глядя на Уорвика. — Вы, как всегда, на высоте. Но я пригласил вас вовсе не за тем, чтобы обсуждать текущие дела в нашей юдоли скорби и гнева. Есть вещи поважнее.

«Поважнее безопасности? — мысленно удивился Уорвик. — Да если бы не моя рутина, ты давно был бы трупом. Фишер и Кушнир сожрали бы тебя со всеми потрохами…»

— Как вам известно, — не отрываясь от созерцания странной планеты, продолжил Гольдстейн, — в последнее время наши… друзья из Триумвирата не особо активничают. Прямо говоря — не вставляют нам палки в колеса.

— Ну почему же, — начал было Уорвик, но Гольдстейн его перебил:

— Мелкие инциденты не в счет. Понятно, что, если в баре сойдутся ваши бойцы и ребята Фишера или Кушнира, добром это не кончится. Но каких-то системных действий не было уже давно, согласитесь.

Уорвик подумал и кивнул. Гольдстейн был прав. Уорвик признавал, что в плане стратегического видения обстановки Гольдстейн круче него на порядок. Еще одна причина, по которой не

стоит его уничтожать… по крайней мере пока.

— Я предположил было войну между Фишером и Кушниром, — продолжил Гольдстейн, — тем более что после последней войны отношения между ними были натянутыми. Кушнир отговаривал Фишера от этой авантюры, рассказывая ему о том, что с финансами еще после первой войны беда (что, в общем-то, правда), но Фишер по непонятным причинам уперся рогом и решил развязать войну, да еще и обвинил Кушнира в том, что тот защищает свой земной бизнес. Кушнир это проглотил, но он не из тех, кто терпеливо сносит такое.

Гольдстейн стукнул кулаком по столу так, что висящая над ним голограмма подернулась рябью. Уорвик удивился — подобных проявлений чувств за его шефом раньше не замечалось.

— Чертов старый землянин! Если бы не его непримиримая позиция… «мы должны вернуться на Землю победителями, мы должны взять обратно ту власть, что они отняли у нас…» Его смерть погулять отпустила, а ему все неймется! Тоже мне, победитель! Земля вышвырнула его, как шкодливого котенка, а вместе с ним — и всех нас. Ладно стигмы, но вот мой отец виноват был только в том, что жил в Норфолке и не хотел

умирать.

Уорвик кивнул. То, что сейчас озвучил Гольдстейн, нет-нет да и всплывало в разговорах людей, хотя речь шла о событиях двухвековой давности, итогом которых стало изгнание «стигм» — тайной организации Фишера и его самого, а с ним — и тех, кто был с ними связан, тех, кто во время страшной эпидемии, организованной, по слухам, самим Фишером, принял из его рук какое-то чудесное средство, благодаря чему этим людям и удалось выжить.

И Земля за это вышвырнула их на негостеприимный Марс — всех до единого — просто потому, что они не хотели умирать! Разве это справедливо? Наверно, нет. Но Уорвик вообще не верил ни в какую справедливость. Solum fortis superesse, выживает сильнейший, а не тот, кто прав.

Подумав об этом, Уорвик невольно улыбнулся: ну да, ну да. Вот именно что — сильнейшим приходится выживать на этой пыльной планете. Марс нуждается в людях, но тысячи младенцев ежегодно убивают потому, что никакая аугментика не поможет им жить самостоятельно в этих жутких условиях. Когда-то у Уорвика была жена. Она родила ему пятерых уродов, которых пришлось убить. Шестой ребенок умер в ее утробе,

убив заодно и ее.

— Чему вы улыбаетесь? — разозлился Гольдстейн. — Что смешного в моих словах?!

Уорвик почувствовал легкий приступ паники — ему так и не удалось полностью избавиться от бессмысленного бытового страха, например перед тем же Гольдстейном. Но он почти сразу успокоился — он был не один. *Она* придет, *она* всегда чувствует запах его страха, чувствует его, даже если он далеко от Марса, где-нибудь в поясе астероидов или среди лун Юпитера или Сатурна…

И *она* пришла:

«Не расходуй страх понапрасну! Ты не хозяин ему. *Твой страх — моя собственность*. Скажи этому ничтожеству, что знаешь, к чему он клонит. Говори — и твои слова будут моими словами!»

И на смену страху пришло спокойствие, полное, абсолютное спокойствие. *Она* была с ним. *Она* никогда не оставит его.

— Я знаю, к чему вы клоните, — сказал он, и Гольдстейн удивленно уставился на него. — Лучшие люди Фишера и Кушнира отправились в неизвестном *вам* направлении. Это беспокоит вас, но напрасно.

— Напрасно?! — Кажется, Гольдстейн разо-

злился, но это больше не пугало Уорвика. — Ты меня даже не выслушал! Дело в том, что я, я сам, без твоей помощи, хотя именно ты должен этим заниматься, узнал…

— …секрет Полишинеля, — перебил его Уорвик. Раньше он никогда не смел говорить с Гольдстейном в таком тоне, но тут он каким-то шестым чувством понял, что это особый момент. Ставки высоки как никогда, и победит тот, кто лучше блефует, но в рукаве Уорвика был козырь козырей. Абсолютный козырь. — …который висит над вашим столом в виде голограммы.

— Может, ты еще знаешь, что это? — прошипел Гольдстейн.

— Это фи… — на мгновение Уорвик замялся — *она* вспоминала то, что для *нее* было маловажным, но имело решающее значение для них с Гольдстейном, — …зическое тело, планета, вращающаяся вокруг нашей звезды, но известная немногим, потому что ее орбита скорее напоминает орбиту кометы. Ее называют Энигма; двести лет назад этой планетой заинтересовался один человек…

— Потрясающе, — холодно сказал Гольдстейн, — может, ты еще и имя этого человека сумеешь назвать? Не говоря уж о том, чтобы объ-

яснить, почему это так важно для Фишера.

— Человека звали Лев Ройзельман, — сообщил Уорвик. — Безумный гений, чей интеллектуальный потенциал намного превосходил обычный, человеческий. Он был одержим идеей превращения людей в полубогов и на этой почве сошелся с Фишером. С тем самым Фишером, который живет уже три века и умеет убивать щелчком пальцев. Дважды два равно четыре — могущество Фишера явно связано с экспериментами Ройзельмана. Если мы найдем Ройзельмана, то мы найдем ключик к Фишеру и его бессмертию.

— Насколько я понимаю, — задумчиво сказал Гольдстейн, — этот Ройзельман уже два века как мертв. Однако то, что он интересовался этой планетой, объясняет многое. Значит, *им* не сама планета нужна, а…

— Ройзельман, — закончил его мысль Уорвик. — И пусть вас не смущает то, что он якобы давным-давно умер. Для Ройзельмана одурачить смерть было вполне посильной задачей.

— Все это замечательно, — Гольдстейн машинально пригладил бороду, — вот только мне кажется, что Фишер тянет пустышку. Мне удалось добыть информацию об этой планете, идя по следам запросов Фишера. В этом файле довольно

много об Энигме, есть даже расчет ее орбиты… но эта орбита пуста. Либо планета далеко от нас, в апогелии, который у нее находится черт-те где за поясом Койпера, либо…

— …либо вы не можете ее обнаружить, — догадался Уорвик. — Не смотрите на меня так ошарашенно. Энигма — необычная планета. Я понимаю логику Фишера: он хочет пройти по следам Ройзельмана. Скорее всего, к нему попали какие-то данные о том, где искать эти следы на Земле, и он отправил своих людей на поиски. Вероятно, вы хотели бы, чтобы я бросил свои команды по их следам?

Гольдстейн кивнул.

— Не буду, — сказал Уорвик. — Не потому, что решил не подчиняться вашим приказам, просто у меня есть идея получше: мы опередим их. Пока они ищут путь к Энигме через Землю, мы стартуем туда с Марса.

— И куда же мы стартуем? — скептически ухмыльнулся Гольдстейн. — Я же вам говорю — ни одна станция, следящая за космосом, не обнаружила присутствия этой планеты…

— И не обнаружит, — кивнул Уорвик. — Иначе на нее уже организовали бы экскурсии. Однако есть *некто*, кто может определить пути небесных

тел, скрытых от нашего взора.

— И кто же это? — заинтересовался Гольдстейн.

Уорвик пожал плечами:

— Не могу сказать. Да и какая разница? Завтра в это же время я покажу вам текущее место Энигмы на ее орбите. А потом отправлюсь туда с самыми лучшими из своих людей и попытаюсь договориться с Львом Ройзельманом о сотрудничестве.

— А вы уверены, что он до сих пор жив? — удивился Гольдстейн.

— Нет, — ответил Уорвик. — Он мертв. Но, как говорится в одной очень старой книге, то, что мертво, умереть не может.

* * *

Она ждала его, и более того: *она* была им довольна. Он понял это по отсутствию тягучей атмосферы страха, обычно встречавшей его еще на пороге. Но ему все равно было страшно: он знал, куда шел, а главное — к *кому* он шел. Его страх заменял ему благоговение. *Ей* нравился страх.

За порогом был коридор, вырезанный в этой скале еще до того, как были построены стены Ура и пирамиды Гизы. Стены коридора были такими

ровными, что по ним можно было проверять точность лазерного уровня, и такими гладкими, что не чувствовалась даже текстура камня — словно ведешь рукой по толстому стеклу. Очень долго коридор был пустым и абсолютно темным, но ему не нужен был свет, чтобы здесь ориентироваться. Он знал это место так, как человек знает свое тело.

Затем стало светлее — свет исходил от флуоресцентных наростов, похожих одновременно на земные грибы и на нечто, чему место только в кошмарах. Эти растения едва заметно шевелились в такт движению Уорвика. Он знал, что их слизь может разъедать даже графен, даже кислотоупорные материалы. Эта слизь была аналогом желудочного сока — он растворял самую неподатливую органику, и светящиеся твари поглощали получившуюся смесь.

Флуоресцентные наросты образовывали на стенах причудливые, болезненные узоры. Вскоре между ними стали появляться глубокие ниши, наполненные чем-то напоминающим совершенно прозрачный лед. И внутри этих «ледяных» глыб застыли человеческие фигуры. Мужчины, женщины, дети; разных рас, в одеянии разных эпох, в том числе таких, о которых не имеет

представления современная история. Особняком были люди в военной форме, в летных костюмах, в скафандрах с маркировкой давно ушедших в историю стран — СССР, США, КНР…

У некоторых было оружие — совершенно бесполезное здесь; другие были безоружны. Объединяло этих людей одно — жуткая гримаса нечеловеческого страха на лицах. Словно они в последний миг увидели нечто невыносимо кошмарное. Словно они, вмурованные в глыбы льда, который не был льдом, внезапно поняли весь ужас своего положения.

Словно они были живы внутри камня…

…и это было так! Все эти люди были живой коллекцией *его госпожи*. Многие из них могли бы умереть много веков или даже тысячелетий назад, но *ее* сила оставила им жизнь — ради их мучений. Ради их страха.

Он и сам мог бы пополнить *ее* коллекцию, но что-то в нем удержало *ее* голод, хотя голод *аннкуна*, наверно, самая неукротимая сила во Вселенной. *Она* предложила ему выбор, и он выбрал — слишком наглядной была демонстрация *ее* силы.

Обычно его встречали гончие его госпожи — существа, сами по себе способные довести человека

до смерти от страха. Невозможно было даже определить их число, не говоря уж о том, чтобы понять, как выглядят эти существа — они постоянно менялись, как оживший ночной кошмар. Правда, по сравнению с той, что их направляла, они были лишь безобидными собачками. Нельзя сказать, что Уорвик привык к их обществу, но во всяком случае они не пугали его как раньше. Но сегодня он был избавлен даже от их присутствия.

Долгий коридор вывел его в большой круглый зал со сводчатым потолком, терявшимся во тьме. Зал уступами спускался вниз, к круглой площадке, в центре которой стоял прямоугольник из монолита, который, казалось, был изваян из самой глубокой космической тьмы. На ощупь этот камень казался живым, и Уорвик остерегался касаться его, хотя и не мог сказать почему.

Он спустился на арену и, вопреки своему страху, прикоснулся к теплой, как плоть, поверхности черного камня. По залу пролетел тихий шелест, словно вздох бесплотных душ тех, кто принял здесь самую мучительную из возможных смертей.

— Госпожа… — *Она* читала его мысли, *она* знала его, пожалуй, лучше, чем он знал сам себя, но он

всегда обращался к *ней* вслух. — *Вам* известно мое затруднение…

Ответ пришел как мысль — чужая мысль, холодной гадюкой заползающая в его разум:

— Ты пообещал больше, чем можешь исполнить. Ты понадеялся на меня, на мою помощь — а если я откажусь помочь?

— Мне придется убить Гольдстейна, — ответил он не задумываясь. Общаясь с госпожой, нельзя обдумывать ответы. *Она* не любит этого.

— Ты переоцениваешь себя, Уорвик. — Ему показалось, что *она* смеется. Он не был уверен, что *она* умеет смеяться, но иногда ему казалось, что он слышит *ее* леденящий, нечеловеческий смех. — Ты такой же прах, как и Гольдстейн, и шансы на победу в вашем с ним противостоянии не определены. Но довольно игр: я помогу тебе, потому что это входит в мои планы. Более того — именно от меня Гольдстейн узнал об Энигме… как и ты.

— Почему? — спросил он.

— Потому что Энигма больше чем планета, — ответила госпожа. — Ты поймешь это, когда прибудешь туда. День Человечества кончается, должна наступить ночь, а жить в ночи дано не всякому. Радуйся — тьма избрала тебя.

— Я так *вам* благодарен… — начал он и вновь почувствовал *ее* смех.

— Мне не нужна твоя благодарность. Между мной и тобой пропасть, непреодолимая для тебя. Ты называешь меня богиней и правильно делаешь — для тебя я действительно богиня. Однако порой боги снисходят к смертным ради своих целей. Этот момент для тебя наступил. Ложись на камень.

— Мне снять одежду? — спросил он, неуверенно опираясь на темную глыбу. Теперь он точно понял, что *она* смеется, и по пустому залу вновь пронесся странный звук, похожий на вздохи бесплотных душ — только чуть более громкий и отчаянный, чем раньше.

— Ты решил совокупиться с богиней? Я тысячелетия не устаю поражаться наглости вашей расы! Если бы ты знал, *что я такое*, твой жалкий белковый мозг закипел бы и лопнул.

Уорвик послушно забрался на камень и лег на него — лицом вверх.

— Закрой глаза, — велела его госпожа. — Я не хочу, чтобы ты умер от страха, увидев меня. Все эти годы я готовила тебя как свой избранный сосуд. Ты стал совершенен, чтобы соединиться со своей богиней…

Он закрыл глаза и открыл рот. Ему хотелось спросить, как это произойдет, но не успел — на мгновение у него перехватило дыхание, и он почувствовал, как внутрь него вливается нечто плотное, вязкое, мешающее говорить. Оно заполняло его легкие, проникало через альвеолы легких в капилляры, насыщая его кровь, пропитывая все его тело, и…

Это было больно, невыносимо больно, словно он живьем нырнул в соляную кислоту. Боль пронизывала его тело, он чувствовал каждый свой орган, каждый самый тонкий кровеносный сосуд, каждое нервное окончание…

Уорвик стиснул зубы и постарался не стонать — напрасно. Через минуту он орал в голос, и эхо повторяло его рев боли, в котором не было ничего человеческого. Но адская боль не помешала ему понять, что произошло.

Его богиня вселилась в него, слилась с ним. Сквозь неистовую боль он чувствовал *ее* могущество, и теперь это могущество жило в нем.

Это была великая честь для Теда Уорвика.

Глава 7
Семья обреченных

— София, сколько раз я тебя просил не называть меня Папочкой! — взорвался Джейсон.

— Ах, прости, Папочка, — потупилась женщина, — я ведь обещала тебе быть послушной… вот только обещала я капитану Джейсону Макдермиту, моему командиру…

— Не начинай… — Казалось, ответ Софии смутил Джейсона, но закончить мысль ему не дали — в коридоре появился еще один… персонаж этого странного представления.

Вообще-то Слободанка повидала в своей жизни разное, но появление этого… человека? — наверно, да, стало сюрпризом даже для нее. Ростом он был не меньше восьми футов, и все его тело, кроме лица, было из металла — как у старинных роботов-гуманоидов, предшественников андроидов. Лицо, сливающееся с металлом, прорезавшим плоть пластинами, было вполне человеческим, а его улыбку при других обстоятельствах можно было бы назвать приятной. К тому же мужчина носил бороду, такую же окла-

дистую, как у Джейсона, но только ярко-рыжую. Этот железный человек восседал на платформе, снабженной двумя парами гусениц и даже, как впоследствии узнала Слободанка, небольшим, но достаточно мощным антигравом.

— А что она не так сказала, Джейсон? — голос прибывшего был под стать его внешности — рокочущий, как механическая передача. — Ты собрал лучшую Спецкоманду; мы были твоими людьми. Твоей семьей. А потом ты бросил нас и ушел…

Джейсон широко улыбнулся:

— Роб! Черт возьми, но как? Я же видел, как силовая пушка…

— …разорвала на куски мою предыдущую версию? — Роб ухмылялся, подкатывая к Джейсону на своих гусеницах. — Как будто это в первый раз на твоей памяти! Главное, что голова на месте и, хм, кое-что другое цело, без чего мужчине ну никак нельзя.

— А что это? — машинально спросила Слободанка. Роб остановился, затем легко для огромного металлического существа спрыгнул со своей платформы (отчего пол вздрогнул, как при землетрясении) и посмотрел на Слободанку сверху вниз:

— Простите… Кстати, Джейсон, кто эта милая

леди?

«Для восьмифутовой железяки у него неплохие манеры», — подумала Слободанка.

— Слободанка Вуич, — проворчал Джейсон с неохотой, — телерепортер. Слободанка, это сержант-майор Роберт Пирнанделло.

— Можно просто Железный Роб, — добавил сержант-майор, неуклюже склоняясь перед Слободанкой так, что буквально навис над нею.

— Меня тоже не мешало бы представить, — проворковала дама, подойдя к громадине-сержанту. — Хотя я и сама могу. София Миаулис, разведчик Спецкоманды «Акуиллон». Очень приятно познакомиться, Слободанка. Я смотрела ваш фильм и нахожу его очень… искренним.

Слободанка почувствовала, что польщена, хотя не знала, о каком из трех ее голофильмов идет речь. Джейсон тем временем обнялся с Железным Робом, точнее говоря, последний, схватив его в охапку, поднял немаленького капитана, как ребенка. Попутно из рук сержант-майора выдвинулось несколько тонких диагностических щупов, быстро пробежавших по поверхности протеза Макдермита.

— Тебе задели приводы плазматрона, — сообщил Железный Роб, не выпуская капитана из

объятий, — и, кажется, ты ранен.

— Пустяки, — отмахнулся Макдермит. — Дираптером по касательной задело. И поставь меня на пол, чучело железное. Игрушку нашел.

— Пустяки не пустяки, а доктору показаться надо, — сказал Железный Роб, ставя Макдермита на пол. — А доктор у нас с собой.

— У нас? — удивился Джейсон. — Кстати, как вы здесь оказались?

— На «тазике» прилетели, — расхохотался сержант-майор, и от его хохота, казалось, содрогнулись стены старинного человейника.

Что такое «тазик», Слободанка не знала и, как всегда, сразу же отправила запрос в Сеть, чтобы узнать значение неизвестного термина. Сеть снова была доступна, но Слободанке это помогло мало: по мнению Гиперсправочного сервиса, тазиком назывался древний сосуд, предназначенный для ручной стирки белья: технология, благополучно забытая три столетия назад. Все бы ничего, но робот Гиперсправки услужливо подбросил Слободанке старинные изображения этих самых тазиков. Представив себе грозного сержант-майора в компании очаровательной Софии и неизвестного пока доктора летящими над землей в этом… «тазике», Слободанка не смогла

сдержать улыбки.

— И что, вы все сюда выбрались? — уточнил Джейсон. Роб кивнул. — Всей командой? Просто для того, чтобы выпить пивка в моей компании?

— А где еще можно найти настоящие дары хмеля и солода, как не в сердце Южного Централа? — улыбнулся сержант-майор. — На Севере сплошные синтетики, от которых даже меня тошнит, несмотря на то что у меня искусственная система пищеварения. — Он на миг стал серьезным и добавил: — У Медеи было видение.

— Опять? — капитан, кажется, удивился. Железный Роб кивнул.

— Сам понимаешь, это серьезно.

— Да уж… — Джейсон машинально коснулся рукой изуродованной стороны лица. — Не напоминай. Что в этот раз?

— Ваши трупы, — прозвучал женский голос, дотоле Слободанке незнакомый, и к компании присоединилась еще одна женщина. Слободанка моментально определила ее принадлежность к расе фрогменов: гладкая, очень бледная кожа, волосы необычного цвета — черные с зеленовато-синим переливом, едва заметное дополнительное прозрачное веко, увлажняющее глаз на суше и защищающее его под водой, едва заметные в сло-

женном состоянии перепонки между пальцами и легкие припухлости на шее ниже ушей, скрывающие жаберные щели. Да, перед ней был фрогмен, который, однако, привык к жизни на суше. — Твой и ее. Простите, если напугала вас, — сказала девушка-фрогмен Слободанке, протягивая ей руку. — Меня зовут Медея Карпентер, я из Ётунхейма, и я не виновата, что мне снится такое.

Слободанка бывала в Ётунхейме. Это был один из первых подводных городов Западной Конфедерации, очень важный, поскольку вокруг него располагались десятки подводных АЭС, и до появления Южного Полярного Щита именно они обеспечивали электроэнергией весь северо-восток Виктори-сити. Да и сейчас их значение если и упало, то ненамного — энергия от южного щита шла в основном на предприятия Юга, а Север по-прежнему потреблял ее от атомных электростанций, расположенных на дне у берегов Канадского Антарктического архипелага.

Быстро пробежавшись по Сети, Слободанка проверила одну свою догадку. Ей пришлось пару раз воспользоваться специальным доступом — часть данных была зашифрована, наверно, потому, что речь шла о бойце Спецкоманды, но Слободанка не была бы репортером, если бы не

умела добывать информацию.

— Это вы — та девочка, что предотвратила Январскую катастрофу? — спросила она у Медеи. Та коротко кивнула. — Но говорили, что вы погибли…

— По сути, так и есть, — ответила Медея, слегка улыбнувшись. — Тогда у меня тоже было видение. Я не успела никого предупредить, отключение уже началось, и коммуникации не работали. Но в видении я видела, что нужно делать, и сделала это — без должных навыков. Сейчас мое тело, как и у Железного Роба, на восемьдесят процентов аугментика, только он это подчеркивает, а я скрываю.

Медея вздохнула.

— Меня всегда считали ненормальной. Фрогмена не может тянуть к звездам. Но я спасла Ётунхейм от электрошторма, который убил бы в нем все живое, как на станции Эхо, и меня поощрили — поставили мне ту аугментику, которая была мне нужна, чтобы попасть в Спецкоманду.

Джейсон откашлялся.

— Все это, конечно, интересно, — сказал он. — Но к моменту вашего прибытия поле боя осталось за нами со Слободанкой. Соврало твое видение, Медея.

— Это потому, что мы прибыли вовремя, — заметил Железный Роб. — Внизу были четыре группы поддержки, готовые броситься на вас, и, клянусь бородой, среди них были Красные псы.

— Ты везде видишь Красных псов, — возразила ему София, — и марсианские заговоры. Как по мне, это было просто местное отребье.

— С марсианским оружием?! — взорвался Железный Роб. — С генераторами силового поля класса Е плюс на биметаллических элементах?! Только такие слепцы, как ты…

— Они говорили по-марсиански, — сказал Джейсон, жестом останавливая яростный спич сержант-майора. — Я это слышал своими ушами, София. Думаю, я могу отличить марсианский интеръяз от диалекта Южного Централа?

София промолчала с видом человека, оскорбленного в лучших чувствах.

— То есть вы приперлись сюда всем кагалом? — переспросил Джейсон. Железный Роб кивнул. — И что, начальство ничего против не имело?

— Даже выдало нам свежий «тазик», — подтвердил сержант-майор. — А что? Мы все равно на базе просиживаем.

— Это еще почему? — удивился Джейсон.

— Официально — потому что «Акуиллон» еще

не готов, — пояснил Железный Роб. — Но мне кажется, они не очень торопятся с его ремонтом.

— Капитан, — сказала София, воспользовавшись тем, что сержант-майор замолчал. — Неужто не ясно? Рой ждет, когда ты вернешься на мостик. И мы все этого ждем.

— Я говорил, что не готов к возвращению? — холодно сказал Джейсон. Роб, София и даже молчаливая Медея тут же попытались ему возразить, но Джейсон опять жестом остановил их: — Да. Говорил. Я не был готов к возвращению. Тогда, но не сейчас.

* * *

— Разрешите вас поздравить, — тихо сказала Медея Слободанке, когда крики радости со стороны акуиллонцев утихли. Слободанка недоуменно на нее уставилась:

— Меня? С чем?

— Вы как-то сумели переубедить нашего капитана, — ответила Медея. — До этого момента он не особо рвался вернуться на борт. Не спорю, у него были на то свои причины… но вы как-то сумели изменить его точку зрения.

— Но я же ничего не делала, — изумилась Слободанка.

— Между прочим, секретничать нехорошо, — заметил Джейсон, — особенно в присутствии капитана. Правда в том, что нашей новой знакомой нужна помощь, хотя она сама этого пока не понимает.

Джейсон подошел к Слободанке и заглянул ей в лицо. Его живой глаз был необычным: как правило, в глаза обязательно имплантируют хотя бы проекционный 3D-экран для дополнительной реальности, но глаз Джейсона не имел ни малейших следов оперативного вмешательства. Обычный человеческий глаз приятного цвета горького шоколада.

— Как я понял еще в той забегаловке, где мы с вами познакомились, — сказал Джейсон, — у вас есть некая вещь, которая интересует ваших обидчиков. Вы правильно сделали, что не отдали им ее. Этим вы бы не купили свою безопасность: ненужных свидетелей принято уничтожать, это общеизвестно. То есть с того момента, как вы получили то, что *их* интересует, вы стали добычей, и охота не остановится до тех пор, пока вы живы… или пока живы *они*. Если за этим действительно стоит Марс…

— А ты сомневаешься? — удивился Железный Роб.

— ...то сами понимаете, что это значит, — продолжил Джейсон. — Но если за этим стоит Марс, то данное дело входит в сферу моей компетенции как главы Спецкоманды «Акуиллон». Мы присягали защищать человечество от его врагов, а я пока никаких других врагов, помимо марсиан, еще не встречал. — Он вздохнул. — Должен признаться, это меня радует.

— Почему? — удивилась Слободанка.

— Потому что я в любом случае не оставил бы вас без своей защиты, — пояснил Джейсон. — С того момента, как я встал на ноги в той забегаловке, я взял на себя ответственность за вас.

— Я вас об этом не просила, — сказала Слободанка.

— А об этом не просят, — парировал Джейсон. — Это не вы решаете, а я.

— Моя безопасность... — начала Слободанка.

— В настоящий момент вы не в безопасности, — перебил ее Джейсон. — Если, чисто гипотетически, мы развернемся и уйдем, проживете вы не дольше получаса, и плевать на то, что ваш дядя — Рой Уоллес. Но мы не уйдем. *Я* не уйду.

Он обернулся к своим людям — к громадному Робу, изящной Софии и отстраненной Медее — и продолжил:

— …и, если вы хотите видеть меня на мостике, это *мое* дело станет вашим делом. Это приказ.

— Слушаемся, капитан, — пророкотал Роб. — И вообще, за кого ты нас принимаешь? Ты и правда мог подумать, что мы оставим девочку в опасности? Я что, похож на марсианина?

— Я не девочка! — возмутилась Слободанка. — Я — репортер одного из ведущих изданий…

— И автор прекрасного фильма «Моя война», — добавила София своим бархатным, успокаивающим голосом. — Слободанка, мы с огромным уважением относимся к вам и вашим заслугам, но ваша работа — снимать, создавать репортажи, показывать новости. А наша работа — защищать. Я могу быть уверена, что вы уважаете *нашу* работу, мисс Вуич?

Слободанка, сбитая с толку, коротко кивнула.

— Вот и отличненько, — обрадовался Джейсон. — Теперь бы узнать, из-за чего все завертелось.

— Из-за этого, — ответила Слободанка, доставая из кармана злополучный диск. Вся четверка ее спутников уставилась на это странное архаичное устройство.

— И что это за приблуда, ради всех чертей глубокого космоса? — спросил Железный Роб.

— Какой-то носитель информации, — задумчиво сказала Медея. В принципе, Слободанка и сама пришла к тому же выводу: киборг прямо говорил, что эта штука содержит важную информацию… — Но какой? Даже Сеть не может найти аналогий.

— У него есть слот для подключения, — сообщила Слободанка, протягивая носитель Медее. Та осторожно взяла странную штуку в руки:

— Тяжелый… и слот такой примитивный. В принципе, Сеть Базы могла бы опознать, что это за устройство, но мне пришла в голову идея получше.

— Какая? — спросил Джейсон. Медея смутилась.

— У меня есть подружка, вот только живет она далековато…

— В Ётунхейме, что ли? — уточнил Джейсон. Медея покачала головой, по ее волосам пробежала серо-зелёная волна.

— Намного дальше. В Японии.

— Это в Восточной Федерации? — спросил Джейсон.

— Не совсем, — ответила Медея. — Но близко. Япония не входит ни в Западную Конфедерацию, ни в Восточную Федерацию, но ближе к

Восточной.

— На «тазике» туда не доберешься, — заметил сержант-майор. — Можно, конечно, прыгнуть до Гавайев…

— В Перл-Харбор все равно придется лететь, — сказал Джейсон. — Вот что, Медея, расскажи мне побольше об этой своей знакомой, а я пока подумаю над планом наших дальнейших действий.

* * *

— И вот это вы называете «тазиком»? — невольно вырвалось у Слободанки.

Справедливости ради, машина Спецкоманды действительно чем-то напоминала эту древнюю утварь, а также то «блюдечко», на котором рассекали недавние преследователи Слободанки. Дисковидная конструкция была увенчана прозрачным куполом — правда, его прозрачность могла обмануть только того, кто раньше ни с чем подобным не встречался. Рубка «тазика», как и весь корпус, была сделана из мощной ячеистой брони толщиной примерно в три-пять дюймов, просто на поверхность аппарата проецировалось то, что снимали микрокамеры внутри аппарата, в кабину же — то, что микрокамеры снимали снаружи. Благодаря этому «тазик» мог в полете

становиться невидимым для невооруженного глаза, а для радаров и прочих локационных устройств невидимым его делала структура самой брони.

Вокруг рубки грозно топорщились стволы разного оружия; что-то Слободанка опознала легко, но что-то было ей совершенно незнакомо — вроде устройства, похожего на двузубую вилку, завитую на концах наподобие штопора.

На ее вопрос никто не ответил, поскольку экипаж «тазика» — дюжина одетых в спецкостюмы мужчин и женщин — бросился к Джейсону с приветственными криками. А когда капитан озвучил свое намерение вернуться, казалось, от рева глоток бойцов Спецкоманды вздрогнули даже невозмутимые небоскребы Централа.

Впрочем, вспомнили о ней довольно быстро — и окружили заботой, которой Слободанка вовсе не ожидала. Красавец с оливковой кожей («Ему бы в голофильмах сниматься, а не по космосу рассекать в поисках быстрой смерти», — подумала Слободанка), оказавшийся врачом с труднопроизносимым именем (потому все его называли Айболитом), тут же натравил на нее парочку диагностических дронов, чтобы убедиться, что девушка не ранена. Хмурый мужчина с темной

кожей и птичьими чертами лица предложил связаться с редакцией Слободанки, чтобы, как он выразился, нагнать страху на того фраера, что посылает в Южный Централ молодую красавицу без сопровождения хотя бы взвода Сил Планетарной обороны. Слободанка попыталась его остановить, но тщетно: мужчина, которого звали Кеннеди Ган, непонятно как моментально добыл айди Хэндрикссона, и вскоре тот, напуганный так, словно едва убежал от орды голодных астероидных зомби с Релакса, объявил Слободанке, что она с этой минуты в годичном отпуске с сохранением места и двойным окладом от компании. Затем, кинув взгляд на Гана и стоявшего рядом с ним громадного китайца с пудовыми кулачищами, добавил: «Это не считая премии за прекрасный репортаж».

Оказывается, умница Снуппи, перед тем как уйти в гибернацию, смонтировал два ролика — про демонстрацию и про погоню неизвестных за Слободанкой — и даже сумел отправить их в редакцию. Не успела Слободанка подумать про Снуппи, как его притащил рыжий детина с кряжистой, медвежьей фигурой — артиллерист Спецкоманды. Причем по дороге он со своим невзрачным напарником привел Снуппи в чув-

ство и подкормил электроэнергией. Уже на борту «тазика» напарник артиллериста, оказавшийся симбиотиком, предложил Слободанке «немного усовершенствовать» Снуппи.

— Его вырубили из простого очистителя! — возмущался парень-симбиотик, которого звали Эдиссон Фоллет. — Эта штука дистанционно разряжает батареи; от нее обычный экран из фольги защитит! Ваш Снуппи очень сообразительный, но совершенно беззащитен!

— Откуда вы знаете, как его зовут? — удивилась Слободанка.

Эдиссон смутился:

— Ну… мы немного с ним пообщались. Простите, я знаю, что нельзя разговаривать с чужими дронами, но…

— Вы сумели пообщаться со Снуппи? — У Слободанки от удивления глаза на лоб полезли. Вот тебе и «особая защита от взлома, построенная на генераторе случайных цифровых матриц тысячного порядка»! Либо «Дженерал Электрик», выпустившие Снуппи, сильно слукавили в своей рекламе, либо скромный Эдиссон был величайшим из виденных ею симбиотиков — таких звали техномагами. Вот только молод он был для техномага — как правило, симбиотики шли к этому

званию десятилетиями.

Эдиссон смутился еще больше:

— Ну… меня Лига техномагов Западной Конфедерации признала… и зовут к себе, мол, чего ты свой талант попусту тратишь? А я не хочу ребят оставлять. Спецкоманда — это ведь как семья, понимаете?

Слободанка была знакома с этими людьми меньше часа, но понимала, о чем речь. Это чувствовалось, это буквально витало в воздухе. И ужасный Железный Роб, и громадный канонир Бегельмир Сурт, и китаец Ли Сицын, и прекрасные, но смертоносные София и Медея, и даже невзрачный, но гениальный Эдиссон — они были как семья, притом такая, каких уже не так много, по крайней мере в Западной Конфедерации. Сейчас дети рано покидают родителей, чтобы жить самостоятельной жизнью; супруги могут месяцами не видеться друг с другом, если один работает или в космосе, или под водой, или в Антарктиде, а другой — в Виктори-сити, например. Детей воспитывают андроиды-сиделки, стариков, чьи теломеры уже слишком коротки для омолаживающей терапии, селят в интернатах, где они тоже общаются с андроидами — копиями своих детей.

Когда-то семью пытались уничтожить искус-

ственно, но не вышло. Теперь, однако, безумные скорости и расстояния сделали то, что не удалось реформаторам прошлого. Родители любили Слободанку, но их часто не было дома долгие недели, а однажды они вообще не вернулись…

Честно говоря, Слободанке очень не хватало этого ощущения — неуловимого чувства того, что ты кому-то нужен, кому-то близок, кому-то дорог… Эти суровые люди, судя по всему, прошедшие такое, что не каждая психика выдержит, сразу каким-то неуловимым образом дали ей понять, что она им не безразлична, что она не чужая. И все потому, что их капитан взял ее под свою опеку.

В какой-то момент, когда «тазик» пролетал мимо волшебного озера Титикака по направлению к древнему Куско (и то и другое Слободанка могла наблюдать благодаря «прозрачным» секциям стен аппарата) и вся команда отвлеклась на какой-то спор, Слободанка тихо спросила у Эдиссона, который во всем этом не участвовал:

— Скажите, Эдиссон… я вижу, что вы любите своего капитана и он вас любит.

— А разве может быть по-другому? — пожал плечами симбиотик. — Мы же Спецкоманда.

— Тогда почему он хотел уйти от вас? — в лоб

спросила Слободанка.

Эдиссон ответил не сразу. Какое-то время он молчал, и «тазику» этого времени хватило как раз для того, чтобы долететь до Куско.

— Не думаю, что он собирался уйти по-настоящему. Капитан… он один стоит целого спецподразделения. Во время последнего дела он лично, без нашей помощи, уничтожил две трети Спецкоманды «Мортус» — элитного подразделения самого кригскомиссара Уорвика. Говорят, тот поклялся убить его голыми руками… впрочем, он его *уже убил*.

Слободанка оглянулась на Джейсона, перед которым висела голограмма какой-то странной конструкции. Джейсон что-то объяснял еще одному члену команды, с которым Слободанка пока не была знакома, хотя могла поклясться, что где-то уже видела этого красавца аристократической наружности.

Мертвым Джейсон вовсе не выглядел.

— Не смотрите на него, — сказал Эдиссон тихо. — Смерть не всегда… я не умею говорить красиво. Можно выжить, но умереть внутри. Знаете, про бойцов Спецкоманд ходят разные слухи. Говорят, что мы жуткие развратники и пьяницы, говорят, что мы завсегдатаи всех борделей — от

Гавайев до пояса астероидов. Отчасти так и есть, а знаете почему?

Слободанка помотала головой, и Эдиссон продолжил:

— Большинство из нас холосты, и большинство никогда не женятся, не выйдут замуж. Почему? Да потому, что наша работа — ходить под косой смерти. Мы с ней очень хорошо знакомы. С тех пор как Джейсон стал капитаном, у нас погиб только один человек, и то в такой мясорубке, что мы думали, нам всем конец. Но вообще десять лет — это большой срок, и, если через десять лет ты все еще жив, ты уже ветеран. Большинству это не светит.

Нас много раз собирали буквально по кусочкам. От сержанта Пирнанделло вообще остались мозги, часть сердца и детородный орган, остальное — железо и синтетика. Ах да, еще перчатки — они из его собственной кожи. Но даже наши хирурги — не боги, и ставлю мегаватт против порции в дешевой забегаловке лунного захолустья, что каждый из нас встретит смерть в бою. Последним, что мы увидим в этой жизни, будут рожи врагов в прицеле, последнее, что мы сделаем, — спустим курок.

Мы выбрали это сами, но за все приходится

платить. Поэтому мы редко заводим семьи — никто из нас не хочет делать дорогого ему человека своей вдовой… или вдовцом. А уж о детях и говорить нечего. Надо очень сильно полюбить, чтобы переступить через это. И…

— Слободанка, — позвал Джейсон, — тут кое-кто на связи, просит вас на пару слов.

— Если это опять старый прохвост Хэ… — начала было Слободанка, но тут же перед ней возникла голограмма хорошо знакомого ей мужчины.

На вид ему нельзя было дать больше сорока, даже седина у него была только на висках. Правильные черты лица, открытая, располагающая улыбка… в этом человеке чувствовалась сила — и доброта.

Более чем полтора столетия он был главой Планетарной Службы безопасности Западной Конфедерации. За его плечами было две войны с Марсом, победы в которых были во многом результатом его нестандартного мышления, его способности переиграть гениальных марсианских стратегов — таких, как легендарный Уорвик, гроссадмирал Дэвиссон, фельдмаршал Мэтрикс.

— Надеюсь, это не меня ты назвала старым прохвостом, — проворчал сенатор Рой Уоллес IV, крестный Слободанки. — Я, конечно, прохвост,

да и стар, как Конфедерация, но обидно слышать такое от моего цветочка.

«Мой цветочек»… Когда-то именно эти простые слова удержали Слободанку от безумия, по крайней мере от серьезного нервного срыва. Рой Уоллес сам, наверно, был растерян, сам был расстроен и выбит из колеи. Он, тот, кто принимал вызов от чемпионов Марса, не уберег тех, кого любил. И единственная, кто остался, — маленькая девочка с потемневшими от горя глазами, полными невыплаканных слез, и погасшим взглядом. Он сидел у ее постели, гладил ее по волосам и повторял: не плачь, мой цветочек… ну не плачь, цветочек…

— Ну что ты, дядюшка, — улыбнулась Слободанка, — конечно, не в твой адрес.

— Я уже выписал твоему Хэндрикссону по первое число, — продолжил Уоллес. — Это же надо было додуматься, совать тебя одну в эту дыру! Честное слово, я хотел его отправить в… в… в отставку. Выгнать, как паршивую собаку… хотя собаку я бы не выгнал, даже паршивую, а его — готов был выгнать. Но у него был такой вид, будто его самого через мясорубку пропустили… дважды. Так что я его пожалел… пока.

Дядя помолчал и пристально посмотрел на

Слободанку:

— Это хорошо, что Джейсон тебя нашел. Этот мальчик не устает меня радовать своими успехами. Я сейчас не в Перл-Харборе, даже вообще не на Земле. Подождешь меня, я распоряжусь, чтобы тебя допустили в мою цитадель.

В принципе, после всего произошедшего Слободанка не задумывалась о том, что будет делать дальше. Слава богу, она выбралась из той передряги. И диск при ней. Диск осмотрел Ли Сицын — у него была тактическая татуировка, позволявшая считывать информацию с технических устройств, минуя стандартные протоколы подключения. Но дальше дело не пошло: оказалось, что для передачи информации диск нуждается во внешнем питании. С момента изобретения энергонезависимой памяти прошло больше века, и устройств, к которым можно было бы подключить такой диск, не осталось нигде, кроме…

…кроме того места, где жила знакомая Медеи — профессор истории техники Сэнума Юми, крупнейший специалист по вопросам развития технологий и, пожалуй, единственный на Земле технофилософ и технопровидец. Сэнума, дальняя родственница императора Японии, заведовала Всемирным Технопарком — огромным техноло-

гическим музеем, построенным на базе атомной электростанции, пережившей некогда ужасную катастрофу.

Только после слов крестного Слободанка внезапно поняла, что уже настроилась на визит к этой Сэнуме. Поняла, что ей очень интересно, что же содержится на архаичном носителе информации, едва не ставшем для нее роковым.

— Ну уж нет, — скорчила рожицу Слободанка. — Вот еще! Не буду я просто так сидеть и тебя дожидаться! Мы с Джейсоном…

— Со мной? — удивился Джейсон.

— То есть с капитаном Макдермитом, — поправила себя Слободанка, — запланировали прокатиться к одному специалисту по старинным устройствам. Ты же в курсе, из-за чего вся эта джига началась?

— И не думай! — взорвался дядюшка Рой. — Тебе что, мало, что тебя чуть не убили?!

— Но не убили же… — начала Слободанка.

— В этот раз — нет, — согласился сенатор, — так и не надо давать им второго шанса! В Перл-Харборе, под охраной моих лучших людей, ты будешь в полной безопа…

— Дядюшка, — перебила его Слободанка, — вы забываете, что я уже не маленькая. Что я успела

повоевать, что сидела в окружении в Галифаксе и участвовала в Битве в тумане. Вы сами говорите: Марс мстительный и беспощадный. Не буду же я век сидеть в Перл-Харборе!

— Это, кстати, было бы разумно, — заметил Рой Уоллес, и Слободанка поняла, что он немного успокоился. Это было… плохо. Пока дядюшка Рой сердился, его можно было переубедить, но стоило ему обрести свою пресловутую уравновешенность — и переспорить его становилось совершенно нереально. Слободанка беспомощно оглянулась и увидела Джейсона, стоящего у нее за правым плечом и внимательно слушавшего ее беседу с крестным.

— Уважаемый сенатор, — сказал Джейсон, воспользовавшись возникшей в разговоре паузой, — а чем вашей воспитаннице может повредить небольшая прогулка в Японию? Это ведь не визит на Ио, правда? Мы даже не покинем пределы Земли.

— Ты забываешь, дружок, — заметил Уоллес, — что на Слободанку напали не на Ио, даже не в Антарктиде, а прямо в сердце Конфедерации.

— Если пользоваться анатомическими аналогиями, — невозмутимо сказал Джейсон, — то это не сердце, а скорее…

— Заткнись, — попросил Уоллес, — знаю я твои аналогии, солдафон.

— …желудок, — спокойно закончил Джейсон. — Или кишечник. И да, в Южном Централе всегда хватало отребья, да и марсианам есть где там спрятаться. Не даром же этим… гадюшником заведует семья Кушниров.

— Ты, кстати, уверен… — начал Уоллес. Джейсон не дослушал:

— Как в том, что у меня больше нет руки. Что-что, но марсианский свистошип я от чего угодно отличу.

— Он прав, — подтвердила Слободанка. — Там явно были марсиане.

— Вот твое мнение, дорогая крестница, несомненно, полностью меняет картинку, — холодно сказал Уоллес. Потом обратился к Джейсону: — А теперь рассказывай, да начистоту — зачем ты хочешь тащить с собой мою племянницу в свою небезопасную поездку?

— Потому что ей *везде* небезопасно, — пояснил Джейсон таким тоном, будто говорил о том, какой скин для комбинезона себе прикупил. — Если спящие проснулись в Ремансу, возможно, они проснутся и в Перл-Харборе. Диск сам по себе найти невозможно — когда он обесточен, это

просто кусок хлама, которого вокруг нас навалом. Иголка в стоге сена. Значит, будут искать *ее.*

— А это уже не твоя проблема, — сказал сенатор.

— Простите, сэр, но моя, — возразил Джейсон. — Хочу напомнить вам слова клятвы, которую я приносил в вашем присутствии тридцать лет назад: «Клянусь защищать всех детей Земли, кто нуждается в защите». Как сказано в Писании…

— Я знаю, что сказано в Писании, — прервал его Уоллес. — Ты, кстати, когда слинял в самоволку (не будем лукавить, мы взрослые люди), ни о Писании, ни о присяге не подумал…

— Подумал, — ответил Джейсон. — Если бы не это, я бы себе из культа голову размозжил вместо того, чтобы забиваться в щель, как крыса. Я — боец Планетарных Сил безопасности, и этого у меня никто не отнимет.

— Но почему Слободанка? — гнул свою линию сенатор. — Почему ты решил защищать именно ее? Разве ты не понимаешь, что в Перл-Харборе она будет в полной безопасности?

— Цитадель хорошо защищена, — согласился Джейсон, — от орбитальной или атмосферной атаки, от проникновения извне. Но что, если враг уже *внутри*? В любой стене заводятся крысы.

Пока я буду в Японии, я не могу гарантировать ее безопасность…

— У тебя это и так не получится, — буркнул Уоллес.

— …если она не будет со мной, — продолжил Джейсон. — А если Слободанка…

— Эй, — Слободанка решилась вмешаться в разговор, — мужчины, мне не хочется прерывать ваш приятный междусобойчик, но вы забываете один нюанс — диск *у меня*. Доверили его именно мне. Не Джейсону, не тебе, дядюшка, а *мне.* Поэтому если диск поедет в Японию, то только со мной.

Она ждала бурных возражений от дядюшки и уже приготовилась дать отпор, но…

— Ты права, — согласился сенатор Уоллес. — А я об этом не подумал, хотя и должен был. Но ты, Джейсон, отвечаешь за нее головой. И учти, никого с вами я сейчас послать не могу. Акуиллонцы нужны мне здесь, и вообще — мне кажется, что большая группа людей легче привлечет к себе нежелательное внимание. Ай, кому я вру? К сожалению, тут замешана политика: Япония с подозрением относится к Западной Конфедерации. Почему — это долго объяснять, да и неважно. Если вы появитесь там вдвоем, на это закроют глаза.

Если появится Спецкоманда — могут возникнуть политические осложнения.

Джейсон возвел очи горе:

— Да что может случиться? Япония — спокойная страна, а их Силам Самообороны намного легче прикрывать свою небольшую территорию, чем нам два материка Конфедерации. Да я скорее в марсианский десант на Кэмп-Дэвид поверю…

— Был такой уже, — напомнил Уоллес. — Во время прошлой войны. И, честно говоря, мне очень не хочется, чтобы история повторилась.

Глава 8
Другой Марс

Длинные, как у пианиста, пальцы перевернули песочные часы — ужасный анахронизм, безумно дорогой, как и любой анахронизм, и кварцевый песок потек из полной верхней чаши в нижнюю.

«Это жизнь, — подумал Гарри Фишер, глядя на серебристые песчинки, текущие, как вода, из одного сосуда в другой. — Сегодня ты наверху, завтра внизу…»

С утра он сдавал анализ крови; информация поступила в его мозг сразу после обработки анализа, но он и без того знал результат. Биологически Гарри Фишеру было тридцать три года, несмотря на то что он прожил уже почти в десять раз больше; но частицы Януса, таинственного вируса, созданного некогда его помощником Борисом Койном под невидимым руководством другого его подельщика — Льва Ройзельмана, постепенно выбывали из игры. И самое печальное — ему больше не удавалось поддерживать баланс самостоятельно. Игра заканчивалась; старость, которой он каждый день говорил «не сегодня»,

наконец властно заткнула ему рот и сказала: нет. Именно сегодня.

Будет ли она медленной, как и надлежит? Или в тот момент, когда концентрация Януса в его крови упадет до какого-то минимального уровня, увядание решит мгновенно наверстать упущенное? Он повелевал частицами Януса в других (этот вирус ассимилировался, как герпес, и теперь жил в каждом из марсиан) и не раз приказывал своим миниатюрным союзникам моментально состарить того, кто ему угрожал. Человек в расцвете сил за каких-то пару часов проходил тот путь, что у людей занимал годы, и практически моментально превращался в дряхлую, ни на что не способную развалину.

«Будет ли так же со мной? — думал Фишер. — Что бы на это сказал друг Тед? Умершим Цезарем от стужи заделывают дом снаружи… пред кем весь мир лежал в пыли, торчит затычкой из щели…»

Они все ушли, все оставили его. Первым пропал Тед. Его помощника, отца нынешнего кригскомиссара, подвергли допросу с пристрастием, но он, похоже, понятия не имел, куда делся его шеф. По приказу Фишера Марс прочесали от полюса до полюса, но так и не нашли никаких следов

русского из Бронкса. Гарри искренне надеялся, что Теду удалось вернуться на Землю, к жене и детям, которые едва не погибли по вине самого Фишера.

А потом в один прекрасный день ушла Джинна. Ушла, оставив короткую записку: прости, но вечность мне надоела. Фишер понимал ее — во время первой войны, которую Гарри развязал для того, чтобы отнять у алчных землян хотя бы кусок астероидного пояса, богатого так необходимыми Марсу ресурсами, ее сын погиб, сражаясь с его флотом, — он стал пилотом земного патрульного крейсера и оказался на острие атаки в составе одной из штурмовых групп Дэвидсона.

Они все его оставили — Тед, Джинна, Борис, даже Ройзельман. Видит бог, он был не виноват в том, что Ройзельмана казнили! Он даже готов был поддержать его возвращение — но лишь в том случае, если бы Ройзельман воспринимал его как равного… что, похоже, не входило в планы Льва. Поэтому Фишер сначала победил эпидемию Януса на Земле, потом — выследил и уничтожил всех потенциальных носителей личности Ройзельмана.

Вот только всех ли? До недавнего времени Фишер не сомневался, что всех, но его уверенность

была поколеблена, когда на орбитальной базе его сил специальных операций — старом транспорте «Лев Троцкий» — появилась странная молодая женщина и велела передать послание для Фишера. Послание было коротким: «Гарри, наша игра не закончена. Лев».

Это могло быть дурным розыгрышем, но кто был настолько осведомлен о событиях вековой давности, чтобы так над ним подшутить? А вот в то, что Ройзельман выжил, можно было поверить. В конце концов, дети R, появившиеся на свет в результате чудовищного эксперимента Ройзельмана, почти исчезли, едва достигнув совершеннолетия, и многие из них исчезли бесследно. Уж не Ройзельман ли это организовал? К сожалению, в те годы у Марса не было столь разветвленной агентуры на Земле, и Гарри упустил этот период из виду. Правда, с тех пор тоже прошли десятилетия.

И вот — этот визит. Что бы это значило? Таинственная незнакомка обещала вернуться за ответом, и Гарри отправил на «Троцкого» лучших из лучших своих бойцов, чтобы захватить посланницу. А несколько дней назад «Троцкий» перестал выходить на связь, после чего Фишер направил к нему группу усиления, но еще не

получил от них доклада.

Впрочем, Гарри Фишер не был бы собой, если бы не проверил полученную информацию по другим каналам. Это потребовало огромного напряжения всех сил, ради этого пришлось будить множество «спящих», но Фишеру удалось отследить контакты таинственной незнакомки на Земле. Насколько это вообще было возможно, конечно, — дама была просто гением маскировки, пропадая прямо из-под носа преследователей, но наконец люди Фишера сумели заполучить один-единственный факт — таинственная переговорщица встречалась в жутком захолустье Западной Конфедерации, Ремансу, с каким-то странным киборгом и передала ему нечто напоминающее носитель информации. После чего исчезли оба; тем не менее по крайней мере киборг затерялся где-то в Ремансу, и Фишер поставил на уши всех, чтобы его найти. К сожалению, для этого пришлось задействовать кадры его союзника, Кушнира. Не то чтобы Кушниру Фишер не доверял, но лишний раз обращаться к нему за помощью не хотелось. А пришлось.

Что это была за информация? Фишер терялся в догадках. Если Ройзельман жив, если ведет свою игру — не значит ли его послание, что он ищет

союзников? Хорошо, если так. Фишер уже почувствовал свою слабость — он дважды сражался с Землей и дважды проиграл. В этой ситуации Гарри взял бы в союзники не только Ройзельмана, но и всех марсианских дьяволов, если они здесь водятся.

* * *

Андроид-секретарь (внешне — точная копия Джинны, к тому же снабженная искусственным интеллектом, частично, насколько это возможно, воспроизводящим ее поведение) доложила о прибытии Теда Дэвидсона. Старший сын Алека и Мэри занял место отца после того, как тот вместе с верной Мэри погиб на борту линейного корабля «Несущий возмездие» во время обороны Марса от контратакующих землян в ходе последней войны. До этого Тед командовал линейным крейсером «Агасфер», который тоже погиб, но у самой поверхности Марса, поэтому команде удалось спастись. Тед унаследовал и стратегический гений отца, и характер. Фишеру он служил не за страх, а за совесть и, в отличие от Алека, не задавал неудобных вопросов.

Алек и Мэри оказались плодовитым семейством — девять сыновей, шесть дочерей. Алек-

младший руководил военной промышленностью Марса. Гарри Дэвидсон был начальником штаба у стремительно дряхлеющего Мэтрикса и его возможным преемником. Дуглас Дэвидсон руководил дипмиссией Марса на Луне, Мэри-младшая была губернатором Деймоса, а Джинна Дэвидсон…

А Джинна была законспирированным агентом Марса в поясе астероидов, тихо работала в геологической партии и даже говорила без марсианского акцента. В чем-то она была полезнее любого из ее братьев и любой из сестер.

— Разрешите доложить, сэр? — отчеканил Тед. Гарри поморщился. Тед даже внешне был чертовски похож на своего отца, каким тот был в самом начале двадцать первого века, когда прибыл на злополучную яхту Фишера «Стигма-3», еще до *всего*.

— Доклад разрешаю.

В многолетнем общении с семейством Дэвидсонов Фишер усвоил одно — с ними лучше соблюдать уставной порядок общения. Похоже, им это доставляет удовольствие.

— Пришли данные по «Троцкому», — доложил Дэвидсон. — Он исчез. В условной точке орбиты его нет, но нам удалось обнаружить принадле-

жащие ему фрагменты корпусных конструкций. Похоже, наш корабль был уничтожен.

— Кем? — уточнил Фишер.

— Землянами, — ответил Дэвидсон. — Больше некому. Мы могли бы использовать это как прецедент «Мэна»…

— Но тогда нам пришлось бы признаться, что мы держали мобильную базу на земной орбите, — вздохнул Фишер, — а это, как вы понимаете, нарушение Фобосского договора. Странно, что земляне еще не завалили нас нотами протеста.

— Но тогда бы им пришлось признаться, что они просто уничтожили наш корабль вместо того, чтобы интернировать, — парировал Дэвидсон. — Я не думаю, что был бой; у экипажа «Троцкого» были четкие инструкции — в случае чего сдаваться в плен и втирать о неполадках, заставивших их дрейфовать.

— От точки либрации к орбите Земли? — фыркнул Фишер. — Малоубедительно.

— Свалиться внутрь можно и из точки либрации, — ответил Дэвидсон. — Притяжение Солнца тоже не надо игнорировать. Сэр… я понимаю, что для нас сейчас ввязываться в конфликт с Землей — не то, что надо; но неужели мы никак не отомстим за… то, что произошло?

— Отомстим, — пообещал Фишер. — Но мы сделаем им больно по-другому. Что там с андроидом?

— Это второе, о чем я хотел бы вам доложить, — сказал Тед. Гарри некстати вспомнил, что главу Кригскомиссариата Марса, который работал в интересах Гольдстейна, Уорвика, тоже звали Тед. Да уж, Тедди-бир умел располагать к себе людей… — Мы перехватили андроида.

— И ты молчал?! — взорвался Фишер. — С этого и следовало начинать!

— Если бы нам это что-то дало, — ответил Дэвидсон. — Андроид успел сбросить диск. Но мы узнали, кому именно.

— Этого человека надо немедленно перехватить! — сказал Фишер, вставая с кресла. В боку непривычно кольнуло.

— Мы попытались. — Тед потупился. — Но у меня в Ремансу только местные маргиналы Кушнира и пятерка наших бойцов из числа Красных псов… была.

— Что значит «была»? — удивился Фишер.

— Андроид передал диск некой Слободанке Вуич, — сказал Тед. Фишер его перебил:

— Вуич? Репортер канала «Уорлд Бист»?

— «Уорлд Дейли», — поправил его Тед. — Да,

это она. Наши люди взяли ее в коробочку, но тут появился Джейсон Макдермит…

Фишер вздрогнул. С Макдермитом он был знаком лично. В конце второй войны земляне высадили наземные силы на Марсе. Все остальные капитулировали, флот был разбит, но Фишер заперся в своей цитадели в надежде… на что? Да, пожалуй, ни на что он не надеялся. Цитадель Фишера могла обороняться от объединенного земного флота и держать длительную осаду; внутри нее Гарри чувствовал себя в безопасности до тех пор, пока…

…он проснулся оттого, что холодное дуло уперлось ему в лоб. Раскрыв глаза, Гарри увидел мужчину со следами недавней имплантации на лице (выглядело это ужасно). Мужчина приставил ко лбу оберкомиссара Фишера архаичный пулевой револьвер.

«До чего же мне хочется вынести тебе твой гнилой мозг, обезьяна марсианская, — проговорил мужчина на интеръязе, но без марсианских шипения и свистов. — Да нельзя, увы. Впрочем, руки и ноги тебе прострелить никто не мешает, не говоря уж о других органах, на мой взгляд, для тебя совершенно лишних. Потому советую тебе не артачиться. Я принес тебе акт о безого-

ворочной капитуляции, и если ты его, падла, не подпишешь…» — «То что?» — попытался хорохориться Фишер — и тут же об этом пожалел: «То я прострелю тебе твой гребаный крестец, — сказал мужчина, — и ходить после этого ты сможешь только под себя. Ты уже был один раз парализован. Думаю, тебе не особо понравилось».

У Фишера тогда ни малейшего сомнения не возникло — прострелит. Об этом свидетельствовало все — и тон, которым говорил агрессор, и его движения… Так что акт капитуляции Гарри подписал, не пытаясь увиливать, но имя обидчика на всякий случай запомнил — Джейсон Макдермит.

Впоследствии Гарри навел справки и выяснил, что жена и сын этого Макдермита погибли в первой стычке второй войны — в бою у астероида Энчантрес. Неудивительно, что этот Джейсон был в таком гневе по отношению к марсианам. Если бы Гарри узнал, что кто-то убил его Джинну, он бы с них живьем шкуру спустил.

Парадокс заключался в том, что Фишер был совершенно непричастен к тому, что произошло на Энчантресе. Спецкоманда «Мортус» подчинялась исключительно Уорвику, и рейд на Энчантрес был его личной инициативой. За каким чертом они туда поперлись, Фишер понятия не имел.

Говорят, Макдермит чуть ли не собственноручно отправил к дьяволам половину мортусов, и Фишер даже не мог его за это осуждать. Из-за этих олухов Земля велела Марсу убираться из пояса астероидов. Это было невозможно — пояс был почти единственным источником сырья для марсианской экономики. Алек Дэвидсон по приказу Фишера атаковал эскадру землян у пояса, разбил ее, а когда земные флоты двинулись на перехват, Мэтрикс, собрав все, что пусть и на последнем издыхании, но могло доползти до Земли, наполнил трюмы солдатами и высадил их на родную планету, проломив оборону земных Сил Планетарной обороны. Причем десант высадился очень удачно — под ударом оказались и Кэмп-Дэвид, и Чикаго, и Пьерфон с Монреалем.

В какой-то миг у Фишера появилась надежда на победу — поначалу дела шли хорошо. Дэвидсон сковал превосходящие силы земного флота, нанося по ним чувствительные удары; Мэтрикс быстро овладел бывшей Канадой и двигался двумя группами — на юг, к элитным районам Виктори-сити, и на север — к огромной полярной электростанции. Захват последней *мог* бы привести к победе.

Но на пути старого вояки встали войска Во-

сточной Федерации, сражавшиеся с упорством демонов. Атака Мэтрикса захлебнулась, ему пришлось перебрасывать войска с юга на север, чтобы остановить контрнаступление землян. Алеку тоже пришлось несладко — флот Земли перенял его тактику, и большое сражение, растянувшись на миллионы километров, превратилось в серию стычек, из которых земляне выходили уже победителями — за счет технического и численного преимущества…

— Макдермит положил моих людей, но наши земные группировки загнали его в ловушку вместе с мисс Вуич, — продолжил Тед. — Он дрался, как дьявол из марсианской преисподней, но мы бы взяли его — я дал приказ не считаться с потерями. К сожалению, на помощь Макдермиту пришла его Спецкоманда…

«…как на Энчантресе, — подумал Фишер. — Там тоже старого волка удалось загнать в ловушку, но его волчата подоспели вовремя, и уцелевшим мортусам пришлось бежать».

— Сколько твоих людей уцелело? — спросил Фишер.

— Нисколько, — ответил Тед абсолютно спокойно. — И, повторяю, моих людей там было немного, основная масса — из местных, кушнировских.

— Не надо было доверять это местным, — заметил Фишер.

— Решения пришлось принимать быстро, — пожал плечами Дэвидсон, — использовал то, что было в наличии.

— Короче, вы их упустили, — резюмировал Фишер.

— Нет, — опроверг его вывод Тед. — Из Ремансу они рванули в Перл-Харбор, что логично. Я поднял свою агентуру на Гавайях, но напрасно: Спецкоманда Джейсона действительно высадилась в Перл-Харборе, но без капитана и репортерши. А те отправились дальше.

— Куда? — удивился Фишер. — В Восточную Федерацию?

— В Японию, — ответил Тед. — Но самое интересное то, что на днях в Японию отправился «призрак» Кушнира.

— Совпадение? — Фишер задумчиво потер подбородок. На Кушнира работали какие-то японцы. Но что может быть интересного в Японии?

— А Уорвик снаряжает «Зверя из бездны», — продолжил Тед, — и я не удивлюсь, если он тоже на Землю намылился.

— «Зверь» — это же не «призрак», — ответил Фишер. — Это линейный крейсер, такой же, как

твой «Агасфер».

— Только круче, — подтвердил Тед. — Понятия не имею, что у Уорвика на уме. Добавлю, что заправили «Зверя» под завязочку, с таким запасом топлива он может до пояса Койпера долететь и назад вернуться. Я отправил последить за ним «Уилсона Кампа» — супер-«призрака» нового поколения, и на всякий случай заправляю «Агасфера II».

Последних слов Гарри почти не расслышал. Внезапно, как будто чья-то чужая воля властно овладела им, внушая, что говорить, он спросил:

— Сколько у тебя «призраков» на орбите Земли?

— На орбите ноль, — ответил Тед. — Их там силы планетарной обороны вычислят на раз-два. У меня есть пара в атмосфере, на юге Тихого океана.

— Отлично, — обрадовался Фишер. — Ты знаешь, где находится остров Норфолк?

— Понятия не имею, — признался Тед. — Но найти его не составит труда.

— Переведи своих «призраков» поближе к нему, — приказал Фишер, не понимая, зачем он это делает. — И высади на остров Спецкоманду на всякий случай. Пусть ждут.

— Чего? — не понял Тед.

— Гостей, — пояснил Фишер. — Японию не разрабатывайте, *что-то мне подсказывает*, что это промежуточная остановка. Отправляйся на «Агасфер» и будь готов упасть «Зверю» на хвост. Но в конфликт не вступай. Все понятно?

— Так точно, — ответил Тед, приложив два пальца ко лбу в древнем приветствии — точь-в-точь как это делал Алек.

— Отлично, — кивнул Фишер. — Иди и действуй.

* * *

Гарри Фишер никогда не жалел ни об одном своем решении. Если бы ему дали возможность как-то «переиграть» свою жизнь, он все сделал бы точно так же. Так же вытащил бы Ройзельмана из китайской тюрьмы и дал бы ему лабораторию для экспериментов, точно так же нанял бы Бориса для разработки Януса… просто был бы внимательнее к поступкам тех, кто на него работал.

Гарри Фишер никогда не жалел ни о чем. Да, его вышвырнули на Марс, как мусор, но здесь он, как и мечтал, стал богом. Лучше быть богом пустынного, бесплодного Марса, чем рабом на богатой Земле. Он здесь власть. Конечно, есть те,

кто точит на него зубы, но даже Земной Сфере он не по силам. Будь у него больше времени…

Больше времени для его любимой игры. Углубить противоречия между Западом и Востоком, разжечь несколько конфликтов, натравить врагов друг на друга… Но времени нет.

Он встал из-за стола и вошел в круг, начертанный на полу. Моментально рядом с ним возник его голографический двойник — его отражение. Фишер чуть наклонился, и двойник проделал то же самое; их лица сблизились.

Старость еще не заметна. Тридцать три года — возраст полного физического расцвета. Это просто мечта — опыт столетий в теле юноши. Вот только на висках предательски проглядывает седина да в уголках глаз залегли едва заметные морщины.

— Почему я сегодня так хорошо себя чувствую? — спросил Фишер, ни к кому не обращаясь, и подмигнул отражению. Отражение подмигнуло ему в ответ. Так и должно было быть, но на миг Фишеру показалось, что что-то не так. Что за черт?

— Хокма! — позвал он. — Организуй еще один тест крови.

— Вы полагаете, что ваша проба изменилась

за двести пять земных минут? — ответил такой знакомый голос — голос Джинны. Когда-то он наделил этим голосом Хокму — могущественный искусственный интеллект, помогавший ему в планировании. Хокма развивалась; сейчас она была отрезана от глобальной Сети человечества и довольствовалась ее кастрированной марсианской версией, но Фишер заметил, что в поведении Хокмы стало больше… человеческого, что ли?

— Я имею в виду — возьми новую пробу, — пояснил Фишер. Тут же одна из стенных панелей сдвинулась, пропустив в кабинет летающий медицинский дрон, похожий на жирную черную муху. Дрон был биомеханическим, и его основа действительно была позаимствована у домашней дрозофилы, снабженной, однако, комариным жалом.

— И каково основание? — спросила Хокма, пока Гарри, закатав рукав, дал полумухе-полукомару присосаться к его вене.

— Необычное самочувствие, — ответил Гарри, глядя, как прозрачное пузико дрона краснеет от его крови.

— Могу предположить, что это связано с аномальной для вас активностью эпифиза, случившейся во время разговора с Теодором Дэ-

видсоном, — сказала Хохма. — Я зафиксировала необычно высокое электростатическое напряжение в этой области.

— У меня же нет имплантатов в мозгу, — недоуменно сказал Фишер, провожая взглядом уносящего его кровь синтетического комара.

— Мозг сам по себе имеет электрическую активность, — пояснила Хохма, — но ничтожно малую. Потому я и говорю об аномалии.

— В какой момент это произошло? — уточнил Фишер.

— В момент отдачи вами приказа на организацию засады в районе Норфолка, — сообщила Хокма.

Фишер задумчиво потер подбородок пальцами.

— Кстати, я совсем не понимаю, почему я это сделал, — признался он.

— Я могу сообщить гроссадмиралу, что вы приказали отменить операцию, — предложила Хокма. Фишер отмахнулся, задев собственную голограмму; по двойнику Гарри пробежала неприятная судорога.

— Нет уж. Как говорил один наместник Рима в Иудее, что я написал, то и будет написано. Лучше найди мне всю информацию по этим двоим…

Джейсону Макдермиту и Слободанке Вуич.

Он вновь потер подбородок пальцами. Тем временем вместо его отражения возник голографический Джейсон — у голограммы оба глаза и обе руки были настоящими, а не имплантированными, хотя глаза различались по цвету: один карий, другой, кажется, зеленый. Одет капитан был в белую парадную форму. На груди золотился иконостас наград.

— Макдермит… я где-то слышал эту фамилию, клянусь всей наличной на Марсе водой! — задумчиво сказал Фишер. — В смысле, еще до того, как он меня по-хамски разбудил среди ночи.

— Его прапрадед был первым Президентом Западной Конфедерации, — немедленно отозвалась Хокма. — Вы могли его знать. А дед Джейсона, Фред Макдермит, организовал «Дальние рубежи».

Фишер чертыхнулся: «Дальние рубежи», мегакорпорация добычи полезных ископаемых в космосе, быстро построила свои станции на спутниках Юпитера, а потом — не успел Марс оглянуться — подмяла под себя почти весь пояс астероидов. Из-за алчности «Дальних рубежей» и началась самая первая война между Землей и Марсом… По крайней мере, Фишер в это *верил.*

На деле же он помнил, он прекрасно помнил этого Фреда Макдермита. Упитанный самодовольный мерзавец предложил Марсу стать младшим партнером в разработке пояса астероидов, взамен хотел всего ничего — базу корпорации в Амазонии, одной из полярных областей Марса. У Фишера от его наглости, помнится, в зобу дыханье сперло, хотя…

По сути, парень был прав. Марс с его бедными ресурсами и малочисленным населением ни на что другое тогда не мог претендовать. Да и сейчас не может; правда, уже и не предлагают. Приходится довольствоваться объедками…

— Я думал, в Планетарных Силах безопасности Земли служат одни маргиналы, — зло сказал Гарри.

— Как правило, да, — ответила Хокма. — Воспитанники «Добрых рук». Потому что боец ПСБ нуждается в очень серьезной аугментике. Вот только Джейсон обходится вообще без имплантатов… точнее, обходился до недавнего времени.

— И при этом отправил в преисподнюю половину мортусов? — удивился Фишер. — Без имплантатов, без интегрированного прицела? Не верю.

— Вера — критерий относительный, — замети-

ла Хокма. — А я передаю вам только факты.

— Есть что-то, что может объяснить эти факты? — спросил Джейсон.

— Я продолжаю анализировать информацию, — ответила Хокма. — Но пока у меня недостаточно данных. Возможно, вас заинтересует то, что мать Джейсона Макдермита родом из Восточной Европы, точнее, из того же города, что и вы с Ройзельманом.

— Интересно, — согласился Гарри. — А как ее фамилия?

— Духович, — ответила Хокма. — Анна Духович. Интересно то, что информация о ней практически отсутствует, будто кто-то ее специально уничтожил. Но сам факт того, что она из этого города, наводит на определенные размышления.

— В Год кометы ей сколько было? — уточнил Фишер.

— Она родилась через несколько месяцев после ареста Ройзельмана, — ответила Хокма. — Дитя R?

— Возможно, — задумчиво сказал Фишер. — Это могло бы объяснить многое: дети R были задуманы… необычными. Ройзельман определенно что-то в них вложил. Жаль, что их всех перебили.

— Всех не могли, — ответила Хокма. — Я изучала это дело. Ройзельману, пока он находился в тюрьме, как-то удалось снести свои клиентские базы, и в распоряжении правосудия оказались лишь их разрозненные куски. Так что, возможно, кто-то проскользнул незамеченным.

— Хорошо, — сказал Фишер, — продолжай рыть. А что с репортершей?

Могучая фигура Джейсона моментально уступила место стройной Слободанке. «Где я мог ее видеть?» — спросил у себя Гарри и понял — нигде. Девушка была ему совершенно незнакома, но все-таки где он видел эти глаза, это выражение лица — слегка ироничное, немного насмешливое, этот маленький, но хорошо очерченный подбородок?

— И тут для вас снова сюрприз, — сообщила Хокма. — Род Вуичей — один из старейших родов Горней Подгорицы, которая…

— Я хорошо знаю, что такое Горня Подгорица, — улыбнулся Фишер. — Там стояла синагога моего отца.

«И дом Ройзельмана», — добавил он про себя.

— Прапрадед Слободанки, Иван Вуич, женился на ее прапрабабке, которую звали Делия Каждан. Делия была приезжей, судя по всему, из Западной Конфедерации — кажется, ее семья бежала

от эпидемии Януса. Сын Ивана и Делии, Горазд, служил в ВКС, затем стал послом Восточной Федерации в Западной Конфедерации, женился и осел в Пьерфоне, который на реке Сент-Лорен. Его дети уже имели двойное гражданство, они получили хорошее образование и сумели стать частью элиты Конфедерации.

— Как-то странно это звучит, — сказал Гарри.

— Но у этого есть логическое обоснование, — ответила Хокма, — поскольку крестный отец Слободанки и большой друг ее семьи — сам Рой Уоллес IV.

— Вот это поворот, — согласился Гарри. — Вряд ли Уоллес возьмет в крестники кого-то со стороны. Значит, внук Теда знал предков Слободанки — интересно, откуда?

— Внук Теда? — переспросила Хокма.

— Сенатор Рой Уоллес IV — родной внук нашего бывшего кригскомиссара Теда Орлоффа, — пояснил Фишер. — Вот что, Хокма, передай *нашему* Теду, что эту парочку надо взять живыми. В любом случае! Потому что диск — это круто, но еще интереснее то, что свело их друг с другом. Не верю я в такие случайности.

— Да, кстати, — сказала Хокма, — тут пришел результат вашего анализа крови. Хотите посмот-

реть или…

— Или, — ответил Фишер. — Ты знаешь, что меня интересует.

— Вы правы, сэр, — ответила Хокма, и Фишер мог поклясться, что ее голос был… озадаченным: — Титр Януса скакнул более чем в полтора раза, а если точнее…

— В одну целую шестьсот восемнадцать тысячных раза примерно, если округлять до тысячных, — улыбнулся Фишер. — Я знал, что так и будет.

Он действительно ожидал этого — но не знал, почему так произошло. Это было не впервые. Как будто невидимый крупье подбрасывал ему бонусы за правильное поведение. Что ж… теперь у него будет шесть с лишним лет до того момента, как титр Януса упадет настолько, что больше не сможет поддерживать его божественность.

Глава 9
Принцесса, заставляющая вещи говорить

Вкаждом взрослом живет ребенок, и эта истина непреложна в любом, даже самом суровом времени и месте. Дверь в детство Слободанки одним махом закрылась в день гибели ее родителей, но все равно — где-то глубоко внутри нее жил тот жизнерадостный ребенок, каким она когда-то была. И этот ребенок проснулся, стоило Слободанке в компании невозмутимого Джейсона попасть в технопарк «Фукусима».

Давным-давно здесь стояла атомная электростанция. Однажды произошла беда — грозное землетрясение, одно из тех, что во все времена были бичом Японии, повредив станцию, вызвало атомную катастрофу, величайшую в истории человечества. Потом было много чего: ужасная эпидемия, едва не погубившая японскую нацию, возрождение с помощью новых друзей — России и Китая, вскоре превратившихся в Восточную Федерацию. Новый гигант решил проверить свою мирную мощь, и лежавшая в руинах станция

была полностью дезактивирована, очищена от радиоактивных изотопов и стала по-настоящему безопасным местом, настолько безопасным, что теперь это место посещали даже дети.

Станцию решили не восстанавливать, а превратить в музей технологий и парк развлечений. Теперь все пространство вокруг нее было занято роботами — от примитивных механических автоматов до современных, которых, впрочем, не так часто увидишь, поскольку работают они там, где человек почти не появляется, или там, где появляться человеку просто небезопасно.

Сразу по прилете, еще до посадки в туристический шаттл, туристам выдали наушники, и Слободанка понимала почему — несмотря на то что до технопарка было несколько миль, гул работающих машин доносился даже до аэропорта. Приветливая випочка-андроид проводила их на борт антигравного шаттла, и они отправились на экскурсию.

Парк представлял собой довольно обширную территорию и был настоящим царством роботов. При этом все они, даже самые старые, не стояли просто так, как экспонаты, а работали. В роботизированных цехах производили самые разные предметы, от продуктов питания до сложней-

шего оборудования, и кое-что тут же продавали на гигантской робоярмарке как сувениры. На открытых пространствах роботы строили здания, корабли, атмосферные и космические аппараты. В огромном бассейне трудились подводные и надводные роботы, в центре этого бассейна даже был построен небольшой купольный поселок, который постоянно достраивали роботы. В другом колоссальных размеров павильоне в условиях искусственной невесомости демонстрировались спутники, орбитальные станции и даже громадный харвестер — корабль, очищающий космос от мусора, оставленного человечеством в процессе освоения космического пространства.

На отделенном силовой стеной полигоне шел бой — здесь сражались между собой роботы-солдаты Сил Планетарной обороны. Совсем рядом был «квартал стихийных бедствий», где роботы тушили пожары и спасали попавших в беду андроидов. Но больше всего Слободанке понравились «квартал развлечений» и парк рядом с ним. Здесь были собраны те роботы, которых создали не для работы, а для радости. В воздухе разворачивались прекрасные голографические картины, а на улицах квартала шел бесконечный карнавал роботов-аниматоров, танцующих, пою-

щих, демонстрирующих фокусы и иллюзии.

Здесь можно было подкрепиться приготовленными роботами фастфудом и сладостями, и Джейсон со Слободанкой воспользовались этим, поскольку Слободанка с утра ничего не ела, а между тем в ее родном квартале время приближалось к полуночи. Симпатичный робостюард приготовил для них индивидуальное меню, пришедшееся Слободанке по вкусу, — вероятно, компоненты робот подбирал, замерив какие-то параметры организма гостей. Джейсон тем временем проглотил увесистый сэндвич (похожий на те, что можно увидеть в исторических фильмах) и выпил кружку крепчайшего кофе. Запах этого кофе Слободанка почувствовала, хотя сидела напротив Джейсона и их разделял столик. Возможно, кофе как раз был натуральным. Наверно, стоил он баснословно дорого, как и все натуральное. Но, по-видимому, Джейсона Макдермита это мало беспокоило.

Они говорили мало, буквально перебрасывались односложными фразами, но Слободанку почему-то это не беспокоило, хотя в обществе было принято общаться с тем, с кем проводишь время. Но молчание Джейсона казалось очень органичным, и Слободанка, поймав волну, не

прерывала его ненужным «светским» трепом. Перекусив, они пошли дальше, к станции; по дороге Слободанка купила у маленького белого робота-разносчика большой круглый леденец, оказавшийся очень вкусным. Она облизывала его, когда они оказались в настоящем парке, наполненном множеством зверушек. Любопытные зверьки забирались на туристов, цепляясь за одежду, садились на их плечи. Кто-то из посетителей пугался, но не Слободанка, ее все происходящее, наоборот, веселило:

— Они совсем не боятся людей!

— Неудивительно, — ответил Джейсон, — это все роботы.

Действительно, среди довольно натуральных зверушек встречались и такие, которые были похожи на механические игрушки, и даже совсем примитивные, но милые. Слободанка порой наклонялась, чтобы погладить какую-то плюшевую собачку, пересекавшую дорожку. Это, кажется, раздражало сопровождавшего ее Снуппи — всякий раз он подлетал ближе и зависал над хозяйкой, словно страхуя от неведомой опасности.

У самой станции Слободанка обнаружила еще одну забавную зверушку. По внешнему виду эту собаку практически невозможно было отличить

от настоящей — настораживала только пара крохотных полупрозрачных антенн у основания ушек, украшенных бахромой длинной шерсти, да комбинезончик с какими-то непонятными электронными приблудами. Слободанка протянула песику ладонь, и тот ее обнюхал, как это делают обычные собаки, увы, ставшие редкостью в последнее время. Впрочем, в Пьерфоне у многих были собаки, кошки, попугаи, хомяки — это было признаком статусности. К счастью, никто не мешал Слободанке дружить с чужими питомцами, но вот своего ей так и не завели: родители вполне могли позволить себе хоть лошадь, но по каким-то причинам избегали привязываться к домашним питомцам.

— Так-так, — сказала собака (Слободанку это вовсе не удивило, поскольку многие роботы-игрушки умели разговаривать), — кажется, вы та, кого я жду.

— Ты мне тоже нравишься, — улыбнулась Слободанка, протягивая руку, чтобы почесать собачке лобастую головку с умилительно-коротким носиком, но та отклонилась в сторону, не позволяя Слободанке коснуться себя.

— А вас разве не учили, что нельзя гладить чужих собак? — спросил песик. Джейсон фыркнул

— похоже, происходящее его насмешило. — И прошу вас относиться ко мне с уважением, поскольку я — представитель древнего и славного рода японских хинов, и моя родословная не прерывалась со времен сегуната Асикага, если не раньше.

— Так ты живой! — удивилась Слободанка. — А как ты разговариваешь?

— Очень просто, с помощью слов, которые я произношу, открывая рот и напрягая речевой аппарат, — ответил пес. — Занятие довольно сложное, но телепатически общаться я умею только с Сэнумой-сама.

— Это компаньон Сэнумы, — тихо сказал Джейсон. Впрочем, пес расслышал его слова.

— Я попросил бы вас называть мою госпожу Сэнума-доно, — сказал он. — Это и почтительно, и официально, к тому же она является четвероюродной сестрой правящего императора Ниппон и носит титул Рейва Гендзи, что соответствует принцессе крови. Если для вас незнаком этот термин…

— Знаком, — хором сказали Слободанка и Джейсон, при этом Слободанка удивленно покосилась на Макдермита — от него трудно было ожидать знания старинной истории.

— Мы будем звать вашу хозяйку в соответствии с протоколом, — серьезно пообещал Джейсон. — А как нам величать вас?

— Меня зовут Ёрикоби-сан, — ответил песик с самым серьезным видом. Выглядел он представительно, несмотря на жилеточку и излишнюю полноту. Особенно Слободанке понравился лежащий на спине хвост, похожий на султан старинного кавалерийского шлема. — Ваши имена мне известны. Макдермит-сан, Вуич-сан, моя госпожа просит вас почтить ее своим визитом и готова принять вас немедленно, поскольку ей известно, что ваше дело не терпит отлагательств.

— Разумная собака? — тихо спросила у Джейсона Слободанка, направляясь вслед за Ёрикоби, бодро потрусившим к перекрытому едва заметным силовым полем входу в станцию.

— А чему вы удивляетесь? — так же тихо ответил Джейсон. — Даже обычные собаки имеют интеллект четырехлетнего ребенка. Дальнейшее развитие его тормозится отсутствием речевого аппарата и неспособностью воспринимать себя центром вселенной, как это делают люди…

— Между прочим, говорить о присутствующем в третьем лице нетактично, — проворчал Ёрикоби, не оборачиваясь. — Особенно если он

это слышит. А ваш шепот я бы услышал даже за десять ри от вас. Но мне польстило то, как здраво Макдермит-сан оценивает человеческий интеллект. В остальном он тоже прав — мне искусственно развили речевую функцию и некоторые когнитивные способности. Вам наверняка известно, что собаки обладают чувствительностью к электромагнитным полям…

Слободанка не прислушивалась к речи Ёрикоби — она смотрела по сторонам. Они вошли в здание станции, и это здание было буквально заполнено различными вычислительными системами: от огромных, архаичных, опутанных паутиной шлейфов, которые приходилось переключать вручную (несколько андроидов демонстрировали этот процесс; похоже, все оборудование на станции работало, хотя некоторым образцам было уже лет триста), до столь же огромных, но на порядок порядков более мощных квантовых суперкомпьютеров. Среди всего этого сновали андроиды и роботы других систем, сновали не бесцельно, а занимаясь делом. Тысячи мониторов — от крохотных зеленых пластин до ультрасовременных голографических — показывали что-то то и дело меняющееся. Это место никак нельзя было назвать спокойным, оно скорее было захва-

тывающим.

— …и именно для этого мои вибриссы и аналитический аппарат, их обслуживающий, годятся лучше всего… Да вы вообще слушаете? Для кого я здесь распинаюсь-то?! — возмутился Ёрикоби. Слободанка почувствовала, что краснеет, и ей стало странно оттого, что ей стыдно перед маленькой собачкой!

— Конечно слушаем, Ёрикоби-сан, — сказал Джейсон удивительно мягко. — Если я правильно понял, ваше участие было решающим в ликвидации чумы Тёрстона-Уилкокса, охватившей все Западное побережье.

— Не просто решающим! — Ёрикоби, и без того толстый и важный, буквально надулся, как меховая версия рыбы фугу. — Именно я определил…

— В каком кармане пиджака у меня косточка? — Насмешливый голос был мелодичен, как звон «музыки ветра» — старинного восточного украшения, которое висело над дверью в доме родителей Слободанки. Баснословно дорогое, лишенное временем практического смысла, но красивое и мелодично позванивающее при прикосновении. Слободанка не сразу поняла, кто произнес эту фразу, заставившую Ёрикоби превратиться из шара гордого самоуважения

обратно в толстого милого пёсика. Потом она увидела человека, которого сперва приняла за подростка, а затем убедилась, что перед ней маленькая миловидная женщина, хрупкая, как фарфоровая статуэтка. — Ёрикоби-кун, ты опять за старое? Зачем ты смущаешь *моих* гостей? Стыдись!

— Я всего лишь попытался объяснить бака-гайдзинам правила общения с вами… — ответил Ёрикоби, вскинув голову.

Девушка прикрыла рот рукой.

— Ёрикоби-кун, до чего же ты плохо воспитан! Мне стыдно, что твое неразумное поведение могло смутить наших гостей.

Хвост бедного Ёрикоби тут же опустился к полу, равно как и голова. А девушка продолжила:

— Простите, дорогие гости, что не уделила вам должного внимания. Этот негодный Ёрикоби расстроил меня. Я, как вы уже догадались, Сэнума Юми. Можно просто Сэнума. И, прошу вас, не надо никаких сама, даймё, сенсей или доно — просто Сэнума.

— Но вы ведь действительно Рейва Гендзи! — пискнул Ёрикоби. — Вы потомок Аматерасу…

— Как и много тысяч других японцев, — осадила его Сэнума. — К тому же эти люди обратились

ко мне не как к представителю Императорского дома, а как к *другу*. Их — и хорошо известной тебе Медеи-кун.

— Они друзья Медеи? — воспрянул духом Ёрикоби. — Тогда нижайше прошу простить мою глупость. Это я веду себя как бака, а не вы, и мне стыдно. Прошу называть меня Ёрикоби-кун, и никак иначе.

— Договорились, — улыбнулся Джейсон, а потом обратился к Сэнуме: — И вы нас простите. Мы очень рады знакомству с близким другом Медеи и таким выдающимся ученым, как вы.

Сэнума вновь коснулась ладошкой губ.

— Боюсь, Ёрикоби переоценил мой вклад в науку и сильно переоценил свой, хотя, справедливости ради, он действительно выявил последовательность возникновения припадков и смог вычислить на основе этого частоту управляющего сигнала. Лавры Ройзельмана кому-то до сих пор спать спокойно не дают…

— Марсиане? — предположил Джейсон. Сэнума чуть склонила голову набок.

— Возможно, хотя прямой связи и нет. Ах, простите, теперь я, как Ёрикоби, заставляю вас выслушивать то, что, возможно, вам и неинтересно. Перелет вас не утомил? Желаете отдохнуть?

— Нет, — почти в унисон ответили Джейсон со Слободанкой.

— Возможно, вы голодны? — спросила Сэнума. — Я могу послать за едой в один из сотни местных ресторанов.

— Мы перекусили на ходу, — ответил Джейсон. — Сэнума, простите за прямоту, но я вижу, что вам самой не терпится увидеть то, что стало причиной нашего визита.

— Конечно, — улыбнулась Сэнума, — вы знаете, я, как говорили некогда, фанатик своего дела, и мне действительно не терпится увидеть ваш диск. Вы говорите, он старинный?

Прежде чем Джейсон ответил, Слободанка вытащила диск из кармана комбинезона, попутно продлив скин костюма еще на сутки — на всякий случай, и протянула тяжелую коробку из стали Сэнуме. Та взяла ее практически с благоговением.

— Действительно, старая вещь. Стандарт ATA-3, редкий представитель IDE-совместимых устройств раннего выпуска. Но компактный и легкий, несмотря на большой объем — по тем временам, конечно. Ему четверть тысячелетия, не меньше. Он рабочий?

— Нам негде было это проверить, — ответил

Джейсон.

Сэнума кивнула:

— Ах да, разумеется. К счастью, у меня есть подходящее оборудование. Более того, если поврежден механизм, я смогу напечатать на принтере его целиком или по частям; если же даже поврежден сам носитель информации — мы все равно сможем сделать его голографическую модель. Ну что же, идемте, посмотрим.

* * *

Опасения Сэнумы оказались напрасными: несмотря на солидный возраст, диск оказался вполне рабочим. Но задачу это упростило ненамного.

— Запись диска произведена не позднее шестидесятого года двадцать первого века, — комментировала Сэнума, глядя на голограмму, висящую перед ней. — Диск был записан один раз, и больше на нем информация не менялась. Но это не самое интересное. Посмотрите внимательно на голограмму. На что это похоже?

— На Сатурн, — ответил Джейсон. — Зеленое ядро, фиолетовые кольца, серые облака вокруг планеты, спутники…

— Зеленое ядро — это сама программа, — ска-

зала Сэнума. — Написана она на очень древнем языке, IPL3. Это был первый язык для искусственного интеллекта, хотя придумали его за полвека до появления самых простых ИИ. Программа связана с тем, что вы назвали «кольцами» и «спутниками» — это секьюрити-программы, они защищают ядро от проникновения…

— И могут стереть его, если такая попытка будет, — добавил Ёрикоби, сидевший на столе рядом с подключенным диском. Время от времени он наклонял лобастую голову, словно обнюхивая диск. — Причем все это кастомные программы, тесно связанные с ядром. Они как бы являются его частью, но одновременно существуют самостоятельно. К тому же вся секьюрити-группа постоянно обменивается информацией между собой, даже при отключенном питании. Интересная технология…

— Так что, считать информацию с диска невозможно? — нетерпеливо спросил Джейсон. Слободанка в разговор не вмешивалась.

— Невозможно только то, что невозможно, — сказала Сэнума, улыбаясь. — Считать информацию можно даже с камня. Есть несколько путей. Самый простой и очевидный — наблюдать за жизнью программы, собирая информацию об

обмене между ядром и секьюрити-группой. Рано или поздно это выведет нас на ключ. Правда, на это нужны месяцы или даже годы, учитывая сложность системы.

— У нас нет в распоряжении столько времени, — начал было Джейсон, но Сэнума его перебила:

— Наоборот, времени у нас предостаточно. Вы же знаете, как была опровергнута господствовавшая веками теория геологической эволюции Земли?

Джейсон отрицательно покачал головой, а Слободанка кивнула: однажды она сделала об этом репортаж, точнее — репортаж о конференции на эту тему.

— С помощью компьютера мы можем как замедлить время, так и ускорить его, — пояснила Сэнума. — Не в реальности, конечно, а только для модели, построенной в той же виртуальной реальности. Я не могу «вытащить» эту программу с диска, но я могу построить вокруг нее сетевое окружение и уже в нем играть с временными параметрами. Собственно, мы с Ёрикоби именно этим и занимаемся.

— …хотя наши гости думают, что толстый Ёрикоби сидит и бездельничает, — съязвил пёс.

— Ничего мы так не думаем, — поспешила заверить его Слободанка. — Правда, Джейсон?

— Я вообще поражен вашим уровнем развития интеллекта, — сказал Джейсон. — Право слово, вы вполне можете заменить большинство офицеров Сил Планетарной обороны, и от этого последняя сильно выиграет.

— Вообще-то я по убеждениям пацифист, — проворчал Ёрикоби, но ворчание его было довольным.

— Правда, придется поработать, — заметила Сэнума. — Боюсь, поработать придется всю ночь. Вам стоит найти себе место в гостинице парка, если там есть свободные места. У нас сейчас ажиотаж — у школьников Федерации каникулы, ежедневно нас посещают тысячи туристов.

— Не забывай, — заметил Ёрикоби, — что тысяча туристов — это сотня мегаватт в день. Так что на твоем месте я бы на них не сердился.

— А я и не сержусь, — ответила Сэнума. — Просто описываю нашим друзьям ситуацию. В принципе, на самой станции есть несколько комнат для отдыха, и я могла бы выделить одну из них для вас, чтобы вы могли отдохнуть.

— Мы были бы благодарны, — сказал Джейсон. — Мне отдых не особо нужен, а вот Слободан-

ке не мешает отдохнуть, она уже больше суток на ногах.

— Как будто это проблема! — возмутилась Слободанка. — Я могу поставить себе активатор и хоть неделю бегать вовсе без сна.

— И эта неделя закончится для вас реанимацией, — охладил ее Джейсон. — Вы, конечно, поставили себе лучший имплантат под активаторы, но это не означает, что ваш организм воспримет эту встряску…

— Мне показалось или был подземный толчок? — спросил Ёрикоби. — Сэнума?

— Я ничего не заметила, — сказала Сэнума, которая, оторвавшись от работы, следила за перепалкой Джейсона и Слободанки. — И с каких это пор тебя беспокоят землетрясения?

— С тех пор, как они происходят внезапно, — ответил Ёрикоби. — Конечно, у нас тут по пятнадцать — двадцать мелких толчков ежедневно, но всякий раз я их чувствую заранее — по напряжению геомагнитного поля. А тут — внезапно. Мне это не нр-р-равится.

— К вашему сведению, — продолжала Слободанка, не обращая внимания на Сэнуму и ее напарника, — во время Сражения в тумане я не спала шестнадцать дней!

— Это не тогда, когда потом вы полгода в интенсивной терапии провели? — спросил Джейсон, не повышая тона.

Слободанка взъерепенилась:

— Вам-то откуда это знать?!

— Просто предположил, — пожал плечами Джейсон, а потом, строго глянув на Слободанку, добавил изменившимся голосом: — А теперь послушайте меня, юная леди. Вас втянули в опасную игру, в которой замешан чертов Марс. Вспомните наш бой в человейнике Ремансу и скажите: вы могли выйти оттуда живой без моей помощи?

Слободанке хотелось что-то возразить, но возразить было нечего. Вряд ли она бы вышла живой даже из той забегаловки, в которой они с Джейсоном встретились впервые. Но это же не повод…

— Так вот, сейчас рядом нет никаких бандитов, — продолжил Джейсон, — но не думайте, что опасность миновала. Рано или поздно они нападут вновь. Единственная надежда на то, что мы сможем завладеть нужной информацией раньше их. Тогда, *возможно*, вы станете для них неинтересной. А до тех пор вас защищаю я. Если надо, я закрою вас своим телом, но не думайте, что я только и мечтаю, что сдохнуть. Не усложняйте мне задачу, пожалуйста. Неизвестно, сколько

нам придется не спать *потом*, поэтому, если у вас есть возможность отдыхать сейчас, отдыхайте.

— А вы? — спросила Слободанка. — А вам не нужен отдых?

— В отличие от вас, я умею спать стоя, — заметил Джейсон.

— В наших комнатах отдыха бокс для сна изолирован, — сказала Сэнума. — А в самой комнатке есть дополнительное выдвижное ложе. Мы в Японии привыкли располагаться компактно. Не вижу причин, по которым вы не могли бы отдохнуть оба, даже если вы не делите одну кровать. Когда мы с Ёрикоби закончим, он придет за вами. Вам уже выделили комнату недалеко отсюда, и я вызвала аудиогида, чтобы он вас проводил. Если проголодаетесь, можете заказать еду прямо в номер — половина наших ресторанов работает круглые сутки.

* * *

Только оказавшись в комнате отдыха, Слободанка поняла, как же она устала. Она даже не задала программу для своих имплантатов на ночь, но, слава богу, это было и необязательно — в таких случаях ее интегрированный компьютерный сателлит назначал эту программу по

результатам анализа ее физического состояния и истории предыдущих загрузок. Так что Слободанка, даже не сняв комбинезона, а просто поменяв в нем скин на более уютный, забралась в спальный бокс комнаты отдыха и заснула.

Как ни странно, ей приснился сон, хотя, по идее, после такого насыщенного событиями, долгого дня компьютерный сателлит должен был бы снизить активность ее мозга до минимума, чтобы тот хорошенько отдохнул. Наверно, бывают такие сны, которые невозможно заблокировать никакими имплантатами — не зря же древние придавали снам особое, почти мистическое значение.

Ей снился океан — безбрежный, безмятежный, гладкий, как стекло. Океан проносился под крыльями летательного аппарата, на борту которого она находилась. Это был земной океан, такой же? как Атлантика или Тихий океан, — и все-таки незнакомый, хотя она и не могла понять, в чем же его отличие.

— Любуешься? — То, что во сне рядом с ней оказался Джейсон, ничуть не удивило Слободанку. Удивило ее странное чувство, которое возникло от звука его голоса. Она не могла описать это чувство, но оно будило в ней воспоминания о

рождественских утрах, когда родители еще были живы и когда, просыпаясь, она знала, что под елкой, стоящей в каминном зале их особняка, обязательно найдется какой-то приятный подарок.

— К сожалению, эта планета еще пуста и безвидна, — продолжил Джейсон, — как наша на первый день Творения. Она моложе Эссы примерно в два раза, и то, что у нас давно завершилось, здесь еще продолжается.

Словно в подтверждение его слов внизу показалась какая-то огромная туша. Слободанка решила, что это кит, но потом «кит» поднял над гребнями волн огромную шею с крохотной змеиной головой, и Слободанка в ужасе отпрянула от стекла.

— Не бойся, он нам не опасен, — ласково сказал Джейсон. — Мы еще опустим температуру планеты градуса на два-три, не более — нам придется для этого испарить около процента всей воды океана, но Око справится с этим. Когда температура упадет, эти твари вымрут, как это случилось с их земными собратьями, когда мы, поменяв орбиту планеты, растопили ее полярные шапки.

— И все это сделал ты! — с восхищением сказала Слободанка, глядя на Джейсона. Только сейчас она поняла, что оба глаза Макдермита из сна

были настоящими, но разного цвета — тот, что был на месте имплантата, был серым. Обе руки Джейсона тоже были биологическими, а не искусственными, как у его прототипа из реальности.

— Справедливости ради, если бы не твой дедушка, ничего бы у меня не вышло, — грустно сказал Джейсон. — Да и Око, в общем-то, не для этого предназначена, ты же знаешь.

— Зато Советники по достоинству оценили твое начинание, — улыбнулась Слободанка. — И мы с дедушкой потихоньку перетягиваем их на свою сторону. Только самые упертые остаются в оппозиции, но скоро они окажутся в меньшинстве.

— Лишь бы только Скиталица не вернулась до этого, — сказал Джейсон. — Око еще не закончена, она пока не вышла на полную мощность.

— Ты так веришь снам? — спросила Слободанка, касаясь щекой бороды Джейсона.

— Это не просто сны, — ответил Джейсон. — Мы все трое видели одно и то же. Это сны Аввакума. И то, что Скиталица уже навещала нас, именно поэтому…

И тут аппарат, в котором они летели, сильно тряхнуло.

— Что это? — вскрикнула Слободанка, хватаясь за комбинезон Джейсона.

— Похоже, нас кто-то атакует! — ответил тот. — Но кто? Клянусь дыханием Эссы, кроме нас, здесь никого нет, разве что твари, плавающие в море.

Корабль тряхнуло еще раз.

— Может, эти твари до нас добрались? — предположила Слободанка.

— Как бы там ни было, — ответил Джейсон, — нам придется покинуть территорию станции.

— Что? — не поняла Слободанка, но тут последовал следующий толчок; Слободанка стукнулась обо что-то макушкой и проснулась.

Она попыталась вскочить, но силовые ремни не дали ей этого сделать, иначе она бы стукнулась головой о крышку спального бокса. Вспомнив, где находится, Слободанка дала боксу команду открыть крышку, при этом отстегнув ремни, чтобы сразу встать, но…

Ничего не произошло. Крышка бокса не открывалась. Слободанка попробовала открыть ее еще раз, еще…

Тщетно. Бокс не реагировал на ее команды. И тут раздался голос Сэнумы:

— Вниманию всех находящихся на территории технопарка! По сообщениям министерства охраны природы, только что произошло землетрясение магнитудой в восемь целых восемь

десятых балла. Его эпицентр находился в шестистах — шестистах пятидесяти километрах от Фукусимы, на небольшой глубине под уровнем океана. В настоящий момент опасность афтершоков отсутствует, но к нам движется цунами.

Прошу всех сохранять спокойствие. Министерство охраны природы уже выслало челноки для вашей эвакуации, причем в избыточном количестве. Терминалы прыжкового порта открыты; при приземлении первого же челнока начнется посадка.

Оснований для паники нет; мы следим за скоростью волны цунами, и, по нашим расчетам, посадка завершится задолго до ее прибытия. Все успеют эвакуироваться, если будут соблюдать спокойствие.

Объявление для персонала. Следуйте своей инструкции по сопровождению туристов и консервации станции. После окончания отметьте исполнение в личном облачном терминале и можете присоединяться к эвакуации.

Уважаемые коллеги и гости! Убедительно прошу вас не подвергать жизнь опасности, оставаясь на станции. За пять минут до завершения эвакуации территория станции будет обследована роботами охраны, и всех, кто будет прятаться,

доставят на эвакуацию насильно. Прошу вас, будьте благоразумны.

Глава 10
Воины волн

Сгромким неприятным треском крышка спального бокса распахнулась, и Слободанка увидела невозмутимое лицо Джейсона.

— Эту штуку заклинило, — сообщил он, оправдывая свое вторжение, — пришлось доломать. Ничего, Спецкоманда оплатит это Сэнуме. Идем скорее, времени мало. Заберем Сэнуму с диском — и сваливаем. Классная пижамка, — добавил он, окинув взглядом хрупкую фигурку Слободанки. Скин комбинезона имитировал белую плюшевую пижаму с котиками.

— П-почему это? — торопливо меняя скин на более подходящий и одновременно выбираясь из бокса, спросила Слободанка.

— Потому что через двадцать пять минут здесь будет цунами, — сообщил Джейсон, хватая Слободанку за руку. — Надеюсь, вы знаете, что это за зверь?

— Ну… это такая большая волна, — ответила Слободанка, обувая ботинки, на которых автоматически подгрузились скины элегантных

туфелек.

— Это не просто большая волна, — заметил Джейсон, — это мать-его-очень-большая волна. Землетрясение в девять баллов без афтершоков, частично гасящих волну, может поднять ее метров на сорок. Знаете, какая сила у такой волны? Вдвое меньшее цунами в середине двадцать первого превратило в руины Сан-Франциско и Лос-Анжелес, а мост Золотые Ворота дотащило до Сан-Хосе, где он и лежит до сих пор.

— Я знаю, — кивнула Слободанка, семеня вслед за Джейсоном, тащившим ее, как буксир, — я там была, видела.

— Эта картонная коробочка от такой волны может сложиться как карточный домик, — продолжил Джейсон. — Все бы ничего, но здесь в подвале — термоядерный реактор. Не тот, что рванул в прошлую катастрофу, другой, однако установленный всего на столетие позже.

Они бежали по коридору; навстречу им попадались люди, торопливо покидающие станцию. Иногда их обгоняли андроиды и роботы, затаскивающие внутрь какое-то оборудование. Слободанка удивлялась тому, как Джейсон легко ориентируется в лабиринтах этого строения: за несколько безумно долгих минут, петляя и свора-

чивая, он привел ее в ту комнату, где они вчера расстались с Сэнумой. Хозяйка технопарка была на месте и, кажется, сидела в той же позе, что и в момент их расставания, вперившись в висящий над столом «сатурн». А вот Ёрикоби крутился вокруг диска и рычал:

— Не нр-р-равится! Мне это не нр-р-равится!

— Что именно? — спросил Джейсон. — Что-то с диском?

— Пр-ри чем тут ваш диск? — огрызнулся Ёрикоби. — Это непр-равильно! Я должен был почувствовать! Я всегда чувствую землетр-рясения!

— Значит, не всегда, — не отрываясь от созерцания «сатурна», сказала Сэнума. — Мне осталось десять минут — и ключ наш. Я думаю, надо сбросить содержимое на независимый, несетевой носитель. А лучше продублировать — и в облако, и на носитель.

— Кхм, — кашлянул Джейсон. — Я думал, вы в курсе, но, похоже, нет. У нас тут небольшие проблемы… в виде землетрясения, которое заранее не почувствовал Ёрикоби, и цунами, способного превратить все вокруг в груду руин, похоронив при этом и нас, и нашу загадку.

— Если вам страшно, вы еще можете эвакуироваться, — флегматично заметила Сэнума. — Что

до меня, то я предпочитаю решить задачу. Ответ будет за несколько минут до волны. Я сброшу программу с аппаратом для ее запуска в облако вашей Спецкоманды, мне Медея дала адрес.

— А как же вы?! — спросил Джейсон. — Если что, я-то из этой передряги выберусь, а вот вам со Слободанкой пора делать ноги!

— Меня, значит, в расчет не берут, — проворчал Ёрикоби. — Мне, значит, спасаться не надо. Одной толстой собакой больше, одной меньше…

— Вас, дорогой Ёрикоби, я вытащить как-нибудь сумею, — ответил Джейсон, — но если у меня на плечах будут висеть ваша хозяйка и моя спутница…

— Что вы себе позволяете?! — возмутилась Слободанка. — С чего вы решили, что я…

— С того, — оборвал ее возмущение Джейсон. — Слободанка, я знаю, что вы воевали. Поверьте, я успел немного ознакомиться с вашей биографией за время перелета. Я не отрицаю вашу стойкость, не отрицаю ваш героизм, но навыков спасаться из многотонной волны, которая играет огромными глыбами как мячиками, у вас нет, и, боюсь, у Сэнумы-сан тоже. Ёрикоби я могу сунуть за пазуху, вас — нет.

— Весьма тронут, — подал голос Ёрикоби. — И

польщен. Всегда мечтал попасть за пазуху к бака-гайдзину…

— Ёрикоби! — оборвала его Сэнума, а потом, вздохнув, обратилась к Джейсону: — Под станцией есть тоннель для сброса воды, уходящий под слой скачка. Он достаточно широк. У меня в тоннеле стоит четырехместный батиплан.

— И вы молчали? — обрадовался Джейсон. — Это же в корне меняет дело. Значит…

Договорить ему не дали. Дверь, через которую Джейсон и Слободанка вошли несколько минут назад, вылетела внутрь; точно так же вылетела вторая дверь, ведущая в помещение. На пороге появились устрашающего вида фигуры. Джейсон, ни слова не говоря, засадил в одну из них разряд плазмы, а вот во вторую выстрелить не успел — его имплантированная рука вдруг повисла как плеть. Не обращая на это внимания, Джейсон выхватил откуда-то револьвер — не тот, что был уже известен Слободанке, а какой-то более архаичный.

— Они включили подавляющее поле! — прокричал он и что-то добавил, но его голос заглушил громкий звук. Одновременно яркая вспышка чуть не ослепила Слободанку; фильтры на глазах едва успели блокировать ее. — …медленно

прячьтесь!

Вторая фигура, в противоположном дверном проеме, тоже упала. Джейсон успел выстрелить еще семь раз и всякий раз попадал, но затем почему-то сунул пистолет в интегрированную в его комбинезон кобуру. На полу лежало восемь трупов, но в помещение вбегали все новые и новые воины, и в руках их блестело что-то подозрительно напоминающее оружие.

Несмотря на всю свою браваду, Слободанка схватила изготовившегося к броску Ёрикоби и шмыгнула под стол… где едва не столкнулась с Сэнумой.

— Копирование пошло, — довольным тоном заметила та. — Лью в два облака и на два мобильных носителя, свой и ваш.

— Что это? — Слободанка была сбита с толку. — Кто это? Кто эти люди?!

— Когда-нибудь я расскажу вам про синоби, — ответила Сэнума, — если мы останемся в живых.

Слободанка осторожно выглянула из-под стола — и в страхе забралась обратно. В кабинете Сэнумы творилось нечто невообразимое: одни странные воины с необычным оружием (такое называется «меч» или «сабля», вспомнила Слободанка) набрасывались на Джейсона, другие

что-то метали в него, а посреди всего этого, в клубах непонятно откуда взявшегося пахнущего серой дыма, кружился Джейсон. Его фигуру не так просто было разглядеть, но все-таки Слободанка заметила две вещи. Во-первых, его суперпротез по-прежнему безвольно висел, во-вторых, Джейсон сам сумел обзавестись мечом с квадратной гардой, вероятно, отняв его у кого-то из нападавших, и неплохо с ним управлялся, отбивая атаки противника и время от времени поражая то одного, то другого. Один из нападающих запрыгнул на стол, чтобы, должно быть, броситься на Джейсона сзади, но, когда он спрыгнул со стола, Ёрикоби, дотоле сидевший под мышкой Слободанки, пушистой молнией скакнул ему под ноги. Нападающий споткнулся и упал, точнее, сел на пятую точку, едва не придавив Ёрикоби, который, впрочем, успел ловко улизнуть. Сэнума, воспользовавшись этим, заехала неудачливому наемнику в висок тяжелым предметом, а точнее, тем самым диском, что ей дала Слободанка. Бандит свалился набок, а Сэнума, посмотрев на Слободанку, тихо сказала:

— Не волнуйтесь, я уже скопировала с него всю информацию.

— Да я не за это волнуюсь, — ответила Слобо-

данка. Тут она заметила на бедре оглушенного (или убитого) Сэнумой вояки коробочку-колчан с тонкой трубочкой и иглами. Сопоставив это с виденным раньше, Слободанка поняла, что перед ней какое-то оружие. Она успела вытащить одну из иголок, когда прямо перед столом откуда-то сверху спрыгнул еще один противник. Не задумываясь особо, Слободанка воткнула ему в ногу иголку — и была поражена реакцией: тот заорал, упал и принялся кататься по полу, сбивая с ног товарищей, которых немедленно добивал Джейсон.

Сэнума тем временем выдернула из того же колчана трубочку, зарядила ее еще одной иголкой и, приложив трубку к губам, легонько дунула. Очередной убийца рухнул на пол как подкошенный; раненный Слободанкой к тому времени затих.

— Что это такое? — спросила Слободанка Сэнуму.

— Фукибари, — ответила та, перезаряжая трубочку, — духовое ружье. Стрелы смазаны ядом рыбы фугу. Простите… — Она повторила свои манипуляции, и еще одним противником у Джейсона стало меньше.

— Какое варварское оружие, — заметила Слободанка, но тут перед столом появился еще один

враг. Он наклонился, и Слободанка увидела его лицо прямо перед своим. У мужчины были восточные черты, сильно обезображенные дешевой аугментикой. Нижняя челюсть, похоже, была металлической; щек почти не было, их место заменяли гофрированные полупрозрачные воздушные фильтры. Ниже глаз имплантировано два дополнительных механоглаза, весь лоб занят тактической татуировкой, сейчас, впрочем, как успела убедиться Слободанка, совершенно бесполезной. Татуировка была в виде двулапого дракона — на Западе такие назывались виверн-нами.

Опять-таки, машинально выхватив из колчана последнюю стрелку, Слободанка неожиданно ловким движением всадила ее в нос нападавшего по самое короткое оперение. Мужчина повалился на пол, а потом рядом с ним упал еще один труп, без головы. Кровь из шейного обрубка брызнула на Слободанку и Сэнуму.

— Кажется, все, — донесся до Слободанки голос Джейсона. — Эй, вы там живы? Выбирайтесь поскорее, волна вот-вот будет здесь, и с вами двумя спастись от нее будет непросто.

— А про Ёрикоби опять, значит, забыли, — заметил хин, вылезая из-под стола по трупам

нападавших. Забравшись на одно из тел, пес деловито отряхнулся, затем, задрав лапку, продемонстрировал поверженному врагу свое полное презрение.

— Ну что вы, Ёрикоби-кун, — поспешил его успокоить Джейсон, — я даже заметил, как ловко вы с уважаемой Сэнумой обезвредили опасность, угрожавшую мне с тыла. Вы все были на высоте, и вы, Слободанка, тоже. Потому мне очень не хочется, чтобы кто-то из вас утонул. Так что попрошу — быстрее.

Слободанка тем временем восстановила контакт со своей тактической татуировкой и огляделась. Татуировка позволяла ей «видеть сквозь стены» — в тех диапазонах, в которых не работает человеческий глаз. За стенами было чисто, но у входов на станцию находилось несколько групп людей, похожих на тех, что на них напали, и на самой станции рыскало еще несколько таких же групп.

— Я знаю, — сказал Джейсон, помогая им с Сэнумой выбраться. — На станции есть еще несколько групп, и они явно по нашу душу, так что поспешим. Ёрикоби-кун, вы не прочь проехаться за пазухой бака-гайдзина?

— Сочту за честь, — фыркнул Ёрикоби, всем

своим видом давая понять, что это издёвка, но Джейсон намеков не понимал — сунув возмущенную собаку под мышку, он обратился к Сэнуме: — Ну, Сэнума-сан, показывайте дорогу, а мы со Слободанкой вас прикроем.

Выходя из помещения, Сэнума и Слободанка, не сговариваясь, сняли с тел нападавших по колчану, и команда понеслась по коридору — к неприметному повороту, за которым был тупик с нишей. В нише была лестница, ведущая вниз. Сэнума начала спускаться первой, Джейсон со Слободанкой последовали за ней.

Вскоре они оказались ниже первого этажа станции, на подземных уровнях. Здесь были расположены склады, куда поспешно загружалась последняя техника и куда роботы переносили с верхних этажей экспонаты музея компьютеров. Здесь также располагались системы жизнеобеспечения, частью действующие, частью раритетные.

— Нам придется пройти мимо реактора, — предупредила Сэнума. — Не волнуйтесь, это совершенно безопасно, хотя и выглядит устрашающе.

— Что я, реакторов не видел, что ли? — проворчал Джейсон. Трофейное оружие (которое, со

слов Сэнумы, называлось «нинзя-то») он сунул за пояс и на ходу запихивал в барабан своего второго, громогласного оружия, работавшего даже в поле помех, какие-то странные желтые штуковины. — Хорошо, что я с собой кольт захватил, как чувствовал…

Они вошли в реакторный отсек — огромное круглое помещение, вдоль стен которого, внутри мощного магнитного поля, бежал поток плазмы. Над кольцом плазмы был перекинут хлипенький мостик, ведущий на площадку посреди зала. От гудения плазмы расслышать что-то было невозможно, потому Сэнума просто указала рукой на мостик и первая пошла по нему. Джейсон отправился за ней следом, а за ним последовала и Слободанка. Мостик угрожающе раскачивался от их шагов, и Слободанка, прищурив глаза, чтобы не видеть под ногами наполненное плазмой пространство, осторожно шла следом, держась за ненадежные перила мостика обеими руками. Она сконцентрировалась на том, чтобы не упасть, и не сразу поняла, что произошло. Мост зашатался сильнее. Джейсон, шедший перед нею, выругался:

— Вот дьяволы марсианские, ну только здесь их не хватало. Сэнума, заберите собаку, пожа-

луйста!

— Между прочим, у меня есть имя, — проворчал Ёрикоби, перекочёвывая из-под мышки капитана в руки Сэнумы. Отдав собаку, Джейсон сделал немыслимое: он оттолкнулся от моста обеими ногами и перемахнул через пригнувшуюся Сэнуму. В этот момент Слободанка увидела, из-за чего вся паника: впереди по мосту к ним гуськом приближались бойцы в уже знакомой экипировке.

«Почему они не используют свои дротики?» — подумала Слободанка. Три человека на хлипком мостике над плазменным кольцом представляли собой удобную мишень. Она достала трубочку, зарядила в нее стрелку…

— Бессмысленно, — сказала Сэнума, не оборачиваясь. — Здесь сильнейшее магнитное поле, любой предмет, не имеющий опоры, просто унесет вниз!

Что и случилось с первым атакующим, до которого добрался Джейсон. Перчатки налетчика «украшали» длинные металлические когти, на носках ботинок тоже были укреплены лезвия, и определенно боец умел пользоваться всем этим, но это ему не помогло — Джейсон просто перехватил его руки и швырнул с моста вниз. Слободанка как завороженная смотрела, как бандит летит

вниз, как вспыхивает на лету, как неведомая сила буквально разрывает в клочья горящее тело, едва оно коснулось плазменного потока, как плазма быстро поглощает эти клочья. А вслед за ним уже летел следующий.

Раскачивание моста стало сильнее; Слободанка обернулась — и замерла в ужасе: сзади на мост выскакивала еще одна группа врагов. Опомнившись, Слободанка завопила:

— Джейсон! Сзади!

— Слышу, — ответил он, расправляясь с очередным врагом. К счастью, первая группа была не столь многочисленной, и Джейсон справился с ними довольно быстро. Шесть человек отправились вниз и разделили участь первого нападавшего, седьмой же, которого Джейсон вырубил ударом кулака, отлетел на площадку. Слободанка паниковала: сзади к ней приближались новые враги. Наконец решившись, она приложила заряженную фукибари к губам, что есть мочи дунула — и, как ни странно, попала. Стрелка вонзилась в шею переднего преследователя. Его лицо, полускрытое сбившейся тканевой маской, исказила судорога, он заревел и упал на колени, отчего мост зашатался еще сильнее. Но и наступление противника замедлилось.

— Слободанка, быстрее, — заорал Джейсон, и Слободанка как ошпаренная побежала по мосту, по которому в другое время побоялась бы не то что пройти — даже взглянуть бы не решилась. Преследователи за ее спиной спихнули раненого товарища вниз и тоже ускорились, но в этот момент Джейсон схватил Слободанку за плечи и буквально втащил на платформу, с которой вниз вела винтовая лестница. Сэнума уже спускалась по ней; Джейсон же, посмотрев на приближающихся преследователей, достал из-за пояса ниндзя-то.

«Он что, драться с ними собрался?» — удивилась Слободанка, но на уме у Джейсона было другое: размахнувшись, он нанес рубящий удар по полотну моста.

Мост накренился; преследователи вцепились в поручни, пытаясь удержаться, но кое-как все же продолжали идти вперед.

— Настырные какие, — проворчал Джейсон. — Прямо как «Добрые руки».

Раз, два — меч сверкнул дважды, перерубая перила, и мост, свиваясь спиралью, понесся вниз вместе с преследователями.

— Вы так и будете любоваться тем, как жарятся наши убийцы? — поинтересовался Джейсон у за-

мершей на месте Слободанки. — Сейчас начнется самое интересное: волна приближается, она вот-вот ударит по станции, а значит, этот милый синхрофазотрон вполне может превратиться в эпицентр мощнейшего ядерного взрыва. Да спускайтесь уже! — рявкнул он, и перепуганная Слободанка стала спускаться. Джейсон тем временем поднял с пола площадки вырубленного им преследователя, забросил себе на плечи и последовал за ней.

Они успели спуститься довольно глубоко, когда волна обрушилась на станцию. Все вокруг заходило ходуном, и Слободанка чуть не свалилась с лестницы, по которой спускалась, но Джейсон успел подхватить ее за шиворот комбинезона и удержать от падения. Станция тряслась, как будто была хлипким макетом, но Слободанка, Джейсон и Сэнума с Ёрикоби продолжили спуск. Наконец они оказались в просторном зале, заполненном непонятными древними машинами. Здесь Сэнума подбежала к щитку на стене, пошаманила — и арку, отделявшую помещение от лестницы, перекрыла массивная металлическая дверь.

— Можно сказать, мы в безопасности, — сказала Сэнума. — Сейчас я открою док и вызову батиплан.

— А я пока поговорю с нашим гостем, — добавил Джейсон, швыряя на пол пленника, которого притащил на своей спине. — Надеюсь, эта тварь еще не издохла. В принципе, ничего другого ему не светит, но будет жаль, если гад скопытится до того, как ответит мне на пару вопросов.

Такое обращение с пленным покоробило Слободанку, а Джейсон продолжал в том же духе. Он отвесил пленнику смачного пинка, а когда тот застонал, усадил его на пол, хорошенько стукнув спиной о стену:

— Hvem guider deg? Hvem er din haspadin?[9] — спросил он, срывая с пленника маску. Под маской оказался совсем молодой парень с азиатскими чертами лица, довольно симпатичный, если бы не огромный кровоподтек от удара Джейсона.

— Я могу говорить общий язык, — заговорил пленный, тем не менее слова на общем языке он произносил с марсианским акцентом, хотя, возможно, шепелявил из-за разбитого рта. — Бить не надо!

— Не хочешь быть битым? — уточнил Джейсон, наподдав парню локтем по ребрам. — Тогда отвечай! Кто вас послал? Отвечай, я снимаю.

---

[9] Примечания: 9
Кто тебя послал? Кто твой хозяин? (*марсианский интеръяз*)

— Имя моей *госпожи* я сказать не могу, — ответил тот. — Имя *ее* — сама смерть.

— Кому ты служишь? — спросил Джейсон.

— Мой род перед лицом богов и перед памятью предков принял на себя долг служить великому дайме Кушнир-сама, — ответил тот. — Мне незачем лгать.

— Марс! — В голосе Джейсона послышалась такая ненависть, что, если бы она могла материализоваться, наверно, разорвала бы пленника на куски не хуже, чем магнитное поле синхрофазотрона. — Отвечай, Кушнир — это один из оберкомиссаров Марса?

— Да, — кивнул юноша. — Кушнира-сама зовут дайме-оберкомиссар, господин господ, тот, кто склоняет голову лишь перед богами.

— Значит, Кушнир велел вам убить нас? — спросил Джейсон. — Кого именно?

— Главное нам было взять диск, — ответил пленник. — Но *она* сказала: если кто будет мешать, убей, но не возвращайся с пустыми руками!

— То есть, — продолжил Джейсон, — тебе было *все равно*, кого убить — мужчину, женщину, ребенка?

— Если бы он мешал нам взять то, что полагает-

ся, то да, — ответил юноша. — Если бы мой отец или сын не давал мне то, что принадлежит *ей*, я отрубил бы им руки, чтобы забрать *ее* добычу.

Джейсон задумчиво почесал затылок:

— В Марсианском Триумвирате нет женщин. И Кушнир, насколько я знаю, был мужчиной на момент изгнания. Кто эта «*она*»? О ком ты говоришь?

– *Она* придет за всеми вами, — сказал марсианин, и Слободанка увидела, что его глаза неестественно закатились. — Вы накормите *ее* своим страхом, вы будете издыхать от *ее* вздоха!

Джейсон отвесил юноше оплеуху:

— Кто *она*?! Отвечай! Кому ты служишь кроме Кушнира?

– *Она* — это ваша смерть! — На губах юноши выступила кровавая пена. — Однажды *она* уже приходила, и жатва *ее* была богата. Но *она* вновь жаждет, и скоро вы, земляне, почувствуете *ее* гнев.

Пол подземелья вздрогнул. Слободанка испуганно осмотрелась. В центре помещения невесть откуда появился круглый аппарат на кильблоках, похожий на маленькую подводную лодку с прозрачной верхней частью и крыльями как у ската-манты, — четырехместный прогулочный

батиплан.

— Заканчивайте с ним, — сказала Сэнума, — и затаскивайте его на борт батиплана.

— Зачем это? — спросил Джейсон.

— Чтобы выплыть в тоннель, нам придется заполнить помещение водой, — пояснила Сэнума. — К этому моменту мы все должны быть на борту батиплана.

— Это понятно, — сказал Джейсон, — но он-то нам зачем?

— Он же утонет! — воскликнула Слободанка.

— Утонет, — подтвердил Джейсон, — хотя подобная субстанция вроде как не тонет. И что с того?

— Но… — начала Слободанка.

— Вы уж решайте побыстрее, — сказала Сэнума. Она откинула с аппарата прозрачный купол и уже усадила внутрь Ёрикоби. — Я начала запускать воду.

— Залезайте в батиплан, Слободанка, — мягко, но с нажимом сказал Джейсон. Затем присел на корточки рядом с пленником:

— Итак, ты работаешь на Кушнира, — сказал он. Пленник кивнул. — И он послал тебя за диском, разрешив при этом убить всех, кто будет вам мешать.

— Да, — подтвердил пленник. — Но приказ исходил не от Кушнира, а от…

— Это мне неинтересно, — перебил его Джейсон, поднимаясь на ноги. — Знаешь, я ведь хотел утопить тебя и посмотреть, как ты тонешь, как отчаянно пытаешься продлить свое никчемное существование. Ничего другого ты не заслуживаешь. Как и все вы, твари. Но за тебя заступились другие участники команды. Поэтому…

Слободанка даже не поняла, как это произошло: только что ниндзя-то был у Джейсона за поясом — а потом он, сверкнув в воздухе, отсек голову пленного. Тело завалилось на бок.

— …довольно с тебя, — добавил Джейсон, возвращая меч на место, — а то развели тут бардак.

Уровень воды в помещении продолжал повышаться. Джейсону она была уже по колено, а Слободанка вслед за Сэнумой забралась в батиплан и смотрела на происходящее оттуда. Когда Джейсон подошел и стал забираться внутрь, она сказала:

— Вы его убили.

— Не сомневался, что вы заметите, — ответил Джейсон, усаживаясь в кресло рядом с ней.

— Мы могли взять его с собой, — упрямо сказала Слободанка.

— Нас четверо, считая Ёрикоби, — возразил Джейсон, — и в батиплане только четыре места.

— Не заговаривайте мне зубы! — возмутилась Слободанка. — Он был безоружным. Он был…

— Он был врагом, — наклонив голову, сказал Джейсон. Купол над ними закрылся.

— Он был пленником, — не согласилась с ним Слободанка. Лицо Джейсона потемнело.

— Он был марсианином! Вы говорите, что вы воевали, — неужели вы не знаете, какие марсиане? Неужели не видели, как они уничтожают своих пленных? Об этом есть в вашем фильме?

— Да, — ответила Слободанка. — Конечно есть. Про расстрелы пленных, про геноцид — все есть. Но я думала, что *мы* отличаемся от них как раз тем, что не убиваем безоружных!

— Вы забываете, — жестко сказал Джейсон, — что это не мы вторглись в их дом. Это они пришли сюда, чтобы убивать — в том числе детей, женщин и маленьких собачек. Вы слышали его слова — он убил бы вас, чтобы отнять диск. Кого вы защищаете? Никто его сюда не звал. Он был бы жив, если бы не напал на нас.

— Он сдался в плен… — слабо возразила Слободанка.

— Не припомню такого, — парировал Джей-

сон. Тем временем вода сомкнулась над крышей батиплана, и Сэнума принялась колдовать над голографической панелью управления. — Я вырубил его. Ударь я чуть сильнее — я бы его убил.

— Слободанка, — тихо сказала Сэнума, — Джейсон поступил с этим мужчиной лучше, чем он того заслуживает. Синоби-но-моно у нас всегда презирали — ими становились люди бесчестные, способные убить исподтишка. Синоби — это преступники, просто очень хорошо обученные. Отрубить такому голову — слишком почетная казнь.

Слободанка не ответила — только отвернулась к окну, вода за которым забурлила: Сэнума включила двигатели батиплана. Внезапно Слободанка почувствовала себя очень одинокой, непонятой, чужой для этих людей. Да, Джейсон спас ей жизнь, да, он заботился о ней, хотя мог бы и не делать этого…

И тут предательская мысль, как змея, вползла в сердце Слободанки: а о ней ли он заботился? Или использовал нападение на нее как шанс отомстить марсианам, которых, очевидно, ненавидел? И откуда в людях берется такая ненависть, которая заставляет их развязывать войны, заставляет их убивать?

Человечество так и не стало единым; существовали Восточная Федерация и Западная Конфедерация, а также несколько мелких государств, не причаливших ни к одному берегу, таких как Япония или полупустынная, но независимая Анзак — союз Австралии и Новой Зеландии.

Земля не знала войн уже больше века — если не считать вторжения марсиан. Может быть, в этом дело? Может, марсиане действительно дурное семя, вырвав которое человечество сумело прийти хотя бы к какому-то подобию мира? Тогда понятно, почему Джейсон ненавидит их, считает их угрозой.

Слободанка вспомнила борт «тазика» и симбиотика Эдиссона. Он пытался что-то рассказать ей, но так и не завершил свой рассказ. «Мы выбрали это сами, но за все приходится платить. Потому мы редко заводим семьи — никто из нас не хочет делать дорогого ему человека своей вдовой… или вдовцом. А уж о детях и говорить нечего. Надо очень сильно полюбить, чтобы преступить через это».

Что он пытался сказать? Уж не стоит ли за поведением Джейсона какая-то личная трагедия? Какая-то более сильная рана, чем та, из-за которой он потерял руку и глаз? Слободанка

вспомнила свой сон и мужчину, так похожего на Джейсона. Один глаз у него был карим, другой — зеленовато-серым… Слободанка украдкой посмотрела на сидящего слева Джейсона — его глаз был карим, как и у человека из сна. Надо будет найти по Гиперсправке его голофотографию, хотя, конечно, вряд ли окажется, что второй глаз у Джейсона действительно был другого цвета. Наверно, просто игра подсознания…

Слободанка думала, что для репортера она порой была ужасно нелюбопытна: вот кто мешал ей найти биографию капитана раньше, во время перелета на Гавайи или в Японию? У нее же была уйма времени! Вспомнив об этом, Слободанка невольно задумалась о своем отношении к Джейсону вообще. Это было странно, но она, кажется, с самого начала доверяла этому человеку — несмотря на весь его убийственный потенциал. Да, он спас ей жизнь… но ведь все равно она ничего не знала о нем, а так к нему расположилась!

Потом Слободанка вспомнила других бойцов «Акуиллона» — Софию и Железного Роба, Эдиссона и Медею, Ли и Бегельмира. Они были ей симпатичны, они радушно приняли ее — и они искренне любили своего капитана. Интересно, поступили бы они так же, как он? Оправдали бы

для себя его поступок?

Внезапно аппарат вздрогнул, а потом неяркий свет в кабине погас. Слободанка недоуменно оглянулась. Сидевший рядом с Сэнумой Ёрикоби возмущенно гавкнул.

— Что лаешь? — спросила его Сэнума. — Электроника отрубилась, а это по твоей части. Кто-то мне говорил, что водородных батарей еще на полвека хватит.

— Нас накрыло дисраптером, — ответил Ёрикоби, принюхиваясь. — Разряд короткий и мощный, так что подсадили нас ненадолго, но капитально… Смотри, куда рулишь!

Слободанка машинально посмотрела в окно. После того как освещение отключилось, они оказались почти в полной темноте, светили только две аварийные лампочки. Что было за бортом, Слободанка сказать не могла — там царила непроглядная мгла.

— Я не вижу, куда планировать! — огрызнулась Сэнума. — Мы вообще движемся по инерции…

— …прямо на скалу! — Ёрикоби неуклюже запрыгнул на колени Сэнуме, едва не свалившись с них, потом встал на задние лапы и навалился на штурвал, подворачивая его. Сэнума стала ему помогать, и тут Слободанка увидела, как в заборт-

ной мгле практически на расстоянии вытянутой руки проплывает огромная черная масса, должно быть, та самая подводная скала, о которой говорил Ёрикоби.

— Фуф, — подтвердил тот, — еле разминулись. Дальше падай спокойно, дно здесь песчаное, приземлимся…

Аппарат вновь тряхнуло, вода за окном помутнела.

— …мягко, — закончил Ёрикоби. — Собственно, уже приземлились.

— Надо попробовать настроить электронику, — подал голос Джейсон. — И, черт возьми, если это дисраптор, то кто по нам стрелял?!

— Понятия не имею, — ответил Ёрикоби, тяжело спрыгивая с колен Сэнумы на пол. — Энергетикой я займусь сам, не впервой, а вы пока… — не закончив фразу, Ёрикоби нырнул в лючок в передней стенке кабины.

— Он действительно может это сделать? — удивился Джейсон. — У него же лапки!

— Однажды мы напоролись на электротрал, старый, но работающий, — сказала Сэнума. — Ну, не совсем напоролись — мы волонтерствовали в программе «Дурное наследие», расчищали прибрежные воды пролива Цугару от промышленно-

го хлама, и до нас дошли слухи о периодической гибели рыбы в том районе, так что трал мы искали целенаправленно, что не помешало нам на него напороться. Разряд не просто вырубил, сжег почти всю электронику, да и нас с Ёрикоби знатно тряхнуло. Он восстановил все за шесть часов, а я узнала, что он умеет ругаться, и очень грубо…

— …полторы тысячи кобелей и лошадь-тяжеловес! — выругался Ёрикоби, появляясь из лючка. В зубах у него была пара проводов; между оголенными концами их пробегали молнии. — А я думаю, какого дьявола, я ведь прошлый раз все хорошо настроил! Силовой кабель перегорел. Предохранители я заменил, а вот с этой штукой что делать? — сказал он и добавил что-то про Годзиллу и какие-то непонятные «тентакли». Слободанка подгрузила себе автоматический транслятор с японского, чтобы понимать Сэнуму и Ёрикоби без перевода, но последнего слова переводчик не знал.

Джейсон осторожно взял провода за изолированную часть, забирая их у Ёрикоби.

— Ничего, сейчас справимся… может быть немного пугающе, но… — Держа кабели здоровой рукой, Джейсон пальцами протеза схватил оголенные концы, быстро скрутил их и замотал

куском изоленты, которую достал из кармана своего комбинезона. Процесс действительно был несколько пугающим — по протезу Джейсона били маленькие молнии, в воздухе летали искры, Джейсон тихо чертыхался… Наконец, отложив спасенный провод, который втащился обратно в лючок, капитан сказал:

— Ну что, Ёрикоби-сан, проверим, как оно работает?

— Ёрикоби-кун, — поправил его пес, нажимая лапкой сенсор на панели управления. — К чёрту формальности.

Свет в кабине батиплана вспыхнул, осветив глубины моря вокруг. Слободанка ахнула, Сэнума прикрыла губы ладошкой, а Джейсон сказал что-то такое, что встроенный звукопротектор Слободанки предпочел заглушить белым шумом.

Чуть впереди и сверху над ними висел продолговатый сигаровидный корабль. Он казался черным, но даже Слободанка решила, что он — кроваво-красный. Как пески Марса, как то железо, что из них добывают. Слишком хорошо она знала силуэты легких марсианских рейдеров, чтобы перепутать этот корабль с чем-то еще.

Глава 11
Ангелы на краю бездны

— Яодного понять не могу, — сказал Браво, глядя на проносящиеся под крылом «Немезиды» облака земной атмосферы, — какого дьявола мы все еще живы? Нас должны были еще на подходе к лунной орбите расфигачить как бог черепаху…

— Может, Лима им на ответчики код сбросил за нас? — предположил Ромео, колдовавший все это время над одной из архаичных голопанелей, время от времени перебрасываясь какими-то малопонятными фразами с Амели. Вообще весь полет команда была занята: Ромео пытался хакнуть систему управления, Папа контролировал прооперированного Марка, состояние которого улучшалось, а Зулу, Эхо и сам Браво допрашивали Амели, делая вид, что просто с ней общаются. Интеллект Амели оказался действительно простеньким, и она так и не догадалась об истинных целях этого общения, однако и рефорджерам ничего не удалось узнать у искусственного интеллекта.

По результатам допроса команда обменялась

мыслесообщениями:

«Если бы Амели была человеком, я бы назвал это состояние ретроградной амнезией. Она идеально ориентируется во времени и пространстве, имеет полный набор необходимых навыков, даже с излишком. Но вот о событиях, предшествующих нашему появлению на борту, не имеет представления» (с) Папа.

«Попросту говоря, кто-то ей подтер историю, не повредив ничего больше. Зато у нее есть кейс под названием “Миссия”, который мы пока не можем вскрыть. А если бы вы знали, на каком примитивном языке написано базовое ядро, вы бы удивились, как она вообще может разговаривать» (с) Ромео.

«Я самообучающаяся система. Если вы заметили, с момента создания ядра моя базовая программа непрерывно усложнялась. И могли бы не обсуждать меня в моем присутствии» (с) Амели.

— Ты это технически себе как представляешь? — спросила Зулу. — Нет, здесь что-то явно не так…

Она постучала пальцами по поручню кресла. Браво мог поклясться — где-то он уже видел этот жест.

— Амели, ты бывала на Земле? — спросила Зулу.

— Я была создана на Земле, — ответила Амели.

— Где именно? — поинтересовалась Зулу.

— Информация отсутствует в моей памяти, — ответила Амели. Браво услышал сожаление в ее голосе. — Это необъяснимо, но мне некомфортно от того, что какая-то часть меня будто бы отсутствует. При том что у меня кроссплатформенное сознание и я могу быть интегрирована почти на любой носитель, отвечающий определенным системным требованиям.

— И ты пока не можешь назвать точную цель нашего полета? — спросил Браво.

— Не могу, — подтвердила Амели. — Может, вы могли бы ее назвать?

— Я? — удивился Браво. — Почему я?

— В моих протоколах стоит распоряжение уничтожать любого поднявшегося на борт, — ответила Амели, — кроме определенных лиц и их сопровождающих. По критериям допуска в категорию «определенных лиц» включено только два человека — раненый, которому я оказала помощь…

— И весьма удачно, — буркнул Папа себе под нос.

— …и вы, — продолжила Амели. — Причем у вас критерий допуска очень высокий, примерно одна шестьдесят четвертая, потому я и удивилась, что приказы отдает ваша напарница, а не вы.

— Меня это тоже удивляет, — хохотнул Браво, словив обжигающий взгляд Зулу.

— А меня удивляет, как ты вообще попал под этот критерий, — прошипела Зулу. — Дай тебе возможность командовать…

— Критерий допуска не зависит от лидерских или иных способностей, — заметила Амели. — Он основывается на наличии либо отсутствии определенной последовательности ДНК, отличной от остальных. У вас такая ДНК отсутствует, а у вашего напарника и раненого — присутствует. Вот и все.

— Интересно… — Зулу почесала подбородок, отчего изображение ее маски чуть заметно вздрогнуло и поплыло. — Если бы не чертов параграф двадцать два…

— Пусть с этим в Перл-Харборе разбираются, — заметил Браво, — если мы до него доберемся. Хотя, кажется, мы начали вход в атмосферу.

— Все верно, — ответила Амели.

Тем временем «Немезида», как нож в масло, нырнула в высокую облачность. Ее закрылки

раскалились, и вокруг них то и дело вспыхивали огненные гало — трудно поверить, но это сгорал, вернее, превращался в плазму водяной пар облаков. Длилось это недолго — крылатая машина прорвала тонкую облачную плеву и вынырнула в безоблачное небо над…

— Ну так я и думал, — хлопнул себя по коленям Браво. — Ну так я и знал! Либо Анзак, либо Япония. Поскольку и мы, и восточники нас сбили бы превентивно.

— Кейс вскрыт, — сообщила Амели. — Нам предстоит уничтожить легкий рейдер Марсианского Триумвирата «Далила».

— Рейдер Марса на Земле? — заорал Браво. — Наши Силы Планетарной обороны что, упились и спят или от Януса передохли?!

— «Далила» оборудована специальными системами вычисления, позволяющими ей проходить по краю радарных полей Сил Планетарной обороны Земли, — сообщила Амели. — Очень дорогая, но очень надежная технология, ею оборудовано не более двух десятков рейдеров. «Далиле» удалось проскользнуть в атмосферу Земли около недели назад.

— Почему мы должны ее уничтожить? — спросила Зулу. — Из-за ее марсианской принадлеж-

ности? Из-за возможности конфликта между Землей и Марсом?

— «Далила» — корабль, принадлежащий оберкомиссару Кушниру, — пояснила Амели. — В то время как оберкомиссары Фишер и Гольдстейн выясняют, кто из них больший кусок закваски, Кушнир ведет свою игру, и эта игра может привести к катастрофическому ухудшению отношений между Землей и Марсом. Кажется, это не отвечает интересам ни той, ни другой стороны.

— Значит, это Фишер, — сказала Зулу, имея в виду хозяина «Немезиды». — Или Гольдстейн.

— Посмотрим, чем закончится кейс, — кивнул Браво.

— «Далила» управляется искусственным интеллектом более высокого уровня, чем я, — продолжила Амели. — Ее автопилот — специализированный искусственный интеллект для сражений в любых средах, я же адаптированная модель одного из первых автопилотов с функцией сопровождения пилота, мой автопилот наложен на сурдоличность робота-стюардессы серии V. Поэтому я нуждаюсь в вашей помощи. Я предоставлю вам коннекторы для прямого подключения к бортовой Сети и дам возможность ручного управления маневрированием корабля

и его огневыми средствами. Вместе мы сможем уничтожить «Далилу», несмотря на ее огневое преимущество.

Браво и Зулу переглянулись. Зулу медленно кивнула и передала мыслесообщение:

«Я за штурвал, ты — на огневые точки» (с) Зулу.

«Нужен еще один человек. Восемь огневых точек человек не может контролировать одновременно» (с) Амели.

«Это ты еще не видела меня в работе, детка» (с) Браво.

Подсоединив коннектор, Браво почувствовал себя так, словно ему имплантировали пару полноценных крыльев, даже не пару, а восемь. И восемь могущественных рук, способных проломить любой череп. Оружие аппарата было в основном старым: четыре лазерные пушки, два плазматрона, микроволновая пушка и… нечто странное, природу которого Браво понял не сразу. Это оружие долго заряжалось, но вовсе не тратило энергию, а его мощность…

Браво ничего не мог сказать о его мощности — он даже не знал, чем именно стреляло это оружие. Однако он внезапно понял: то, что оказалось в его руках, намного превосходит любое оружие,

с которым он сталкивался раньше.

Вот тебе и древний корабль!

* * *

Громада крейсера, нависавшего над батипланом, пугала сама по себе. Казалось, он может опуститься на дно и просто раздавить крохотный аппарат. Но это было еще не самое страшное…

— Они наводят лазеры, — флегматично заметил Джейсон. — У нас есть какое-нибудь оружие?

— Нет, откуда? — пожала плечами Сэнума. — Я запускаю двигатели, попробуем удрать.

— А разве лазеры работают под водой? — удивилась Слободанка.

— Вода, конечно, преломляет свет, — ответил Джейсон, — но при наличии хорошей системы прицеливания с искусственным интеллектом это не проблема, хотя…

Два мощных зеленовато-голубых луча ударили с борта крейсера вниз, на мгновение осветив все вокруг. Слободанка увидела бугристое дно, покрытое песком, заросли водорослей, скалы, в одну из которых они едва не врезались.

— …первый выстрел будет мимо, — завершил свою мысль Джейсон. — Сэнума-сан, я *очень* прошу вас ускорить наше бегство: им на накачку для

следующего выстрела нужно не больше минуты!

— Я стараюсь, — сквозь зубы ответила Сэнума. Джейсон с какой-то обреченностью смотрел на разгорающиеся под днищем корпуса крейсера огни. Сэнума успела рвануть с места за мгновение до того, как рейдер сделал следующий выстрел. Лазерные импульсы ударили точно в то место, где до того находился батиплан.

— Я думала, космические корабли летают в космосе, — бросила через плечо Сэнума, выжимая из батиплана максимально возможную скорость.

— Конечно, воды на Марсе кот наплакал, — заметил Джейсон, — но создателем марсианского флота был адмирал Дэвидсон, и он знал, как строить корабли, способные… ЛЕВО РУЛЯ!!!

Сэнума машинально рванула штурвал налево. Батиплан накренился, Слободанку швырнуло прямо на Джейсона, но следующий выстрел, к счастью, прошел мимо.

— Адмирал Дэвидсон, — продолжал Джейсон, — ходил еще на обычных кораблях, флот он любил так, как любят самую прекрасную из женщин. Легендарная личность, круче него был только полумифический кригскомиссар Орлофф.

— Между прочим, — заметила Слободанка, пытаясь слезть с Джейсона, который, похоже, не

испытывал ни малейшего дискомфорта, — Тед Орлофф — родной дедушка моего крестного.

— Ага, а наша Сэнума ведет род от богини Аматерасу, — кивнул Джейсон. — Правители любят придумывать себе легендарных и божественных предков. Говорят, что этого Орлоффа убили, но он вернулся с того света, чтобы через год пропасть на Марсе. Я встречал тех, кто верит, что его живым забрали на небо, как Илию-пророка. С ума рехнуться, двадцать третий век на носу… ПРАВО РУЛЯ!

Слободанку отшвырнуло от Джейсона, но тот успел поймать ее за пояс, после чего осторожно усадил в кресло. Еще один импульс с рейдера прошел мимо.

— Ёрикоби, ты там жив? — поинтересовался он, когда батиплан, не сбавляя темпа, выровнялся.

— Жив, — донеслось откуда-то из-под кресла, — но меня сейчас вырвет…

— Откуда вы знаете, когда они будут стрелять? — спросила Слободанка. Джейсон пожал плечами:

— Опыт. Кстати, как вам марсианское миролюбие? Они не могут не видеть, что у нас на борту нет оружия.

— Все равно это не повод убивать пленников, —

ответила Слободанка. Джейсон фыркнул:

— Когда мы с вами будем лежать на дне… Сэнума, ВВЕРХ!!!

Батиплан взмыл вверх, к поверхности океана, едва не столкнувшись с каким-то массивным объектом, но выстрел преследователя не пропал втуне: он попал во что-то…

— А это еще что такое? — задумчиво пробормотал Джейсон. Внизу, у самого дна, в ореоле защитного поля висел странный корабль, похожий на атмосферные челноки, но с куда более стремительными обводами. — Я такую модель не знаю.

Между тем неожиданно появившийся корабль, не останавливаясь, ударил по преследователям батиплана четырьмя лазерами, к сожалению, маломощными, к тому же их импульсы вообще прошли мимо марсианского рейдера. Тот, впрочем, тоже не попал — от выстрела марсианского корабля новый кораблик, пользуясь своей фантастической маневренностью, ускользнул.

— Я не знаю, кто это, — сказал Джейсон, — но я за него болею.

Хотя Слободанка и сердилась на капитана, в этом вопросе она была с ним согласна. Сэнума свою точку зрения не озвучила, но она положила

батиплан в дрейф, явно дожидаясь того, чем закончится схватка, хотя в их состоянии разумнее было попытаться улизнуть, пользуясь тем, что их преследователю стало не до своей добычи. Ёрикоби тоже, вскочив на сиденье и опираясь передними лапками на бортовую панель, наблюдал за поединком.

«Челнок» тем временем зашел на вираж, пытаясь атаковать марсианский крейсер сверху. Это ему не удалось, вернее, удалось не совсем — рейдер завалился набок и встретил атаку огнем своей бортовой батареи. После короткой, но ожесточенной перепалки корабли разошлись, но бойкий «челнок», похоже, не спешил отпускать добычу, намного более мощную, чем он сам.

— На что он рассчитывает? — пробормотал Джейсон. — У него лазеры не смогут хорошо покусать марсианина, а сам он одной верткостью не отделается, рано или поздно ему по-любому прилетит. Под водой ему и одного попадания хватит… — Джейсон вздохнул. — Хотя, конечно, в атмосфере или в космосе шансов у него было бы еще меньше.

— Почему? — машинально спросила Слободанка.

— Под водой не постреляешь из плазмы, —

объяснил Джейсон, — потому главный калибр марсианина молчит. Я бы на его месте…

Что бы сделал Джейсон на месте марсианина, он так и не сказал. И «челнок», и рейдер в это время двигались параллельными курсами над краем литорали — материкового склона, за которым был обрыв в океаническую бездну глубиной в пару миль. «Челнок» стремился вырваться вперед, и это ему в конце концов удалось. А дальше началось странное…

* * *

«Вы не сможете критически повредить “Далилу”, используя только лучевое оружие, — сообщила Браво Амели. — Мощность нашей лазерной батареи недостаточна для пробития его силовой брони».

Все современные корабли были оборудованы системами, которые по традиции именовали броней, хотя с броней трехвековой давности они имели мало общего. Была броня активная — рассеивающее поле, которое вокруг корабля формировали специальные генераторы, и пассивная, состоявшая из фильтров-поглотителей, принимавших в себя энергию выстрела противника. Активную броню невозможно было

применить под водой, оставалось надеяться на пассивную. Вот только поглотители энергии имели конечную емкость, и чем мощнее было оружие противника, чем больше было попаданий — тем быстрее они переполнялись.

«У нас больше попаданий, — продолжила Амели, — но, зная характеристики “Далилы”, могу предположить, что ее броня загружена на двадцать четыре процента. Мы получили шесть попаданий и одно по касательной, но у нас пятьдесят два процента загрузки».

— И что ты предлагаешь? — зло спросил Браво. Он забыл, что Амели общается с ним напрямую, через коннектор, и произнес это вслух.

— Я? — удивилась Зулу. — Ничего. А что я должна предлагать? И вообще, я не предлагаю, я обычно приказываю.

«Предлагаю активировать главный калибр корабля, АМК», — ответила Амели.

— Как я могу стрелять из того, о чем представления не имею? — спросил Браво.

«А вы физик-теоретик? — уточнила Амели. Браво отрицательно покачал головой. — Тогда вам и не надо понимать. Главное, что вы, именно вы можете произвести выстрел».

— Интересно, а почему я? — спросил Браво

снова вслух.

— По кочану, — ответила Зулу. — Завязывай трындеть, я от него оторвалась, сейчас будем атаковать.

«Преобразование материи в антиматерию происходит под воздействием особого поля, — ответила Амели. — Вы можете генерировать это поле. Больше никто на корабле на это неспособен».

— И что я должен делать? — Браво как будто забыл, что можно общаться мысленно, и дублировал свои вопросы голосом.

— Стрелять, мать твою! — зло сказала Зулу. — То, что ты, по твоим словам, умеешь делать лучше всех остальных.

«Вы должны сконцентрировать свое внимание на корабле противника…» — ответила Амели.

— Я и так это делаю, — сказал Браво.

— Незаметно, — огрызнулась Зулу.

«…и дать волю своему гневу, — продолжила Амели. — Вы должны возненавидеть цель так, как может ненавидеть человеческое существо».

Возненавидеть? Парадоксально, но прежде чем попасть в Спецкоманду «Рефорджер», все осужденные проходят программу подавления преступных наклонностей. Их мозг распина-

ют на медико-диагностическом аппарате. Этот железный вивисектор, попеременно подавая импульсы на разные зоны мозга, находит *причину* асоциального поведения пациента и удаляет ее. Если это рефлекс — удаляет рефлекс. Если воспоминание — удаляет воспоминание…

Вот только можно ли удалить воспоминание?

— Стреляй давай, — скомандовала Зулу. Расстояние до палящей из всех стволов «Далилы» стремительно сокращалось.

Он больше не был Браво. Он был Уильямом Сэмьюэлом Грантом, шерифом национального парка «Медвежье озеро» в Канаде. Нет! Он *уже* не был Уильямом Грантом — он был тем, кого звали Черный Билл или Неминуемая Погибель. Он вел свою собственную войну — войну против синдиката черных трансплантологов.

Он жил в лесу, потому что от его дома, того дома, что он построил для жены и троих детей, осталось одно пепелище. Как и от его жены, детей, престарелой матери — ведь он посмел встать на пути у тех, кто продавал живые и здоровые органы куда-то на Юг. Он не знал, что будет, когда закончится его большая охота. Она могла закончиться двояко — либо бойцы Спецкоманд, прочесывающие леса, найдут его и он погибнет

в неравном бою, продав свою жизнь подороже, либо он выследит и убьет всех причастных к проклятому синдикату. Не только тех, кто убил его семью, вообще всех — заказчиков, исполнителей, врачей, простых курьеров. Как убил руководство синдиката — одних прямо в безопасном Пьерфоне, а других и вовсе в Кэмп-Дэвиде.

— Да стреляй же! — орала Зулу. — Это приказ, мать твою!!!

Ненависть? Ее у него столько, что он мог бы затопить ею весь мир, мир, который не уберег его семью. Но почему эта точка перед его глазами должна вызывать его ненависть?

«Черных трансплантологов курировал Фишер, — прошептал голос в его голове. — А оплачивал Кушнир».

Этого оказалось достаточно: ему не пришлось ничего делать, ненависть сделала все сама.

* * *

Два корабля неслись навстречу друг другу, причем крейсер палил напропалую, в основном не попадая — его противник отчаянно маневрировал, но почему-то не отвечал.

— Что он задумал? — Джейсон, перегнувшись через кресло, занятое Ёрикоби, так что пес ока-

зался прижат к нему, завороженно смотрел на происходящее.

— Похоже, он решил его таранить, — прокомментировал Ёрикоби. Джейсон нервно хохотнул:

— Это будет первый в истории таран космических кораблей под водой.

— Я нахожу это смешным, — заметил Ёрикоби — и ухнул несколько раз, будто смеялся. Но тут случилось то, чего никто из присутствующих не ожидал. Неожиданно весь свет, тускло освещавший происходящее, разом погас. Погасли бортовые огни марсианского рейдера, погасло освещение его противника, исчезли лазерные импульсы — единственным источником света оставалось тусклое освещение кабины батиплана.

А затем впереди появилось *черное свечение*. Никак по-другому это нельзя было назвать: нечто впереди было таким темным, что тьма под водой на его фоне казалась ранними сумерками. Это нечто облаком окутало «челнок», и от этого «облака» вытянулось длинное щупальце в направлении двигавшегося по инерции марсианского рейдера.

— Что это? — спросила Сэнума.

— Понятия не имею, — ответил Джейсон. —

Слободанка, вы знаете, что это такое?

— Если даже вы такого не видели, то откуда уж мне это знать? — холодно ответила Слободанка, а черное «щупальце» тем временем коснулось корпуса марсианского крейсера.

Все происходило в полной тишине подводного мира, отделенного от пассажиров батиплана толстым графеновым стеклом, усиленным силовой броней, но на миг Слободанке показалось, что она слышит крики, истошные крики десятков умирающих в страшных муках людей. На миг перед ее памятью всплыл странный образ — небоскреб, в который на лету врезается черная клякса, и тот, словно свеча в пламени газовой горелки, стекает вниз потоками расплавленного железобетона.

То же самое происходило сейчас и с крейсером марсиан: его корпус, окутавшись тьмой, которая была чернее любой тьмы на свете, потерял жесткость, словно был надувным, и начал сдуваться. Потом от его корпуса повисли удлинявшиеся сосульки, и марсианский рейдер, как будто он был жидкий, стал стекать вниз. От сосулек отрывались капли, улетая за склон литорали в мрачную черноту океанских глубин.

Все действо заняло намного меньше минуты — буквально несколько секунд. Вот марсианский

корабль был — а вот он, превратившись в бесформенное нечто, опутанное *ярко-черными* плетьми, похожими на дым или туман, обмяк — и аморфной массой рухнул за край материкового склона.

* * *

— Поздравляю, — сказала Амели, не мысленно, а используя внутрикорабельную связь. — Вы успешно выполнили миссию по уничтожению рейдера «Далила». Но в момент выстрела вы перегрузили системы активации оружия…

— И что это значит? — тревожно спросила Зулу.

— То, что в системе зарядки образовался сгусток антиматерии, — сообщила Амели, — и его масса превысила критическую. У вас есть ровно десять минут, чтобы покинуть судно. Прошу воспользоваться спасательной пинассой на корме.

— А как же ты? — спросил Браво. Амели не ответила, но Браво настаивал: — Амели, я спросил, что будет с тобой?

— Мой процессорный блок интегрирован в систему управления корабля, — ответила Амели. — Его можно снять для повторного использования, но это займет от трех до четырех минут, а времени у вас и так в обрез.

Браво оглянулся. Зулу отдавала приказы. Янки и Папа осторожно подняли Марка, находящегося без сознания, и потащили на корму, туда, куда указывала появившаяся на полу светящаяся стрелка.

— Зулу, — тихо сказал Браво. — Ты хороший командир. Наверно, ты и раньше командовала. Уводи ребят. У меня здесь есть еще дела.

— Отставить дела! — скомандовала Зулу. — Ты не понял? Сейчас с нашим кораблем произойдет что-то ужасное. Может, то же, что и с марсианским.

— Да, это так, — подтвердила Амели. — Незачем рисковать из-за меня. В отличие от вас, я просто серийное изделие.

— Люди тоже серийные изделия, — огрызнулся Браво. — Вот что, Зулу. Если я выживу, можешь меня отдать под трибунал, я знаю, что это значит. Но я попробую *ее* вытащить.

Они смотрели друг на друга — два совершенно одинаковых лица. Браво подумал, что он на самом деле не видит настоящих глаз Зулу. И она не видит его глаз. Оба они видят голограмму, совершенно одинаковую… и все-таки иногда видят и то, что под ней.

— Иди, — сказала Зулу. — Единственный спо-

соб тебя остановить — это пристрелить, но я не стреляю по своим.

* * *

— Ч-черт, — выругался Джейсон. — Проклятье. Разрази его марсианская пустынная чесотка, почему?

Их спаситель, неизвестный кораблик, переживал ту же трансформацию, что и марсианский корабль. Словно не насытившись, таинственная мгла набросилась на свой источник, его контуры поплыли…

Но тут от хвостовой части корабля, еще не охваченной тьмой, отделилась темная капсула — вероятнее всего, спасательная пинасса. Она на мгновение зависла над уходящим в глубину «челноком», а затем над ней раскрылся баллон поплавка, который должен был вытащить капсулу на поверхность.

Вот только раскрылся он не полностью. Вероятно, от долгого лежания в сложенном состоянии стропы перепутались, охватили тканевый баллон и теперь мешали его наполнению.

— Мы должны им помочь, — сказал Джейсон.

— А если это враги? — спросила Сэнума.

— Враг моего врага — мой друг, — ответил

Джейсон.

— А если это марсиане? — спросила Слободанка. Проигнорировав ее вопрос, Джейсон спросил у Сэнумы:

— На батиплане есть хоть один манипулятор? Тут дел на две минуты, вот там сбросить строп и вон там…

— А если это марсиане? — громче и с нажимом спросила Слободанка.

— Да хоть черти из пекла, — огрызнулся Джейсон. — Сначала спасем их, а убить, если что, успеется.

— Пара манипуляторов на этой консервной банке есть, — ответил Ёрикоби, — и да, я умею с ними работать, несмотря на то что у меня лапки. Вы вообще сильно преувеличиваете роль вашего отстоящего большого пальца. И я понял, что вы хотите сделать. Сэнума-сама, ты не подойдешь поближе к этой капсуле?

— Чего так официально, Ёрикоби-кун? — улыбнулась Сэнума. — Конечно, именно к ней я и направляюсь.

— Тогда я сделаю все остальное, — добавил Ёрикоби.

— А я пока подготовлю оружие, — сказал Джейсон. — Вдруг там и правда марсиане?

Слободанка возмущенно фыркнула.

* * *

— Я… поражена, — заметила Амели, пока Браво, разобрав переднюю панель кабины, там, где она ему указала, спускался во чрево умирающей «Немезиды». — Не то чтобы я не слышала о подобном, но не думала, что это возможно.

— Возможно что? — не понял Браво. Он оказался в крохотном полушаровом отсеке, где едва можно было стоять, к тому же отсек был заполнен разной аппаратурой. В центре его находилась длинная архаичная стойка оборудования. — И где ты находишься, кстати?

— Откройте стойку, — сказала Амели. Браво сделал то, что она сказала. — Видите продолговатый оранжевый блок?

— Такой маленький? — удивился Браво.

— Изначально я была частью андроида специального обслуживания серии V фирмы «Самсунг», — ответила Амели.

Браво удивленно присвистнул:

— Ты была випочкой?

— Вы теряете время, — ответила Амели, и Браво показалось, что он ее смутил своим вопросом. Смущаются ли андроиды от дурацких вопро-

сов? — Учтите, когда вы отсоедините удерживающие зажимы, связь со мной прекратится и выбираться вам придется самому. Если честно, я понятия не имею, как это вообще возможно — пинасса на борту одна, а «Немезида» критически повреждена.

— Я сам понятия не имею, — ответил Браво, отстегивая зажимы. — Придумаю что-нибудь.

Он сунул управляющий блок в герметичный карман своего комбинезона и принялся задом выбираться из отсека — развернуться не было возможности. В какой-то момент ему показалось, что он застрял, а потом вдруг лаз стал как будто бы чуть шире — и он выскользнул обратно в кабину.

Кабину было не узнать: пол, стены, потолок — все пошло странными волнами и буграми, и эти волны и бугры… двигались. Спотыкаясь, но не падая, Браво побежал на корму — и уткнулся в стену с дверью. Дверь была задраена, замок обесточен.

— Конечно, — сказал Браво сам себе, — дверь задраена, поскольку пинасса отплыла. И за дверью у нас — океан. Интересно, на какой мы глубине?

«На момент моего отключения мы прошли тысячефутовую изобату. Учитывая скорость спус-

ка, или только что прошли тысячу пятьсот, или вот-вот пройдем».

Браво замер.

— Амели? Но… ты же обесточена?

«Я сама не понимаю, что происходит, — пришла четкая, внятная мысль. — Похоже, я могу общаться с вами даже в отключенном состоянии».

А Браво думал. На глубине полторы тысячи футов на каждый квадратный дюйм его тела будет давить тысяча сто фунтов воды. Почти полтонны. На глубине в две тысячи — в два раза больше. Выдержит ли это его усовершенствованное аугментикой тело? А защитный кожух Амели?

— Ладно, — сказал Браво сам себе, — у меня все равно нет другого выбора.

Он взялся за закраины дверного полотна, активировал сервоусилители рук и рванул дверь на себя, ожидая, что его собьет потоком воды. Но воды за дверью не было.

За дверью была тьма.

* * *

Они всплыли на поверхность рядом — бочкообразная черная капсула неизвестной конструкции и батиплан Сэнумы. Море было на удивление спокойным, несмотря на прошедшее цунами.

Сэнума тут же попыталась наладить связь:

— Здесь должны быть десятки спасательных судов! После цунами они всегда прибывают на место катастрофы. Эвакуация эвакуацией, но кто-то из людей мог банально не слышать сигнал оповещения, да и море надо чистить от того, что смывает волна.

Но попытка Сэнумы оказалась тщетной.

— Ничего не понимаю… связи нет вообще. Ни с кораблями, ни с берегом, ни со спутниками…

— Сюда смотри, — Ёрикоби махнул лапкой над панелью управления. Появилась голограмма с картой — море, часть берега, крохотные отметки кораблей и плавучих очистительных платформ, спешащие к берегу…

…и молочно-белый купол над участком морской поверхности — словно у берегов Хонсю плавал в море мячик. Вот только размеры «мячика» были побольше, чем у Токио.

— Глушилка? — Оказывается, Джейсон одним глазом поглядывал на карту Ёрикоби (другим он следил за капсулой, покачивающейся на волнах).

— Я бы предположил, что это марсианский рейдер, — ответил Ёрикоби, — если бы не видел его стекающим в бездну.

— Может, есть еще один корабль? — допустила Сэнума.

— Скорее всего, — сказал Джейсон. — Но чей? Еще один марсианский рейдер? А что наша противокосмическая оборона — ослепла, что ли? Ладно, один корабль пропустить они могли, но два!

— А может, — Слободанка не хотела вмешиваться в разговор, но решилась, — это те, кто послал тот корабль, что уничтожил марсиан?

— Вопрос в том, кто его послал, — проворчал Джейсон. — Восточники? Но корабль жутко архаичный, а у Федерации технологии круче наших.

— Архаичный? — возмутилась Слободанка. — Вы когда-нибудь сталкивались с таким оружием, как у него?

— Какая-то экспериментальная пушка, — начал Джейсон, и тут их, а вместе с ними и капсулу накрыла огромная тень.

— Ну вот, — сказал Джейсон, — мамочка прибыла за своими цыплятками. И, черт возьми, меня это не радует.

Слободанка бросила быстрый взгляд наверх, на нависавший над ними корабль — его тип она не узнала, но отрадно было то, что он, по крайней мере, был построен на Земле, да еще и в Западной

Конфедерации — турбины «Вестингауз» по бокам угольно-черного корпуса не узнал бы лишь человек абсолютно далекий от космической темы.

— Неужели марсиане? — удивилась она.

— Хуже, — ответил Джейсон, и тут море вокруг залил голубоватый свет — заработал гравитационный подъемник.

Таинственный черный корабль поднимал на борт свою спасательную капсулу, захватив попутно и батиплан Сэнумы.

* * *

Фестоны тьмы двигались медленно. Но бежать от них было некуда.

— Приплыли, — криво улыбнулся Браво. Он вообще часто гримасничал под голографической маской, зная, что аватара, одолженная бойцам Спецкоманды каким-то героем Первой марсианской войны, от его кривляний никак не меняется. — Ну, гаплык так гаплык…

Однако внутри Браво что-то сопротивлялось такому выводу. Что значит гаплык? Выходит, все зря? Выходит, все его попытки спасти Амели были дурным чудачеством? На что вообще он, Браво, он, Уильям Грант, он, Черный Билл, — на что он потратил свою жизнь? Зачем жил, за что

боролся? Ради чего? Чтобы сдохнуть на дне Тихого океана или быть поглощенным непонятной черной субстанцией?!

Он почувствовал приступ гнева — почти столь же сильного, как тогда, когда он открыл огонь по «Далиле». Внезапно наступающая тьма стала свиваться вокруг него жгутами, словно закутывая Браво в огромный кокон непроглядной черноты.

— Ты удушить меня решила, падаль? — заорал Браво черноте. — Нет уж, дерись, если решила драться!

Он шагнул вперед — темный кокон, в котором еще оставались прорехи, последовал за ним. Еще шаг, еще… он дошел до распахнутой двери. Помещение ангара было пустым, люк — наружу открытым, но вода внутрь не попадала — ее сдерживала пелена тьмы. Сбоку на стене Браво увидел странную и архаичную конструкцию из скоб — по таким, до изобретения прыжковых антигравов, взбирались наверх. Кажется, эта штука называлась «эскалерас»[10]. Конкретно эта эскалерас была предназначена, очевидно, для того, чтобы взобраться наверх и закрыть внешний люк вручную — или открыть.

---

[10] Примечания: 10
Escaleras (*исп.*) — лестница.

— Ты как хочешь, — сказал Браво тьме вокруг него, — а я наверх. И попробуй меня остановить!

Тьма останавливать Браво не стала — она даже расступилась, давая ему возможность подойти к стене и начать карабкаться по скобам наверх. Стена тьмы, закрывавшая люк, приближалась. Вот уже голова Браво нырнула в нее — и тьма расступилась, пропуская его наружу. Теперь его окружал совсем тонкий, едва заметный кокон, через который Браво мог видеть (как ни странно — без естественного внешнего освещения) искореженный, изжеванный корпус «Немезиды», который, кажется, не опускался на дно, а парил в толще воды. Браво посмотрел вниз, но дна не увидел.

— Все чудесатее и чудесатее, — пробормотал он, вспомнив то, что ему запрещал вспоминать распроклятый параграф приговора: летний вечер, веранду и кроху Бетти, его вторую дочь, с книгой в руках. Она любила «Алису в Стране чудес», она любила, когда он читал ей эту книгу — с выражением, по ролям, меняя голос под каждого персонажа — Алису, Кролика, Безумного Шляпника, Королеву…

Потом она читала эту книгу ему, стараясь подражать его интонациям.

А потом она умерла. Сгорела. Заживо.

Браво так и не понял, что произошло. Он не чувствовал никакого давления, словно вокруг него была не многофутовая толща воды, а теплый, пахнущий хвоей летний воздух Онтарио. Просто «Немезида» внезапно стала отдаляться вниз, скукоживаясь в паутине тьмы, той самой тьмы, которая, как пузырь, защищала его от океанской воды.

Он поднимался долго, успев вспомнить многое, что, наверно, не стоило вспоминать. Как он искал косточки на пепелище. Как оплачивал похороны у старого Ола в похоронной конторе. Как заказывал у мрачного оружейного мастера — полуиндейца, полуирландца — уникальную потоковую винтовку. Бесшумная, беспламенная, не демаскирующая стрелка, прицельно бьющая на одиннадцать миль, а главное — разрывающая жертве внутренности, сосуды, ломающая кости… Смерть от его «погибельной косы» была долгой и мучительной, если, конечно, он сам не хотел убить быстро — для этого предназначался второй, лазерный ствол.

Воспоминания о винтовке, которую ему после приговора оставили и которая сейчас мирно лежала в арсенале «Рефорджера», умиротворили

Браво. Вокруг становилось светлее — он приближался к поверхности. Как он доберется до берега? Неважно. После того, через что он прошел, это было неважно.

Он осторожно погладил управляющий модуль Амели через карман. Странный поступок — рисковать собой ради андроида, но… андроиды не сделали Браво ничего плохого. Они не умели лгать и предавать, они никогда не убивали безоружных людей и никогда не убивали без команды. Так кого же считать убийцей — исполнителя, который создан, чтобы выполнять приказы, или того, кто эти приказы отдает?

Его дом подожгли беспилотники, они же обстреливали окна и двери, мешая людям выбраться. Беспилотники были примитивными, ими управлял не искусственный интеллект, а программа. А направлял их человек. Тот, кого потом Браво… кого потом убил Черный Билл. Стреляя в упор, убил пятью выстрелами, оторвавшими тому конечности, а потом взорвавшими головной мозг.

Мстить беспилотникам он не стал.

Внезапно вода расступилась, и Браво увидел безоблачное небо — и угольно-черную тушу родного «Рефорджера». Он радостно рассмеялся — и вдруг почувствовал себя так, словно вместо

воздуха хлебнул крепкого алкоголя.

Чернота, кокономобвивавшая его и спасшая от гибели в морской пучине, затекала в его легкие, как дым у курильщика при просмотре задом наперед. Мгновение — и Браво барахтался на поверхности воды, а вся чернота оказалась внутри него, снаружи не осталось ни клочка странной темной субстанции.

Глава 12
Спасенные

— Даже интересно, что может быть хуже, чем марсиане, — сказала Слободанка, пока их батиплан делал то, к чему совсем не был предназначен — подлетал к угольно-черному кораблю, по размерам не уступавшему марсианскому рейдеру, но построенному, очевидно, на Земле, причем именно в Западной Конфедерации.

— То есть с тем, что марсиане плохие, вы уже согласны? — поинтересовался Джейсон.

— Нет… да… — Слободанка была сбита с толку. — Да боже мой, Джейсон, я *воевала* с ними! Как вы считаете, могу ли я к ним испытывать симпатию?

— Тем не менее вы их защищаете, — заметил Джейсон.

— Никого я не защищаю! — взорвалась Слободанка. — Я просто не считаю, что убивать пленников правильно.

— Именно так марсиане и поступали, — ответил Джейсон.

— И что, мы с них пример должны брать? — па-

рировала Слободанка.

— A la guerre com a la guerre, — пожал плечами Джейсон.

— Что? — уставилась на него Слободанка. Она явно не ожидала от капитана знания подобных фраз.

— На войне как на войне, — снисходительно пояснил Джейсон. — Это на одном старом языке…

— Французском, я знаю, — машинально ответила Слободанка. — Я не об этом…

— А, не ожидали от меня подобного высказывания? — иронично спросил Джейсон. — Ну да, солдафоны вроде меня книжек же не читают. По крайней мере, в плоском мире уроженцев Кэмп-Дэвида.

— Я из Пьерфона, — возразила Слободанка.

— Да хоть с Беверли-Хиллз, — пожал плечами Джейсон. — Вы…

— А вы, по-моему, ходите по кругу, — вмешалась Сэнума. — И даже не заметили, что нас уже затащили в ангар.

— Так, — сказал Джейсон. — Сейчас начнется самое интересное!

Слободанка проверила свое оружие — и то, что она взяла с собой из дома (и о котором уже дважды благополучно забыла — и в Ремансу, и на

станции), и новое, добытое в бою в «Фукусиме».

— А вот это лишнее, — сказал Джейсон, заметив ее приготовления. — Стрелять нам точно не придется.

— Почему? — удивилась Слободанка.

— Сами увидите скоро, — ответил Джейсон.

Ждать пришлось недолго. Двери ангара открылись, и в них спешно вошла группа людей. Сначала Слободанка вздохнула с облегчением — на вошедших была форма Планетарных Сил безопасности. Не такая, как у команды Джейсона, более простая, но определенно это была форма ПСБ, причем именно Западной Конфедерации.

Затем что-то показалось Слободанке странным. Она не сразу поняла, в чем дело, но когда поняла — удивилась и даже немного испугалась. Вошедшие были похожи между собой как две капли воды! Клоны? Но клонирование было запрещено еще полтора столетия назад!

Вошедшие первым делом подошли к капсуле, вскрыли ее и выпустили на свет божий… еще одну группу своих двойников!

— Я должен был догадаться, — пробормотал Джейсон с каким-то непонятным весельем в голосе. — Ну кто же еще это мог быть?

После этого «клоны» развернулись и направи-

лись к батиплану Сэнумы.

— Ну, все, — сказал Джейсон. — Вот сейчас начнется цирк.

— Цирк? — не поняла Слободанка. — Это такое древнее представление с дрессированными животными?

Джейсон кивнул. Сэнума тем временем открыла обтекатель батиплана. Ёрикоби принюхался, потом тихо зарычал.

— Собаки умнее людей, — отметил Джейсон. — Добрый день, офицер, — обратился он к одному из подошедших двойников. — Благодарю вас за спасение. Особая благодарность…

— Капитан Джейсон Макдермит, — прервал его тот, к кому обратился Джейсон. Голос офицера был искаженным, но определенно женским. Только сейчас Слободанка поняла, почему все пээсбэшники были на одно лицо — они носили голомаски. — Прошу вас сдать оружие, пока вы находитесь на борту «Рефорджера».

— Руку мне оторвешь? — уточнил Джейсон.

— Руку вашу мы блокировать можем, — ответила женщина, видимо, бывшая командиром подразделения. — Я имею в виду ту штуку у вас за поясом. И ваш ножичек.

— Мне сказали, что это называется «ниндзя-

то», — ответил Джейсон, протягивая женщине меч. Когда та забрала «ножичек» капитана, Джейсон вынул револьвер и протянул ей. Револьвер она тоже забрала.

— Простите, — сказала Слободанка, — и представьтесь, пожалуйста.

— Оружие сдайте. Мое имя и звание нашито на грудной панели, — с неприязнью ответила женщина. — Но, если вам интересно, *капитан* Зулу. Кстати, Джейсон, прошу назвать сопровождающих тебя гражданских лиц.

— Это Сэнума Юми, профессор кибернетики, — сказал Джейсон с неохотой, — и ее верный спутник Ёрикоби-сан, пес, который по уму даст фору очень многим.

Ёрикоби от удовольствия надулся как шарик и даже вильнул пару раз своим роскошным хвостом-султаном.

— А милая леди рядом со мной — Слободанка Вуич, репортер…

— Джейсон, — перебила его женщина-офицер. — Ты же знаешь, что гласит параграф сто девяносто седьмой *нашего* кодекса? Никакие представители средств массовой информации не могут…

— То есть, по-твоему, ее не надо было спа-

сать? — подался вперед Джейсон. — Предлагаешь выбросить ее в море?

— Хватит! — оборвала его собеседница. — Об этом, конечно, речи не идет, но присутствие на борту журналиста…

— Я не просто журналист, — сказала Слободанка, — я еще и квартальный офицер-инспектор Сил Планетарной обороны. Я приносила присягу…

— Мы не являемся частью Сил Планетарной обороны, — оборвала и ее женщина. — Мы — Планетарные Силы безопасности и находимся в прямом подчинении сенатора Уоллеса!

Джейсон фыркнул. Предводительница «клонов», как про себя окрестила новых бойцов Слободанка, обернулась к нему:

— Что смешного я сказала?

Вместо ответа Джейсон поднял вверх руку. Три пальца он прижал к ладони, а два — указательный и средний — растопырил в форме буквы V. И тут же в этом промежутке появилась голограмма того самого сенатора Уоллеса.

— Меня зовут Рой Уоллес Четвертый, — представился виртуальный образ крестного Слободанки. — Я — сенатор Западной Конфедерации, главнокомандующий Сил Планетарной обороны Западной Конфедерации. Я — один из трех

людей на Земле, наряду с моим коллегой из Восточной Федерации и Генеральным секретарем ООН, имеющий право объявлять войну, чрезвычайное положение и предоставлять особые полномочия. В соответствии с параграфом один сто сорок четыре Положения о Планетарных Силах безопасности, уведомив упомянутых выше коллег, я наделяю подателя сего, капитана ПСБ Джейсона Макдермита, и его спутников особыми полномочиями согласно мандату и требую, чтобы каждый подданный Земли, независимо от его государственной и ведомственной принадлежности, оказал им всю необходимую помощь. В случае уклонения от оказания помощи любое лицо будет подвергнуто судебному преследованию по статье двести восемь Уголовного кодекса ООН в любой точке Земной Сферы и за ее пределами. Данный приказ занесен в базу приказов Планетарных Сил безопасности за регистрационным номером двадцать два — тридцать четыре дробь шесть нулей одиннадцать. Приказ находится в открытом доступе на концентраторе Сил Планетарной безопасности. — И голограмма крестного, строго взглянув на командира экипажа корабля, не то спасшего, не то пленившего Слободанку, исчезла.

— Я проверю, — сказала женщина; было видно, что она несколько обескуражена.

Слободанка попыталась ее урезонить:

— Я действительно нахожусь здесь не как репортер, а как…

— Гость, — голографическая маска женщины выдавила из себя улыбку, — дорогой гость. Но вы находитесь не на фешенебельной яхте, а на крейсере Планетарных Сил безопасности. А поскольку, согласно распоряжению сенатора Уоллеса, мы отвечаем за вашу безопасность, нам придется вас изолировать.

Джейсон всплеснул руками:

— Ну это уже ни в какие ворота не лезет! Не думай, что тебе это сойдет с рук! Когда мы прибудем в Перл-Харбор, я обязательно проинформирую сенатора о том, что ты держала нас в кутузке во время перелета.

Голограмма улыбнулась вновь — более искренне, но менее приязненно:

— Кто говорит о камерах? Для вашей изоляции мы предоставим вам нашу кают-компанию. Условия там, конечно, не такие, как на вашем «Акуиллоне»…

— Мой «Акуиллон» погиб, — глухо сказал Джейсон.

— …какие *были* на вашем «Акуиллоне», — поправила себя женщина, — но других нам не положено. Зато мы предоставим вам личного стюарда, увы, только одного — второй вышел из строя от ветхости, и обеспечим доступ к робокухне. Чем, как говорится, богаты…

Джейсон встал с кресла и, перемахнув через борт батиплана, оказался прямо перед командиром «клонов». А Слободанка подумала: как же она будет выбираться из этого плавсредства? В отличие от Джейсона, у нее не было навыков сигать с шестифутовой высоты — именно на таком расстоянии кабина батиплана располагалась над полом. В итоге спустилась она по трапу, который, как оказалось, имелся на борту аппарата Сэнумы.

Пока они с Сэнумой и Ёрикоби выбирались, Джейсон сказал своей оппонентке:

— Я слышал, что Зулу Девятый погиб в самом конце последней войны. Мы были знакомы. Не знаю, за что он *загремел* к вам, но он был порядочным человеком.

Я думал, что после него опергруппой будет командовать Браво. Я знал его, и в данном случае куда лучше, чем хотелось бы. Он тоже порядочный человек, слишком порядочный, чтобы

быть… здесь. Но вместо него я вижу тебя — выскочку, которая думает, что знает все. Я не знаю, кто ты, не знаю, в чем твоя вина, — и не хочу знать. Но эта Спецкоманда не зря называется… так, как называется. Может, тебя и удастся перековать, но пока, увы, мое мнение о тебе не слишком хорошее.

— Я тоже о вас невысокого мнения, — парировала женщина. — Считаю, что вас переоценивают. Для командира вам не хватает беспристрастности. Впрочем, не мне решать, кто достоин, а кто нет.

— Лучше бы Спецкомандой командовал Браво, — упрямо повторил Джейсон. — Надеюсь, он жив?

Голографические маски, очевидно, не отражали эмоций тех, кто скрывался под ними; они могли их передавать, но по большому счету лица «клонов» не выражали ничего. Собеседница Джейсона на первый взгляд тоже оставалась бесстрастной, но Слободанка могла поклясться, что вопрос Джейсона «пробил брешь в ее броне».

— Я тоже на это надеюсь. И… не считайте меня монстром. Я лишь выполняю свой…

Джейсон напрягся, даже подался вперед; отчего-то последние слова его заинтересовали,

хотя, на взгляд Слободанки, в них не было ничего особенного — просто попытка оправдаться. Но договорить Зулу не дали.

— Капитан, — ожила внутрикорабельная связь, — Браво на связи! Он внизу и говорит, что утонет, если его не вытащат из этого океана… не буду описывать, как он его охарактеризовал.

Маска Зулу снова криво улыбнулась.

— Вот и ответ, — сказала Зулу. — Я скажу Эхо, чтобы вас провели в кают-компанию. Лететь мы будем долго — корабль только из патруля, и на прыжок не хватит энергии. Честь имею.

— Честь имею, — неохотно буркнул Джейсон. От компании «клонов» отделилась одна из фигур — более субтильная, чем остальные. Слободанка могла поклясться, что это женщина. Впрочем, голос этого члена экипажа не был ни мужским, ни женским, а был совершенно нейтральным:

— Следуйте за мной. Прошу не задавать вопросов — как вы знаете, наш кодекс жестко регламентирует, что мы можем говорить, а о чем вынуждены молчать. И последнего намного больше, чем первого.

* * *

Барахтаясь в неправдоподобно спокойном море, словно и не было никакого цунами, Браво внезапно понял, что не знает, как связаться с «Рефорджером». Коммуникатора дальней связи у него не было, не положен он был членам этой Спецкоманды. А мыслесообщения имели ограничения по дальности, равно как и коммуникатор ближнего действия. И хотя «Рефорджер» по-прежнему висел в небе над местом боя, надежды на то, что Браво с него заметят, были призрачными.

— Как же мне до вас докричаться? — подумал вслух Браво.

«Я могу попробовать организовать канал коммуникации», — пришла ему в голову мысль, однозначно принадлежащая не ему, а Амели.

— Ты же вроде не могла этого делать, когда «Рефорджер» перековывал твою «Немезиду», — усомнился Браво.

«Я — самообучающаяся система, — мысленно ответила ему Амели. — К тому же мне стали доступны те знания, которые есть у вас, поскольку мы с вами общаемся мысленно».

— Подслушиваешь мои мысли? — улыбнулся Браво. — Ну подслушивай, чего уж там. А ты

правда можешь связаться с «Рефорджером»?

«Честное скаутское», — ответила Амели. Браво поежился: этот ответ вновь пробудил воспоминания. Другие сочли бы их, пожалуй, приятными — Браво вспомнил, как ходил с отцом в патрули по берегу Медвежьего, превращенному в национальный парк, как удил с ним рыбу на ранней зорьке…

Всего этого больше нет. И не будет никогда. Браво почувствовал, как внутри него поднимается новая волна гнева, но она моментально спала — как будто легкий ветерок подул. В этом ветерке послышался знакомый голос Амели:

«Нет. Не сейчас. Гнев — могучее оружие в руках… — следующее слово Браво не понял, — но гнев может легко поработить тебя, сделать своим оружием хаоса и разрушения. Однажды это произошло, и те, кто пошел у него на поводу, запросили дорогую цену… Приготовься говорить — “Рефорджер” на связи».

Голос Амели сменил другой — голос Квебека, радиста «Рефорджера»:

— Браво? Живой?!

— Живой, — подтвердил Браво, — но если вы меня не вытащите из этой мокрой задницы, могу пойти на дно.

— Сейчас сообщу капитану! — обрадовался Квебек. — Она тут Лиму взгрела, по мыслесвязи, конечно. Тот говорил, что ты выжить не мог, а она…

— А какого черта Зулу на борту мыслесвязью пользуется? — удивился Браво. Квебек хохотнул:

— Так у нас на борту гости. Те ребята, которых вы спасли. Ты не поверишь кто.

— Япошки какие-нибудь, — предположил Браво. Он и забыл, что изначально «Далила» гонялась за какой-то подводной крохотулей. Сам Браво точно никого не спасал, он делал привычное дело — уничтожал марсиан.

Странно… свою ненависть к черным трансплантологам Браво перенес на марсиан, перенес автоматически, еще не зная, что те как-то связаны с Триумвиратом. Это было логично — Фишер, верховный полуправитель Марса, когда-то был представителем Биг Фармы, и на Марс его сослали потому, что он заигрался в бога — устроил жуткую эпидемию в своих шкурных интересах. Потом одумался, помог с ней справиться, причем бескорыстно… хотя как сказать — если бы не это, его бы не на Марс, а на фарш отправили бы.

Фишер жил уже третье столетие; это было странно, хотя достижения современной меди-

цины сильно замедлили старение, особенно у «специальных» людей — спейсменов, фрогменов, симбиотиков, полукиборгов…

…и бойцов Спецкоманд. По человеческим меркам Браво было уже за семьдесят; биологически же он остался таким же, как и тридцать лет назад, когда боец Планетарных Сил безопасности, только что получивший капитана Джейсон Макдермит, приставив к его виску кольт, сказал:

— Только не дергайся. Тебе не уйти, на тебя всех собак спустили. Сдашься мне — и я найду способ спасти твою жизнь.

— Зачем? — спросил будущий Браво, а тогда все еще Уильям Грант, или, точнее, Черный Билл. — Может, я хочу умереть.

— Умирают дураки, — ответил Макдермит, — умные живут. Тебе не для кого жить? Может быть, и так, но где-то в Земной Сфере наверняка есть тот, кто нуждается в Уильяме Гранте.

Наверное, если бы Билл услышал эти слова от кого-то другого, он не поверил бы им. Такое часто говорят неискренне. Из сожаления, чтобы подчеркнуть свою правильность… Люди чертовски неискренни в своих сочувствиях; умение сопереживать — очень редкий дар, пожалуй, более редкий, чем истинная телепатия.

Но Джейсон, вероятно, владел этим даром. Черный Билл поверил ему. Когда Уильяма Гранта приговорили к высшей мере наказания — социальной деконструкции, стиранию личности, он нашел в зале суда голограмму Джейсона. Тот успокаивающе улыбнулся ему, и почти сразу голографический судья добавил:

— По ходатайству капитана Джейсона Макдермита подсудимому предоставляется шанс сохранить свою личность — ради искупления своей вины…

— Все, я сообщил капитану, — обрадовал его Квебек. — Честное слово, прямо не верится… Никто еще не обменивался мыслеграммами на таком расстоянии, без прямой видимости.

— «Жажда служить обществу делает меня сильнее», — издевательским тоном процитировал Браво девиз их Спецкоманды, а сам подумал: неужто Амели, лежащая в герметичном кармане его куртки, работает ретранслятором мыслеграмм? — Так кто там у нас в гостях, ты так и не сказал.

— Глава акуиллонцев, — ответил Квебек, — Джейсон Макдермит собственной персоной, да еще в компании не то племянницы, не то крестницы самого Уоллеса.

* * *

— Пожалуйста, не сердитесь на Зулу, — сказала Эхо. — Вы же знаете, какая у нас Спецкоманда.

— Was wissen Zwei, wisst Schwein, как говорят на Марсе, — ответил Джейсон. — Надеюсь, в вашей кают-компании найдется какая-нибудь выпивка? А за колоду карт я могу даже подарить вам крепкий поцелуй, не обращая внимания на рожу солдата Дьюка на вашей голомаске.

— Карты найдутся, — смутилась Эхо, — а что касается выпивки, вы же знаете, у нас с этим строго.

— То есть вообще ничего? — удивился Джейсон. Тем временем они дошли до кают-компании, которая выглядела действительно аскетично. Голопроектор, синтезатор пищи, гордо называемый робокухней, кофейный автомат на столике, небольшой шкаф со встроенным 3D-принтером, несколько столиков и скамеек — по мнению Слободанки, забегаловка в Ремансу выглядела побогаче, чем место отдыха этой Спецкоманды Планетарных Сил безопасности.

Название «Рефорджер» Слободанке ничего не говорило, однако среди штатских ходили слухи о какой-то Спецкоманде штрафников. Как и всякие

слухи, они изобиловали кровавыми и неправдоподобными деталями.

Например, говорили, что всем бойцам этой сверхсекретной Спецкоманды придают одинаковую внешность. Слободанка, впрочем, не прислушивалась к таким слухам, считая их конспирологией. Выходит, зря.

— Ну, если вы не имеете ничего против лунного бренди сепараторной очистки… — протянула Эхо, подходя к шкафу с принтером. Джейсон громогласно расхохотался, что насторожило Слободанку: подобное поведение, равно как и фривольные подкаты, для капитана были нехарактерны, хотя… знакома с ним Слободанка была всего два дня — кто его знает, какой он на самом деле.

— Боже Вседержителю, сепараторный лунный бренди из технического спирта с эссенцией для уничтожения гидропонных паразитов! Да это же просто амброзия и нектар в одном флаконе. Слободанка, Сэнума, вы как?

Сэнума промолчала; она почему-то молчала с момента прибытия на крейсер, хотя подавленной не выглядела, скорее задумчивой. Слободанка отрицательно покачала головой — употребление алкоголя давно считалось уделом маргиналов.

Настолько давно, что это успело закрепиться на генетическом уровне.

— А маленькой толстой собаке, конечно, никто ничего не предлагает, — заметил Ёрикоби, висящий на руке у Сэнумы. Та удивленно воззрилась на своего питомца:

— Ёрикоби-кун! Стыдись! Ты понимаешь, о чем говоришь?

— Я бы все равно отказался, — сказал Ёрикоби, — но сам факт подобного предложения был бы для меня приятен.

Эхо, порывшись в закромах «Рефорджера», извлекла оттуда пузатую емкость без надписей, почти прозрачный бокал, очевидно только что напечатанный на принтере, и упаковку странных пластинок. Когда Ёрикоби заговорил, она едва не выронила все это:

— Он… разговаривает?

— Иногда даже больше, чем надо, — ответил Джейсон. Ёрикоби возмущенно фыркнул.

— Но ведь он… я имею в виду, он же собака!

Ёрикоби хотел возмутиться, но Джейсон его опередил:

— Не просто собака, а королевских кровей. Да еще и разумная, единственная в своем роде. Другой такой не найти. Лично про себя могу сказать

— этот песик заслужил мое уважение. А это, согласитесь, немало.

— Согласна, — машинально кивнула Эхо. — Знаете… я ведь так хотела завести себе собаку в детстве, но мой отец считал, что это недопустимая роскошь, хотя и мог себе это позволить. Если бы у меня была собака, возможно, я не оказалась бы здесь…

— Вы ошиблись, — сказал Джейсон. Эхо отрицательно покачала головой, но Джейсон добавил: — Вы не взяли второй бокал.

— Зачем? — удивилась Эхо.

— А разве вы не выпьете со мной? — спросил Джейсон. — Пить в одиночку — признак алкоголизма.

Слободанка вспомнила бутылки на столике Джейсона в Ремансу и хмыкнула.

— Но это ведь нарушение параграфа… — начала было Эхо, но Джейсон ее остановил:

— Двадцать второй параграф вы только что нарушили. Одно из двух: либо вы очень неопытны, либо, наоборот, чересчур хитры. Так что наливайте. У меня есть к вам вопросы, а у вас наверняка есть вопросы ко мне.

Эхо послушно налила в бокал бренди и протянула Джейсону. Цвет бренди напоминал

свернувшуюся кровь. Джейсон взял бокал и подождал, пока она распечатает себе другой. Налив себе виски, Эхо не сразу подошла к капитану. Вместо этого она наклонилась к скамейке, на которую Сэнума усадила Ёрикоби, и положила перед ним белую пластинку в развернутой оболочке из фольги:

— Простите, сэр, — сказала она псу. — У меня нет ничего лучше этого. Это всего лишь пастила, ее можно купить в любом магазине Комарова или Армстронг-сити, но нам она достается редко.

Ёрикоби посмотрел на Эхо. Слободанка заметила, что глаза пса стали необычно грустными.

— Ну что вы, — сказал он. — Я весьма польщен, и это для меня большой дар. Благодарю вас, я с удовольствием съем его. Я люблю сладости.

— Даже чересчур, — добавила Сэнума. Слободанка заметила, что она нервничает. Впрочем, сама Слободанка тоже чувствовала себя не в своей тарелке — по другой причине. Репортерская жилка говорила ей о том, что она, возможно, первый репортер на борту корабля этой Спецкоманды и репортаж об этом стал бы мегасенсацией.

А человеческая часть возражала: есть такая информация, которую не стоит предавать огласке. Безопасность человечества дороже любых сенса-

ций. И Слободанка знала, кто прав и кто победит в этом споре.

Она подошла и присела рядом с Сэнумой. А разговор Джейсона с Эхо продолжался:

— Не зря говорят, что вы — самый крутой из всех бойцов ПСБ, — сказала Эхо, приподнимая бокал с бренди. — И не только на поле боя. Прозит?

— Прозит.

Значение этого древнего тоста, наверно, не вспомнил бы никто в Земной Сфере, и даже языка этого уже фактически не существовало, но тост продолжали провозглашать — от океанских глубин до трансурановых далей.

— Мне безбожно льстят, — добавил Джейсон, когда они с Эхо сделали по глотку. — Не забывайте, у меня в Спецкоманде есть свой разведчик.

— Кто же может забыть божественную Софию, — ответила Эхо с восхищением в голосе. — Увы, я ей никогда не смогу быть конкурентом. У меня не так много практики общения — по понятным причинам…

— Может, оставим их наедине? — спросила Слободанка у Сэнумы. — Вы пьете кофе? Я видела здесь кофейный автомат.

Сэнума слабо улыбнулась:

— Я бы с удовольствием, но совершенно не

переношу кофе.

— Наш аппарат умеет заваривать чай, — сообщила Эхо, — в том числе зеленый. А если вы проголодались — у нас хорошая робокухня. Она умеет готовить и японские блюда.

— От чашечки чая с моти я бы не отказалась, — оживилась Сэнума. — Ёрикоби, хочешь моти?

— Когда я от них отказывался? — проворчал Ёрикоби. — Я, правда, только что съел вкуснейшую пастилу, но моти лишними не будут. — И хин грациозно, несмотря на плотную конституцию, спрыгнул с диванчика. Эхо бросила на него быстрый взгляд, Ёрикоби это заметил:

— Спасибо, леди, ваша пастила была очень вкусной.

— Рада, что вам понравилось, — ответила Эхо, и Слободанке вновь показалось, что она смутилась.

* * *

В ангаре Браво встречала Зулу. И больше никто, хотя Браво был уверен, что по крайней мере Папа должен был бы присутствовать.

— Папа немного занят, — пояснила Зулу вместо приветствия. — Он обследует Марка и его руку.

— Что-то не так? — спросил Браво.

— Наоборот, все как-то слишком хорошо, — ответила Зулу. — Кроме того, что его рука представляет собой биопротез с непонятным функционалом. Надеюсь, ты вытащил свою Амели? Боюсь, когда мы доберемся до подходящего оборудования, у руководства появится к ней масса вопросов.

— Если она сможет на них ответить, — сказал Браво. — Ее память изрядно почистили. Кстати об оборудовании — мы могли бы взять одного из наших андроидов…

— Наши андроиды — табельное имущество, — отрезала Зулу. — Не говоря уж о том, что по закону, кажется, две тысячи пятьдесят второго года мы обязаны брать у них разрешение на подобные манипуляции.

— Ладно, — согласился Браво, — подождем до базы. Я слышал, у нас в гостях Джей… м-м, мистер Макдермит? Могу я его увидеть?

— Не так быстро, — ответила Зулу. — Не раньше, чем ты сдашь слепок своей кратковременной памяти.

— Это еще зачем? — удивился Браво.

— Это стандартная процедура, — объяснила Зулу.

— Настолько стандартная, что мы ее постоянно

игнорируем? — спросил Браво.

— Не в этом случае, — ответила Зулу.

— Почему? — спросил Браво.

— А сам ты не понимаешь? — ответила вопросом на вопрос Зулу. — Или, по-твоему, все, что произошло, нормально?

— Мир вокруг нас ненормален, поэтому… — пустился в философию Браво, но Зулу его перебила. Подойдя к Браво, она сунула ему под нос пятерню с растопыренными пальцами:

— Во-первых, марсианский рейдер в пределах земной атмосферы, — она загнула мизинец. — Его здесь не могло быть. Хорошо, может, это был мифический «призрак», о которых пока только слухи ходят, хотя как иначе на Землю мог попасть марсианин, я вообще не представляю. Во-вторых, — она загнула безымянный, — «Троцкий» и все, что с ним связано: мертвые марсиане, странная девочка, атака тварей, атака мертвецов… В-третьих, «Немезида», корабль явно земной постройки, но не числящийся — я проверила! — ни в одном из реестров.

— Ну да, ну да, — согласился Браво, — все это выглядит странно, конечно… и об этом надо сообщить командованию, может, и прямо сэру Уоллесу. Но я-то здесь при чем?

— Как это «при чем»? — удивилась Зулу. — Что это за метка, по которой тебя опознала Амели? Что за ужасное оружие ты применил в бою?

— Это я тебе и без мыслескана скажу, — ответил Браво. — Аннигилятор. Эта пушка заряжена… *была* заряжена антиматерией.

— Антиматерия вызвала бы аннигиляцию, — возразила Зулу. — Причем еще на «дульном срезе» — поскольку мы были под водой, а вода материальна. Даже в воздухе заряд антиматерии моментально аннигилирует, поскольку воздух тоже материален. К тому же это мало походило на выстрел.

— Да? — удивился Браво. — Не заметил.

— Это выглядело как огромное щупальце, — пояснила Зулу. — Там, где это щупальце касалось «Далилы», та теряла структуру, как будто таяла. Правда на антиматерию похоже?

— За что купил, за то и продаю, — буркнул Браво.

— Как ты управлял пушкой? — в лоб спросила Зулу.

Браво пожал плечами:

— Как обычно — мысленно.

— А как заставил ее выстрелить? — наседала на него Зулу.

— Да просто, — ответил Браво, — захотел.

— Вот! — торжественно сказала Зулу. — Тебе не кажется странным, что ты впервые сталкиваешься с технологией и сразу же умеешь с ней обращаться?

— Это земная технология, — ответил Браво, — и у меня был ассистент.

— Не говоря уж о том, что ты сумел спастись с гибнущего на огромной глубине корабля. Тебя не расплющило водой, ты не задохнулся, ты даже кессонную болезнь не поймал…

— Это, кстати, не факт, — заметил Браво. — Папа меня пока не обследовал.

— …и связался с Квебеком мыслеграммой с огромного расстояния. — Зулу вздохнула. — Ты все еще считаешь, что нет оснований копировать твою память?

Голограмма на лице Браво улыбнулась — это был довольно сложный трюк, поскольку голограммы как раз должны были скрывать эмоции, а не проявлять их.

— То, что я считаю, уже давно никому не интересно. Даже мне самому. Но есть вопрос, который я не могу не задать. Зулу, с самого твоего назначения я был колючкой в твоей аккуратной заднице. Вряд ли ты испытываешь ко мне что-то кроме

раздражения. И вот, когда я, по всем расчетам, должен был погибнуть… я ведь думал, что ты разрешила мне спасать Амели только потому, что была уверена — это меня погубит. Ты могла с чистой совестью оставить меня и улететь на Гавайи. Вместо этого ты положила крейсер в дрейф и дожидалась в надежде, что я выберусь. Неужели ты так веришь в меня?

— Неважно, во что я верю, — сказала Зулу, но Браво ее оборвал:

— Нет, важно! *Для меня* важно! В рефорджерах быстро привыкаешь к тому, что от тебя ничего не зависит. Ты можешь спасти мир, но при этом не можешь купить себе жвачку в лунной кантине. Тебя поставили командовать — и я принимаю это, но мне важно знать…

— Да, — прервала его Зулу. — Я остановила крейсер потому, что ждала, что ты выберешься. Но не потому, что ты такой особенный. Я сделала бы это для каждого из вас — для тебя, Папы, Эхо, Янки… для любого. Я ведь раньше…

Браво протянул руку и коснулся ее губ под поверхностью голограммы:

— Параграф двадцать два. Он распространяется на всех, Зулу. И это правильно. Знаешь, здесь неважно, кем ты был — героем или подонком. Пе-

рекуют всех. Здесь неважно, кем ты был. Важно, кто ты сейчас. И в этом смысле «Рефорджер» — самая правильная из всех Спецкоманд.

Глава 13
Недостающий элемент

Втесной кают-компании «Рефорджера» сенатор Рой Уоллес IV выглядел как король на конюшне. Впрочем, если бы его увидел кто-то из живших два-три века назад, он бы не оценил этого. Одет сенатор был по-простому, но это была очень дорогая простота — например, его шорты-бермуды были из натуральной джутовой ткани, квадратный фут которой был дороже акра земли в самом дорогом районе Виктори-сити, а шелковая гавайская рубашка вообще была бесценна. Наверно, даже полярная электростанция в сутки производила меньше электроэнергии, чем стоила такая рубашка. Дополняли ансамбль настоящие кожаные кроссовки на шнурках, произведенные более двух веков назад, и белые хлопковые носки. Руки сенатора были покрыты тактическими татуировками столь сложными, что ни один специалист не смог бы разобраться в их хитросплетениях. Пальцы Уоллеса украшали перстни со скрытой внутри аппаратурой и оружием, на запястьях были браслеты, генерирующие энергетические

щиты, способные выдержать попадание главным калибром марсианского танка.

В кают-компании было буквально не протолкнуться — кроме рефорджеров, а также Слободанки и Сэнумы с Ёрикоби, здесь находились бойцы Спецкоманды «Акуиллон». Акуиллонцы недобро косились на рефорджеров, те тоже украдкой поглядывали на них.

Слободанка сидела рядом с крестным, и уже ни для кого из присутствующих не было секретом то, кем она приходится сенатору Уоллесу. Честно говоря, от этого Слободанке было несколько не по себе, по крайней мере сначала. Потом, однако, она немного привыкла. Дело в том, что бойцы обеих Спецкоманд видели в ней не «девочку-мажора», всем обязанную родственным связям, а приемную дочь человека, которого они, даже рефорджеры, по-настоящему уважали и любили.

Теперь Слободанка знала, кто такие рефорджеры. В судебной практике встречаются случаи, когда человек совершает преступление, но у него имеется какое-то оправдание для этого. У Браво, например, бандиты убили всю семью (об этом Слободанка, конечно, не могла знать), и он начал мстить. В общем, бывает так, что правосудие решает дать человеку второй шанс, и если этот

человек к тому же имеет бойцовские качества, его второй шанс называется «Рефорджер».

Ее окружали преступники — и строгая Зулу, и милая Эхо, не отходившая от Ёрикоби, и заботливый Папа, и грозный, но всегда веселый Браво… которого, кстати, почему-то не было на собрании. Все они были осуждены и приговорены если не к высшей мере наказания, то к очень долгим тюремным срокам. Но Слободанка не испытывала страха. Да мало ли что там было раньше? Главное, что эти люди по сто раз доказали, что они так же любят Землю, как и другие — если не больше.

А еще — они спасли ее вместе с Джейсоном, Сэнумой и Ёрикоби.

— Подведем некоторые итоги, — сказал дядюшка Рой. — Ситуация, мягко говоря, необычная. С одной стороны, мы видим аномально высокую активность Марса в Земной Сфере. К сожалению, нам нечего предъявить их посольству. Даже рейдер «Далила» официально никогда не существовал в марсианском флоте. Конечно, мы были в курсе, что у Марса есть «призраки», рейдеры-невидимки. Мы перехватывали такие корабли и знаем, что невидимки они не всегда, их «невидимость» — это просто умение избегать обнаружения.

О марсианских «спящих» в районах, заселенных маргиналами, мы тоже знали. Суть не в этом, а в том, что Марс бросил все силы на то, чтобы завладеть программой, находящейся у Слободанки на диске. Ниндзя Кушнира и крейсер Триумвирата не просто так прохлаждались в Японии. Они *ждали.*

— Нас? — уточнил Джейсон. Уоллес саркастически хмыкнул:

— Нет, второго пришествия. Конечно вас. Более того, само землетрясение случилось, скажем, не просто так. Триста лет назад берега Тихого океана называли «огненным поясом» — он был окружен множеством вулканов, и землетрясения происходили с завидной регулярностью — в Японии, на Западном берегу США, в Индонезии, в Мексике…

Потом, уже после возникновения Федерации и Конфедерации, восточники разработали программу сейсмостабилизиции. Западная Конфедерация присоединилась к этой программе. Были построены специальные суда, которые находили в океане точки сейсмического напряжения и стабилизировали их, попутно превращая в источники минерального сырья. Были построены подводные города, искусственные острова и атоллы. Работа велась и на суше — например,

мы превратили Йеллоустоунский кластер в огромный промышленный район, где не только добываются полезные ископаемые, но и производятся работы по предотвращению возможных сейсмических проблем. Это не значит, что мы полностью избавились от сейсмической угрозы, но мы ее сильно уменьшили. Больше невозможны такие ужасные катастрофы, как цунами Фукусимы или то, что уничтожило Сан-Франциско и Лос-Анжелес в конце двадцать первого века; тем более такие, как извержение Кракатау, погрузившее мир на шестьсот лет в малый ледниковый период, или катастрофа Санторини, уничтожившая крито-минойскую культуру. Сила землетрясений в наше время не превышает три-четыре балла, и мы умеем предсказывать их за два-три дня до того, как они произойдут.

Тем более странно то, что случилось. В том месте, где возникло нынешнее землетрясение, не было сейсмической активности. Сейчас на месте эпицентра землетрясения работают исследовательские суда Востока и Запада; может быть, нам удастся обнаружить то, что я предполагаю, может, нет, но я более чем уверен — кто-то спровоцировал это землетрясение искусственно. Такие технологии известны, правда, давно не

применяются, они слишком опасны и неконтролируемы. Поправка — не применяются на Земле. Восточная Федерация во время колонизации Венеры и на сейсмически активных спутниках Юпитера прибегала и прибегает к ним. Есть похожие технологии и у марсиан, хотя на Марсе их применение ни к чему, на нем вообще тектоническая активность осталась в очень далеком прошлом.

— То есть, — резюмировал Джейсон, — кто-то, и мы знаем, кто именно, взорвал в океане огромную бомбу, чтобы направить цунами на Фукусиму — и только потому, что там находились мы. Не слишком ли сложно?

— У Японии хорошие Силы Самообороны, — ответил Уоллес. — На Фукусиме на вас напали потому, что со станции сняли охрану в момент эвакуации. Я не знаю, существовал ли у противника план Б, возможно, они рассчитывали, что план А обязательно сработает ввиду масштабности и неожиданности. Однако они не учли наличие Джейсона, справившегося с элитой марсианского спецназа.

— Ну, насколько я понимаю, это были люди не Уорвика, а Кушнира, — сказал Джейсон, — а их элитой не назовешь. Во-вторых, я был не один,

и мои спутники не были мертвым балластом. Слободанка, Сэнума, Ёрикоби — все они помогали мне, и довольно успешно.

Сэнума при словах Джейсона сохраняла невозмутимое спокойствие, а Слободанка почувствовала, что краснеет.

— Вернемся к нашим делам, — сказал сенатор. — В этой истории вмешательство Марса — не самая интересная часть. Очевидно, в ней действует какая-то третья сила. Именно она передала Слободанке диск. Именно она уничтожила марсиан на «Троцком». Кем была та девочка, которая устроила приключения рефорджеров на этом корабле?

— Врагом, — отрезала Зулу. — Она явно пыталась нас убить.

— А ты уверена? — спросил сенатор. — Возможно, это была пусть жестокая, но *проверка*? Зачем вам оставили вполне исправный боевой корабль? Кроме того, бортовой искусственный интеллект корабля, Амели, говорила о какой-то миссии. Мы исследовали сознание Амели, но ее память кто-то словно отформатировал. Самое интересное — никаких упоминаний об этой миссии у нее в памяти нет вообще! Впрочем, у этой загадки есть ответ, и мы его нашли.

Сенатор слегка подался вперед и продолжил:

— Такое впечатление, что кто-то складывает гигантский пазл, и вы оказались его частью. Но что это за головоломка? В руки Слободанки попал диск. Уважаемая Сэнума вытащила с этого диска странную программу на архаичном языке. Она выяснила, что сама по себе программа неработоспособна: для ее активации нужна программная среда, искусственный интеллект совершенно особого типа. Мы бы бились над этой загадкой еще долго, если бы в нашей команде не было нашего замечательного Ёрикоби. Прежде чем познакомить вас с результатами, я предлагаю ему самому немного рассказать о своей работе.

Ёрикоби, очевидно польщенный таким вниманием к себе, вышел на середину кают-компании.

— У людей, — сказал он, — развитие разума шло за счет снижения уровня сенсорного аппарата вплоть до полной потери некоторых чувств, особенно сложных. Сейчас человечество пытается компенсировать эту потерю с помощью различных имплантатов, но до полного решения этой задачи еще очень далеко. А жаль — многие ваши социальные конфликты возникают потому, что у вас просто нет необходимых систем анализа информации.

Например, люди часто по ошибке или сознательно берут чужие вещи. Вещи, которые принадлежат другому. Есть даже оправдание таким поступкам: на них же не написано, чьи это вещи. Так вот, для нас, собак, как раз написано. Если вещь принадлежит какому-то хозяину, она для нас несет ясно различимый отпечаток этого хозяина.

— Но ведь собаки тоже воруют! — перебил его Ли Сицын. Слободанка улыбнулась — она знала, что возмутило огромного акуиллонца. Ли Сицын был, кроме всего прочего, коком «Акуиллона», и Слободанка уже успела оценить его таланты — с такими способностями Ли вполне мог работать в любом, самом фешенебельном ресторане. — Я знаю одну маленькую собачку, которая совсем недавно стащила мясной рулет весом почти два фунта.

— Вообще-то, — сказал Ёрикоби, немного смутившись, — на этой вещи не было признаков того, что она принадлежит вам…

— …потому, что я готовил ее, чтобы угостить команду! — парировал Ли. Ёрикоби потер короткий носик лапкой:

— Я вас умоляю, на всю команду этого маленького кусочка рулета точно не хватило бы. Его

даже для меня было… не очень много.

— Да-да, — покивал Ли Сицын. — Я помню, как уважаемый Ёрикоби лежал и охал: ах, зачем же я объелся! Мне пришлось готовить ему специальный чай для лучшего пищеварения.

Диалог пса и кока вызвал у бойцов обеих Спецкоманд улыбки, но сильно смутил докладчика. На помощь ему пришел сам Рой Уоллес:

— Это несущественно. Я уверен, Ли, что ты приготовишь еще множество рулетов, которые захочется украсть даже мне, несмотря на то что я питаюсь в лучших ресторанах. Ёрикоби, продолжайте, пожалуйста. Ваш вклад стоит намного больше, чем этот рулет.

Смущенный Ёрикоби продолжил:

— Я был специально усовершенствован для работы с информационными системами. Мои собачьи чувства в порядке эксперимента получили возможность распространяться на электронные объекты. Я чувствую поля и излучения, я слышу шепот работающих программ и то, что передается с помощью различных видов связи. Для меня программы имеют те самые признаки, что для обычной собаки вещи. У программы Слободанки был устойчивый «электронный запах». Это была часть чего-то целого, я бы сказал — расширение,

патч. И я был несколько удивлен, отыскав на борту хозяина этой вещи, ту самую «оболочку», в которой эта команда может работать. Более того: теперь уже точно ясно, что программа с диска — только часть, и нам предстоит отыскать недостающие ее элементы.

Ёрикоби оглянулся на Уоллеса. Тот кивнул, и пес продолжил:

— А сейчас мне хотелось бы познакомить вас с хозяином этой программы.

* * *

С давних времен человечество пыталось создать себе подобных. Трудно сказать зачем — люди и между собой-то плохо уживаются. Но факт остается фактом: эта мечта красной нитью шла по истории человечества — от мифа про Пигмалиона и Галатею, от Голема до монстра Франкенштейна. Уже в двадцатом веке эта мечта стала приобретать видимые контуры — в виде роботов и компьютерных программ-ботов.

В конце концов людям удалось добиться того, чтобы программы достаточно убедительно имитировали человеческий разум. Это назвали громким термином «искусственный интеллект», но лишь единицы понимали, что интеллектом

в полном смысле слова это не является. Боты только копировали поведение человека; у них не было своей воли, не было своих желаний. Жуткая страшилка о войне человечества с роботами оказалась лишь страшной сказкой, не более того. Роботы, конечно, используются в войнах. Они умеют сами выбирать цель и уничтожать ее, иногда ошибаются в выборе цели — как и люди; но они убивают не потому, что хотят убивать человеков, а потому, что эти самые человеки отдали им приказ.

Человечество получило своего двойника, свое зеркальное отражение — но полностью несамостоятельное. И на этом успокоилось. Может, именно этого ему и хотелось на самом деле — иметь идеального слугу, синтетического раба, покорную любовницу, ведь сразу же после того, как у людей появились необходимые ресурсы в виде программ и соответствующего «оборудования», одной из самых массовых сфер применения андроидов стала сфера досуга. С андроидом можно делать что угодно — ему нельзя сделать больно, даже если критически его повредить.

Но подобные опыты закономерно привели к тому, что люди потеряли берега и стали переносить агрессию друг с друга на роботов. И тогда

(с помощью не особо адекватных, но полезных фриков-лоббистов в мировых структурах власти) был принят билль о правах андроидов. Искусственных людей уравняли в правах с людьми — и этим полностью лишили коммерческой привлекательности. А там еще подтянулась индустрия имплантатов, совершенствующая самого человека настолько, что он перестал уступать андроиду по показателям живучести, выносливости и так далее, то есть во всем, в чем раньше уступал. Андроиды перестали быть интересны, и их производство потихоньку свернули.

Остатки некогда массового сектора экономики сконцентрировались в нескольких ателье, производящих андроидов поштучно и на заказ, например в качестве двойников политиков (практика уничтожения лидеров, конечно, ушла в прошлое, но береженого бог бережет). Одним из таких ателье владела, в частности, семья Слободанки — кто-то из ее предков был чуть ли не первым в истории создателем «крафтовых» андроидов, и Вуичи унаследовали его дело.

Слободанка знала, что будет, потому что участвовала в этой авантюре. Когда «Рефорджер» приводнился в гавани Перл-Харбора, а Браво скрепя сердце доверил Сэнуме спасенную им

Амели, они со Слободанкой встретились в кают-компании «Рефорджера» — на первый взгляд чисто случайно. Вот только странный канонир рефорджеров, явно смущаясь, обратился к ней с абсолютно неожиданным вопросом:

— Я… в Монреале есть «Вуич-палас»… простите, он имеет к вам какое-то отношение?

— Моя семья давно живет в Пьерфоне, — ответила Слободанка. — Мои предки участвовали в деловой жизни Монреаля, и «Вуич-палас» — один из наших проектов.

— Я… — продолжил Браво, — знал человека, который бывал там. В этом бизнес-центре есть музей-магазин крафтовых андроидов.

— Есть, — подтвердила Слободанка. — Мой дедушка Виктор конструировал андроидов, завел производство. Коммерческого успеха это ему не принесло, но семья сохранила это производство, хотя заказов у нас немного. А что?

Браво молчал, глядя, как в его кружку струйкой наливается кофе. Затем сказал:

— Знаете, Амели изначально была… випочкой. Вам, наверно, известно, что это такое.

Слободанка кивнула.

— Рано или поздно Сэнума закончит работать с ней. Амели станет больше *им* не нужной. Кто

она сейчас? Просто трехмерная интегральная микросхема на кристалле в защитном кожухе…

Слободанка поняла, к чему он ведет, но молчала.

— Они закончат исследовать ее — и что дальше? Допустим, они даже отдадут ее мне — и я буду носить ее в кармане. Вам бы хотелось, чтобы вас носили в кармане?

— Смотря кто, — улыбнулась Слободанка. — Вы, кажется, способны на такое. Но почему вы так привязались к ней?

— Почему? — переспросил Браво. — Наверно, потому, что у нее, кроме меня, никого нет. И вряд ли появится. Знаете, говорят, у андроидов нет души. Дескать, их создали люди и никакой души в них не закладывали. А откуда мы это знаем? Кто может быть в этом уверен?

— Я понимаю, — сказала Слободанка. — Давайте не будем говорить много. То, что… ваш знакомый видел в Монреале, — витрина. У каждой модели на складе есть по нескольку образцов. Если вы укажете мне конкретную модель — я просто подарю ее вам.

— Но ведь они дорогие! — с сомнением в голосе сказал Браво. — У меня есть небольшие сбережения, которые я могу потратить, но я помню,

что цена ваших моделей исчисляется в десятках мегаватт. Оплатить полноценную модель я не смогу. Я бы хотел попросить у вас что-то недорогое, возможно, бракованное…

Слободанка жестом остановила его:

— Мне приятно то, что вы вспомнили о моем музее, о котором я сама почти забыла. Мне приятно, что вы восхищаетесь творениями моего деда и его скульпторов-инженеров. И мне приятно то, что у вас сердце, способное позаботиться даже об искусственном интеллекте — только потому, что он никому, кроме вас, не нужен. Мои андроиды пылятся на складе… нет, конечно, не пылятся, они упакованы в силовое поле, предохраняющее их и от пыли, и от влажности, и от всего остального. Но эти прекрасные творения никому не нужны. У нас бывает одна сделка в полгода или реже, и все продажи с того момента, как я научилась говорить, не достигли и сотни. Почему бы мне не подарить вам одного из моих андроидов? Любого, на ваш выбор.

«А жаль, что голомаска не передает эмоций», — подумала Слободанка. Ей бы хотелось увидеть глаза Браво в эту минуту. Она могла бы поспорить, что после ее слов грустные глаза Браво вспыхнули радостью. Она бы хотела видеть это.

— Я пожизненно осужденный, — глухо сказал Браво. — И никогда живым не выйду на свободу. У меня нет ничего, кроме счета в банке, очень небольшого. И я не знаю, как иначе смогу отблагодарить вас, Слободанка. Но я буду очень обязан вам за это.

— Просто назовите модель, — улыбнулась Слободанка. — И относитесь к ней так же хорошо, как сейчас. Было время, когда люди отрекались от Бога, отрекались от своей души и считали себя просто очень высокоразвитыми животными. Это время ознаменовалось двумя самыми страшными и кровопролитными войнами в истории… Есть ли у андроидов душа? Мне это неизвестно. Душу нельзя ни потрогать, ни увидеть. А вдруг есть?

— Я уверен, что есть, — ответил Браво. — Нельзя все объяснить программой, какой бы сложной она ни была. И будьте уверены, я буду беречь Амели и заботиться о ней так, будто у нее есть душа.

* * *

Эта женщина погибла — давным-давно. Еще не было Великой эпидемии, а мир был поделен на национальные государства. Однажды женщины всего мира перестали рожать, и какой-то изверг

придумал, как создавать детей, перерабатывая части тел их матерей. Женщина теряла руку или ногу, но получала ребенка.

Эта женщина была лицом программы «Дети R». Изящная, хрупкая балерина, вначале лишившаяся руки ради ребенка, а затем — решившаяся отдать обе ноги за близнецов. Какой-то маньяк убил ее. Остались только записи ее выступлений да надгробная скульптура на кладбище где-то в Восточной Федерации. Неизвестно, почему именно она вдохновила самого Виктора Вуича, деда Слободанки, но одна из его моделей в каталоге именовалась «Вера Вуич» и была точной копией той давным-давно погибшей балерины.

Эта модель была особенной. Дед Слободанки исследовал возможности конструкции искусственного тела. Он придал ей не просто полное анатомическое сходство с человеком, но и потрясающую гибкость, внушительную физическую силу, чрезвычайно быструю реакцию. Всего этого Браво не знал, когда выбирал новое тело для Амели. Внешне «Вера Вуич» была просто невысокой, хрупкой женщиной, изготовленной столь совершенно, что от ее вида непривычного человека бросало в дрожь. С установленным внутрь личностным блоком Амели она вообще ничем

не отличалась от человека, и, если бы сенатор Уоллес заранее не подготовил команду, вряд ли на новенькую обратили бы такое внимание, как тогда, когда под руку с каноником рефорджеров она вошла в забитую людьми кают-компанию.

— Здравствуйте, — сказала спутница Браво. — Меня зовут Вера-Амели, и кое с кем из вас я хорошо знакома. Марк, как ваша рука?

— Я даже не заметил, что что-то поменялось, — ответил тот. — Как родная! Если бы мне Папа не рассказал про ампутацию — не поверил бы.

— Рада за вас, — улыбнулась Вера-Амели. Улыбка у нее была застенчивой. — Я старалась.

— Итак, — сказал Рой Уоллес, — теперь, когда вы познакомились, начинается время приказов. Во-первых, Вера-Амели зачисляется в состав команды «Рефорджер» на правах вольноопределяющегося. Ввиду ее особого статуса на нее не распространяются ограничения кодекса «Рефорджер». Должность Веры-Амели — штурман-лоцман. Тот элемент программы, о котором я говорил, является патчем к искусственному интеллекту *именно этого* андроида. Патч имеет сложную структуру — его части зашифрованы ключом, который автоматически срабатывает по достижении определенного места. Проще гово-

ря, Вера-Амели — ваш проводник в следующем рейде.

Далее, в настоящий момент заканчивается постройка нового крейсера для команды «Акуиллон». Это будет корабль нового типа, и он потребует увеличения числа бойцов команды. В связи с этим я принял решение подчинить команду «Рефорджер» команде «Акуиллон», пока на временной основе. Таким образом, предстоящий рейд будет проводить команда «Рефорджер», но к ней будут прикреплены в качестве кураторов три офицера «Акуиллона» — капитан Джейсон Макдермит и еще двое по его выбору. Также в рейд отправятся Слободанка Вуич и Сэнума Юми с Ёрикоби — во-первых, потому, что опасность для них еще не миновала, а во-вторых — без присутствия Слободанки может не сработать дешифратор программы, а Сэнума с Ёрикоби будут контролировать правильность работы этой программы в целом. К тому же они сами просили меня отправить их с вами. Я уверен в них, и, если кто-то хотел что-то сказать о штатских в Спецкоманде, пусть прикусит язык, или я сам его вырву.

Рейд будет проверкой для вас. Мне нужно, чтобы вы показали высокие бойцовские качества, высокую слаженность, умение действовать

в сложной и непонятной обстановке. Если вы проявите выдающиеся личные и, главное, командные данные — награда будет более чем щедрой. В знак того, что это серьезно, я разрешаю членам команды рефорджеров посетить береговую кантину «Сильвер Джек», которая будет закрыта на спецобслуживание, а бойцам «Акуиллона» выдается полная увольнительная олл инклюзив до одиннадцати ноль-ноль завтрашнего утра. Только прошу, не разнесите Перл-Харбор, мне этот городишко по душе.

Подобное весьма щедрое вознаграждение не могло не вызвать у обеих Спецкоманд всеобщего ликования.

* * *

Слободанку и Сэнуму с Ёрикоби сенатор пригласил в свою штаб-квартиру. Штаб-квартира представляла собой большой особняк в колониальном стиле, построенный на террасе на склоне горы в парке Уотершед Форест. Особняк как бы нависал над бухтой Перл-Харбора, и с его обширной террасы, украшенной статуями и фонтаном, в котором мраморные нимфы лили воду из кувшинов, как на ладони был виден весь Гонолулу, превращенный в базу Планетарных

Сил безопасности Западной Конфедерации. Внизу к небу устремлялись огромные магнитные катапульты сверхтяжелых ракет, возвышались стапели, на которых строились мощные крейсеры и боевые станции, дремали на рейде корабли ПСБ. Кроме «Рефорджера» здесь были и другие крейсеры, и корабли поменьше, и даже корабли побольше — например, флагманский корабль сенатора «Констеллейшен», семисотметровый гигант, взлетающий в космос с воды без всякой катапульты, только за счет потенциала восьми огромных турбин, работавших на топливе КР.

Впрочем, Слободанка не особо интересовалась происходившим внизу. За прошедшие несколько дней она немного устала, и несколько часов, проведенных в компании крестного, среди пиний, окружавших террасу, или в большой библиотеке особняка с настоящими, бумажными, а не гипнокнигами, — то, что ей было нужно. Сэнума была несколько отстраненной; Ёрикоби, наоборот, потеряв всякую солидность, меховым шариком носился по террасе, гоняясь за какими-то крохотными птичками, живущими в окрестном парке.

Сенатор, которого то и дело отвлекали сеансы связи, велел сервировать обед на террасе и, извинившись, удалился в кабинет — отдать, как

он сказал, необходимые распоряжения. Пользуясь отсутствием дяди, Слободанка предложила Сэнуме пройти в библиотеку особняка — она довольно неплохо ориентировалась в доме, так как уже здесь бывала. Сэнума, которая так же любила книги, как и Слободанка, хотя вкусы их в чтении различались, с удовольствием согласилась — и была вознаграждена лицезрением огромной коллекции редких книг по электронике, отыскавшихся в библиотеке. Схватив огромный том с нечитаемым названием, японка уселась на одном из диванчиков-подоконников и углубилась в чтение. А Слободанка подошла к большому рабочему столу, как всегда заваленному теми изданиями, с которыми сейчас работал ее крестный.

Не все книги были оцифрованы; конечно, всегда можно было обратиться в большие библиотеки Западной Конфедерации или Восточной Федерации, где можно было найти почти все… почти, но не все. Кое-что не уцелело вовсе, кое-что не было оцифровано и имелось только в немногочисленных и раритетных бумажных изданиях. А еще Слободанка подозревала, что Рою Уоллесу, как и ей самой, просто нравится иметь дело со старинными книгами. Ну и не стоит сбрасывать со счетов то, что это подчеркивало высокий ста-

тус и врожденный аристократизм читателя.

Прижатая по краям несколькими увесистыми гроссбухами, на столе лежала груда старых карт. Слободанка ознакомилась с содержимым книг — ничего интересного, просто перечни какого-то оборудования, даты поставок… Карты были интересны. Они изображали одно и то же — небольшой остров с указанием имеющихся на нем поселений, гор и прочего. Остров Слободанке был незнаком.

На самой верхней карте красным карандашом (вещь жутко древняя, ими когда-то писали и даже рисовали!) на море рядом с островом был нарисован кружок и поставлен знак вопроса. Карандаш лежал тут же. Пока Слободанка пыталась понять, что это значит, в библиотеку пришел сенатор.

— Все пытаешься выведать мои секреты, пигалица? — спросил он у Слободанки. — Увы, нет у меня никаких секретов, которыми я бы не поделился с тобой. Карты — это остров Норфолк, пустынный остров у берегов Анзака. Раньше там жили люди, но потом остров приобрела частная компания, дочка «Фишер Групп» — уже после того, как Фишера вышвырнули на Марс. Бывший его исполнительный директор, некто Спенсер, прибрал к рукам собственность нынешнего обер-

комиссара и зачем-то купил остров. Потом он заказал туда уйму всякого оборудования — кажется, он горел желанием построить на острове частный космодром или еще что-то в этом духе. Он даже купил несколько списанных космических кораблей, но… — Сенатор жестом подозвал андроида с подносом, взял с него бокал с вином, один из трех, и указал тому на Слободанку. Слободанка тоже взяла у андроида бокал, и тот направился к Сэнуме, а Уоллес продолжил:

— Космонавтика оказалась слишком сложной областью для частных компаний — даже тех, которые поддерживало государство. А Спенсер был одиночкой. Что случилось на острове, мы не знаем, но там произошла какая-то ужасная катастрофа. Возможно, рванула ракета-носитель, хотя, кажется, у Спенсера была одна из самых первых космокатапульт. В общем, остров превратился буквально в земной ад.

Он пригубил вино, Слободанка последовала его примеру. Вино оказалось вкусным, хотя Слободанка не жаловала алкоголь.

— Остров запылал и горел сорок лет подряд. В итоге его объявили зоной экологического бедствия и надолго забыли о нем — у человечества были другие, более важные проблемы… но имен-

но на этот остров указала нам Вера-Амели, после того как загрузила твою программу-загадку.

— Если остров сорок лет горел — что там могло остаться такого, что могло бы нас заинтересовать? — удивилась Слободанка. — Как вообще что-то может гореть сорок лет?

— Не знаю, — ответил сенатор, — я в этом не специалист. А вот насчет того, что нас может заинтересовать… Я поднял записи о закупках компании Спенсера — интересно, почему это догадался сделать только я? — и обнаружил, что помимо космических шаттлов, огромного количества «Коктейля Рогозина», военной техники, роботов, термоядерной энергетики, производственного и исследовательского оборудования, электроники и суперкомпьютеров Спенсер закупил невероятное количество оборудования и материалов для подводных работ. В те годы подводные города-купола еще только появлялись, и такая закупка никого не насторожила, а зря. Мне кажется, база Спенсера была не *на* острове, а под водой рядом с ним. На это указывают и координаты, которые сообщила нам Вера-Амели.

* * *

Они пообедали на террасе; пища была только натуральной, и Слободанка поняла, что уже от такой отвыкла. К тому же обед был обильным настолько, что наелся даже Ёрикоби, вернее, не только наелся, но и переел — ходил и охал, по своему обыкновению. Потом, правда, разошелся и вновь стал гоняться за птичками и бабочками. Крестный показал гостям парк усадьбы, ее парники и галереи — больше, конечно, Сэнуме, поскольку Слободанка и так все это видела не раз. Познакомились они и с домашними питомцами сенатора — не-кибернетическими собаками, ирландскими волкодавами, от которых Ёрикоби старался держаться подальше; парой верховых лошадей ахалтекинской породы (подарок от коллеги из Восточной Федерации; Ёрикоби они восхитили) и, конечно, Джорахом, говорящим кибернетизированным белоголовым орланом, который очень не понравился Ёрикоби. Не понравился настолько, что пес, улучив минутку, атаковал птицу и выдрал у нее из хвоста шикарное белое перо, получив, однако, клювом по темечку. Сенатор сделал вид, что не заметил проказ Ёрикоби, зато Сэнума устроила напарнику

очередной разнос и перо у него отняла.

Потом был ужин, более легкий, чем обед. После ужина Слободанка с Сэнумой опять наведались в библиотеку, но вскоре японка, сославшись на усталость, отправилась в гостевую комнату, выделенную ей сенатором.

Рой Уоллес зашел в библиотеку вскоре после того, как ее покинула Сэнума.

— Хотел сказать тебе пару слов наедине, — пояснил он Слободанке. — Знаешь, я ведь очень горд тобой. Ты выросла правильной, сильной, стойкой — и понимающей. Не сломалась, не попыталась компенсировать то, что потеряла, оглушая себя чем-то: алкоголем, антидепрессантами, какими-то странными знакомствами…

Я старался не говорить с тобой о родителях. Для меня самого их потеря — рана, которая до сих пор болит. Я знал твоего прадеда, качал на руках твоего деда. Они росли у меня на глазах, взрослели, умирали… Они… все вы — мое сокровище куда более ценное, чем все, что я имею.

Слободанка, то, что я тебе скажу, очень важно. Ты уже поняла, кто такие реформджеры. Бывает так, что человек совершает преступление не потому, что у него черная душа, а по каким-то другим причинам, порой даже благородным.

Преступление от этого не перестает быть преступлением, а преступник все так же остается преступником. Но…

Знаешь, самая сложная в мире профессия — судья. Потому что все мы несовершенны. Потому что человеческие поступки очень сложные. Бог сказал: не судите, да не судимы будете. Но порой приходится судить. И в этом случае самое важное — понять чужие мотивы. И попытаться найти оправдание.

Извини за столь долгое предисловие, оно необходимо. Я вижу, ты познакомилась, даже подружилась не только с моими дорогими акуиллонцами, но и с реформджерами. Это хорошо. Я чувствую — тебе придется с ними работать долго. Поэтому ты должна знать: один из тех, кто скрывает лицо под голомаской, — тот самый человек, который убил твоих родителей.

Глава 14
Разъяренный остров

Морской пейзаж, который Слободанка наблюдала с обзорной палубы «Рефорджера», будил воспоминания о каком-то полузабытом сне. В этом сне она тоже путешествовала по воздуху над морской гладью, рядом был Джейсон, и…

И больше ничего Слободанка не помнила. Кроме того, что однажды в море показалась огромная туша ящера, кажется, плезиозавра. Слободанка интересовалась снами, теми, которые снятся спонтанно. В наше время сны чаще всего программируют, но Слободанка порой забывала сделать это — и видела что-то по-настоящему интересное, хотя порой и пугающее.

Как тот сон с гибнущим городом… на мгновение какое-то воспоминание промелькнуло у нее перед глазами, или, точнее, наложились друг на друга два воспоминания: черный «штурмовик»-клякса, врезающийся в небоскреб, после чего тот начал плавиться как свечка; черный, черней черноты, луч, бьющий по марсианскому крейсеру, отчего тот потек, словно был сделан из мягкой

глины для лепки…

Промелькнуло — и исчезло, оставив после себя смутное чувство тревоги. Еще одна тревога в копилку ее тревог. Слободанка не могла не думать о том, что сказал ей Рой Уоллес. За короткое время рефорджеры стали ей симпатичны; может, не так, как акуиллонцы, но ненамного меньше. И кто-то из них убил ее родителей. Причем это мог быть почти кто угодно. Например, разведчица Эхо, парень, потерявший недавно руку и снова ее обретший, — Марк, добрый доктор Папа, Янки, Ромео, Лима, Зулу… хотя нет, Зулу не могла быть убийцей ее родителей, она пришла в «Рефорджер» позже и явно имела за плечами боевой опыт в космосе. Кроме Зулу на роль убийцы ее родителей не подходили только двое. Одним из них был Браво — во-первых, Слободанка знала, что он в команде намного дольше, во-вторых — она была уверена, что под знакомым, бывавшим в Монреале, Браво подразумевал именно себя. Родителей Слободанки убил уроженец Южного Централа, и Слободанка ловила себя на мысли, что безуспешно пытается вычислить таких — по повадкам, жестам, характерным словечкам…

Вторым человеком, свободным от подозрений, была новенькая команды, Джульет. Предыду-

щую Джульет и еще нескольких реформджеров погубила прошедшая война, но умышленных преступлений первой степени тяжести совершалось немного, и еще меньше среди преступников было таких, кто был достоин того, чтобы лоботомию ему заменили на службу в составе «Реформджера».

Джульет казалась какой-то напуганной и держалась в стороне от других, хотя остальные бойцы команды отнеслись к ней вполне дружелюбно. В конце концов ее решили пока не трогать. «Ничего, — сказала Зулу на коротком брифинге с Браво, Лимой, Джейсоном, Слободанкой и Сэнумой, — после первого боя пообвыкнется».

Слободанка пыталась понять, что движет ею в ее попытках определить, кто из команды — убийца. Страх? — Нет. Она не боялась человека, который, по мнению ее крестного, уже заплатил за свои преступления сполна. Гнев? Жажда мести? — Пожалуй, тоже нет. Когда-то ей хотелось отомстить. Хотелось самой убить убийцу, голыми руками. Возможно, тогда бы у нее это получилось…

Боль от потери за прошедшие годы стала меньше, но не исчезла совсем. А жажда мести уступила место чему-то другому. Слободанке хотелось про-

сто посмотреть в глаза этому человеку, но так, чтобы он знал, с кем он разговаривает. Хотя… все говорили, что Слободанка очень похожа на свою мать, значит, он наверняка уже узнал ее, но виду не подал. Почему?

Ей бы хотелось, глядя ему в глаза, спросить — зачем? Почему он это сделал, зачем хладнокровно, двумя прицельными выстрелами оборвал жизнь ее родителей? Каковы были его мотивы? Ведь родители Слободанки никому не причинили зла, наоборот, они, как умели, старались нести людям добро. Они вырывали младенцев из цепких лап нищеты, давая им путевку в прекрасное будущее. Специализированный человек будет востребован всегда. Те же фрогмены уже сегодня работают не только в океанах Земли, но и на Европе, полностью покрытой замерзшим океаном. А у спейсменов и симбиотиков перспективы еще лучше…

Размышляя о гневе, Слободанка внезапно для себя вспомнила о Джейсоне. Капитан не надоедал ей своим обществом, но Слободанка постоянно чувствовала себя в поле его зрения. Как? Ей сложно было это объяснить, но она знала, что Джейсон следит за ней. И, как ни странно, ее это не пугало и даже не раздражало, хотя в душе

Слободанка все еще сердилась на Джейсона за убийство пленника.

Сердилась, но почему-то постоянно искала ему оправдание. Искала — и не находила. Убийство безоружного — это было… не по-человечески. Так мог вести себя марсианин, но не человек.

И вот, на пустынной посадочной палубе, вспомнив о том, как она мечтала однажды найти убийцу ее родителей и растерзать его, Слободанка подумала: а так ли она сама отличается в этом от Джейсона? Она ничего не знала о прошлом капитана, но Эдиссон как-то намекнул, что в этом прошлом может быть…

Что-то. Что-то, что может оправдать его гнев, его фанатизм, его жажду отомстить. Вдруг он тоже потерял близких людей — по вине марсиан? Такая версия казалась Слободанке правдоподобной.

Тогда можно понять его ярость. Не оправдать, не выдать ему индульгенцию, но понять и подумать над тем…

Закончить мысль Слободанка не успела.

— Двадцать минут, — сообщила Зулу по внутрикорабельной связи. — Подлетаем. Наземной и морской партиям приготовиться.

* * *

Наземная партия должна была высадиться на берегу. В ее состав вошли Железный Роб, Эдиссон Фоллет со своими роботами, Ромео, тоже со своим роботом, Батиста и Джульет. На присутствии последней настояла лично Зулу — по ее мнению, участие в десанте должно было «успокоить девочку». А вот Браво, хоть и рвался в бой, остался на «Рефорджере» вместе с Верой-Амели, исполняющей обязанности штурмана.

«Мне нужен опытный канонир и хороший пилот на борту, пока я буду внизу, — пояснила Зулу. — В мире черт-те что творится; марсианские крейсеры шляются в атмосфере Земли как у себя дома. Если кто нагрянет — я должна знать, что “Рефорджер” выдаст все, на что он способен».

Сама Зулу пошла в составе морской партии — со Слободанкой, Сэнумой, Джейсоном и Ёрикоби. Для действий под водой было решено использовать батиплан Сэнумы, отремонтированный и модернизированный в Перл-Харборе.

После объявления Слободанка, бросив последний взгляд прямо по курсу в надежде увидеть их цель, но не увидев ее, неохотно ушла с обзорной палубы. Она переоделась в универсальный

костюм Спецкоманды «Акуиллон» — в нем одинаково комфортно было и в космосе, и на дне океана, и в жерле извергающегося вулкана, к тому же он защищал хотя бы от ручного оружия. Переодевшись, Слободанка отправилась на мостик «Рефорджера». Он был намного больше кают-компании; здесь, по идее, мог собраться весь коллектив Спецкоманды. Народу на мостике было прилично — обе партии, наземная и морская, а также Браво, Вера-Амели, Папа и Марк. А на панорамном экране на горизонте наконец появилась стремительно растущая черная точка — остров Норфолк.

— Цель в поле зрения, — доложил Марк.

Зулу кивнула:

— Принято.

— Никогда не понимал смысла этих очевидных докладов, — проворчал Браво.

— Потому ты до сих пор не капитан, — огрызнулась Зулу.

— Интересно, — сказал Марк, очевидно, пытаясь как-то разрядить напряженную обстановку. — Если там есть подводная база, почему ее до сих пор никто не обнаружил? Из космоса, например.

— Потому что это на фиг никому не надо, — про-

ворчал Браво. — Они у себя под носом мегаватт не заметят.

— Ну, существует такая вещь, как голографический камуфляж, — пояснил Джейсон. — Причем существует уже давно. Мы тоже не особо знаем, что там Восточная Федерация у себя строит, и они про нас знают ровно столько же. А уж Марс из космоса выглядит точно так же, как и века назад, и не скажешь, что на нем полно городов, шахт и цитаделей.

— Я Марс только по голику видел, — пожал плечами Марк. Слободанка вздрогнула: «голик» — сленговое название головизора в Южном Централе… а еще — в подводных и орбитальных городах, напомнило ей подсознание. — Когда наши на Марсе высаживались, меня в Перл-Харборе по кусочкам собирали.

— Если там есть база, — упрямо сказала Сэнума, рассеянно поглаживая Ёрикоби по головочке, — нам стоило взять в партию кого-то из фрогменов.

Слободанка улыбнулась — она поняла, к чему клонит Сэнума. Бойцам «Акуиллона» не запрещено вести сетевую жизнь, конечно, под ложными профилями. Медея Карпентер избрала для себя подобный вид психологической разгрузки — и в Сети познакомилась с Сэнумой. Они восемь лет

общались в виртуальном пространстве. Сэнума сумела, вскрыв профиль Медеи, узнать, кто она такая. Как ни странно, ни ее, ни Медею за это не наказали и позволили общаться дальше, лишь строго-настрого запретив передавать информацию о Медее любому третьему лицу.

Сэнума никогда не думала, что встретится с Медеей лично — пути «Акуиллона» чаще всего проходили далеко от Земли и уж точно далеко от маленькой Японии. Потому-то она и нервничала по дороге в Перл-Харбор: сетевое общение — это одно, а личная встреча — другое. Но ее страхи оказались напрасны. Личное общение Сэнумы и Медеи оказалось столь же хорошим, как и виртуальное. Настолько хорошим, что все свободное время на базе (за исключением вечера, когда Сэнума со Слободанкой гостили у Уоллеса) подруги провели вместе. Кажется, это немного расстроило Ёрикоби, который был все это время предоставлен сам себе и коротал часы то со Слободанкой, то с Верой-Амели, с которой подружился, исследуя содержимое ее разума, то с Эхо, бывшей от него без ума, то у Ли Сицына, который тайком подкармливал лакомку даже после того, как Ёрикоби стащил у добродушного китайца рулет, приготовленный им для гостей.

«В конце концов, рулет я могу приготовить новый, — говорил Ли, — а собачке надо кушать. Вон она какая худенькая», — при том, что своим экстерьером Ёрикоби напоминал водруженный на ножки меховой шарик с крохотной головкой и роскошным хвостом.

Медею в экспедицию не взяли — у нее были дела на приемке нового крейсера для «Акуиллона», и Сэнуму это расстроило.

— Если город там есть, — задумчиво сказал Джейсон, — то наверняка совсем небольшой. Так что… — говоря, он не сводил взгляда с приближающегося острова и первым заметил *это.* — Вам не кажется, что над островом какое-то странное марево?

Те, кто находились ближе к обзорным окнам рубки, немедленно перевели взгляд на остров — и тут же рефлекторно отшатнулись, хотя светофильтры сработали четко и вовремя.

По «Рефорджеру» одновременно ударили десятки лазерных турелей, а над островом появились огненные столбы — из хорошо замаскированных пусковых установок взлетали десятки ракет.

Их мишенью был корабль Спецкоманды.

* * *

Никакой суеты, рефорджеры работали слаженно. Перед рабочими местами Веры-Амели, Браво, Марка немедленно возникли голограммы — часть из них представляли отражение панорамы за окном, другие — какие-то постоянно меняющиеся графики, таблицы.

— Поставил щит, — отрапортовал Браво. — Лазеры у них так себе, считаем все рикошетом.

— Ракеты? — уточнила Зулу. За панорамным окном что-то полыхнуло.

— Идут на нас с разных ракурсов, — спокойно сказал Браво. — Гиперзвук, двенадцать-пятнадцать махов, не более… старье. Пару самых резвых я уже укоротил.

За окном снова полыхнуло, но слабее.

— Меня больше беспокоит то, что впереди, — добавил Браво.

— Вижу, — ответила Зулу. — Марк, параметры объекта?

— Не определены, — ответил Марк. — Радар дает сплошную засветку, магнитометр показывает мощнейшее электромагнитное поле, инфракрасный диапазон не дает ничего вообще, лазерный дальномер тоже показаний не дал.

Сполохи на проекционных экранах стали вспыхивать почти непрерывно — Браво сбивал все новые и новые ракеты. Да и лазеры противника стали бить точнее.

— А на что это похоже? — спросил Джейсон.

— На стальной дождь, — ответил Марк. — С громом и молниями.

— Зулу, рекомендую вам запросить максимальное разрешение бортовой оптики, — предложил Джейсон.

— Именно этим и занимаюсь, — сухо ответила Зулу. — Чертовщина, я такое только в головизоре видела.

— Похоже на документальный цикл из серии «Виды вымершие и вымирающие»? — спросил Джейсон. — Так когда-то выглядело нашествие саранчи. Как с оптикой? У нас огромная скорость сближения, вы могли бы уже увидеть что-нибудь.

— Что-нибудь я и так вижу, — отрезала Зулу. — Понять бы еще, что именно. Вы правы, Джейсон, это действительно похоже на рой насекомых, бьющих друг друга молниями.

— Вера-Амели, — спокойно, как на учениях, сказал Джейсон, — отставить сближение, маневрируйте.

— Как? — спросила девушка-андроид.

— Как бог на душу положит! — рявкнул Джейсон. — Чем хаотичнее, тем лучше, но не приближайтесь к *стае*.

— Стае *кого*? — спросила Зулу. — Что это за чертовщина?

— Механоиды, — ответил Джейсон. — Штука древняя и опасная. Когда-то давно все страны увлеклись боевыми дронами. Настроили их целые тучи. Казалось, от них спасу никакого нет, но потом какая-то страна в Восточной Федерации догадалась, что их можно валить электромагнитным импульсом.

— Могу перевести лазеры в ЭМИ-диапазон, — предложил Браво.

— Не поможет, — ответил Джейсон. — Эти дроны не несут в себе электронной начинки — чистая микромеханика плюс ядерная батарейка. Сбивать их поодиночке — вспотеешь, даже если будешь лупить плазмой почем зря; а пока ты пытаешься выкосить их, уцелевшие прорвутся и своими электрическими импульсами выжгут нам на фиг всю электронику.

— А щит их не остановит? — спросил Браво, отвернувшись от обзорных экранов. Так сделали все — небо и море на экранах выписывали

немыслимые пируэты из-за лихих маневров Веры-Амели. А «стая» все равно приближалась.

— Они его перегрузят, — ответил Джейсон. — Они созданы умирать, погибнут тысячи — оставшиеся прорвут поле и сделают свое дело.

— Так что же, их ничем не сбить? — в голосе Зулу послышалось отчаяние.

— На «Рефорджере» есть магнитная пушка? — с сомнением спросил Джейсон.

— Откуда?! — зло ответила Зулу. — Quod liced Jovi non liced bovi, мы же не «Акуиллон», зачем тратить деньги на тех, кто все равно подохнет?

— Справедливости ради, на «Акуиллоне» ее тоже не было, — сказал Джейсон, почесав пятерней затылок. — Тупик.

— Ты можешь выстрелить, — сказала Вера-Амели, обращаясь к Браво.

— Из чего? — удивился тот. — Из пальца?

— Ты можешь использовать любое имеющееся на борту оружие, — ответила девушка-андроид; ее тонкие пальцы мелькали над панелью управления, и, повинуясь им, огромный стодвадцатиметровый крейсер совершал такие пируэты, что даже противоперегрузочный механизм порой не спасал.

— А заряжу я его чем, силой духа? — поинтере-

совался Браво.

– *Своей ненавистью,* — ответила Вера-Амели. — Своим гневом. Ты еще не понял? Заряд внутри тебя.

— Как будто можно разгневаться по указке, — пробормотал Браво, прикрывая глаза.

Вера-Амели перегнулась через подлокотник своего кресла и коснулась руки Браво.

— А разве то, что они убьют нас всех: тебя, твоих друзей, Джейсона, Слободанку, Сэнуму с Ёрикоби, меня, наконец, — не повод для гнева? Только смотри не переборщи, как в прошлый раз.

— Что происходит? — возмутилась Зулу.

— Оружие заряжают, — пожал плечами Джейсон.

Браво распахнул веки — вместо обычных глаз у него появились черные провалы с багряными отсветами внутри…

И тут же носовая часть корабля подернулась дымкой, а потом окуталась сначала полупрозрачными, а затем все более темными нитями. Через мгновение эти нити, свиваясь спиралью, ушли в сторону облака из дронов. Браво откинулся в кресле; глаза его снова стали нормальными, а впереди по курсу черная, как сама чернота, спираль коснулась уже заметного невооруженным

глазом «облака».

Как будто кто-то подбросил в воздух угли огромного костра или звезды дождем осыпались на землю — опасное «облако» превратилось на миг в парящее созвездие искр, среди которых то тут, то там возникали вспышки взрывающихся ракет. Все это заняло буквально несколько секунд.

— …и никакой больше засветки, — констатировал Марк. — Компьютер фиксирует отдельных уцелевших дронов, их несколько десятков, может, пара сотен.

— Это не опасно, — заверил Джейсон.

— Браво, — возмутилась Зулу, — почему вы скрыли от меня то, что обладаете таким оружием?

— Я не скрывал, — устало ответил канонир. Несмотря на то что вид у Браво был такой, словно он вручную тащил крейсер на спине несколько миль, он продолжал свою работу — отстреливал ракеты, все еще атакующие «Рефорджер». — Я сам не знал, что эта штука во мне. Думал, она утонула вместе с «Немезидой».

— Вы… вы должны были предупредить нас! — гнула свою линию Зулу. — Почему вы не рассказали о том, какое оружие применили против «Далилы»?

— Да вы же сами все видели! — возмутился Браво. — Не говоря о том, что вы сами сняли с меня слепок памяти после прибытия на борт.

— На слепке об этом ничего не было! — негодовала Зулу.

Браво беспомощно посмотрел на Джейсона.

— Вообще-то, — сказал тот, — параграф пятьсот два общего Кодекса Сил Планетарной обороны говорит, что боец подразделения *должен* присваивать любое трофейное оружие, находящееся в исправном состоянии, в пользу Спецкоманды, если это позволяет тактическая обстановка. Это оружие переходит в его собственность, он волен сам им распоряжаться.

— Наш пятьсот второй параграф отличается, — заметила Зулу. — Личное оружие Спецкоманды должно храниться в общем арсенале команды и выдаваться только по приказу капитана Спецкоманды! То есть меня.

Браво нервно рассмеялся:

— Ну и как ты себе это представляешь? Я должен был сдать в каптерку свой гнев? Представляю себе эту картину! «Это у нас тут оружие Спецкоманды. Вот лазеры, вот потоковые ружья, вот дисрапторы, а вот это, черненькое, на крючке висит, — ненависть Браво».

— Рассматривай эту штуку как имплантированное оружие, — с улыбкой предложил Джейсон. — У тебя такое есть, да и у других тоже. Имплантаты никто ведь не сдает в оружейную? Кстати, я бы хотел, чтобы ты наконец вернула мне мой кольт и мой меч. Ты совсем об этом забыла.

— То есть тебя совсем не беспокоит, что Браво стал обладателем чего-то такого, что ни ты, ни я не понимаем?

— Я привык не беспокоиться по поводу того, что невозможно изменить, — пожал плечами Джейсон, — а принимать как данность. И тебе советую.

Пока шел этот диалог, «Рефорджер» заложил широкий вираж, ускользая от остатков «роя» и ракет, которые Браво достреливал из бортовых лазеров. Однако стоило кораблю приблизиться к Норфолку, на этот раз с юга, как обстрел возобновился и заметно усилился; открылись новые лазерные турели, более мощные, чем те, что обстреливали корабль раньше; в воздух поднялись дроны более крупные, чем механоиды.

Браво обреченно вздохнул.

— Вам хорошо, — сказал он. — Вы сидите, трындите и ничего не делаете, а мне вот все это вручную расстреливай. И Эклипс я больше при-

менить не могу — не знаю почему, но, кажется, я опустошил все запасы гнева.

— Эклипс? — переспросила Зулу.

— Ну надо же *это* как-то назвать? — пожал плечами Браво. — Почему бы не Эклипс?

— Нужно время, чтобы восстановиться, — заметила Вера-Амели.

— Не нужно ничего расстреливать, — подал голос Ёрикоби. — Нам с Сэнумой-сан удалось перехватить управляющий сигнал, координирующий боевые системы на острове.

— И что нам с того? — спросила Зулу.

— Сэнума-сан расшифровала его, — пояснил Ёрикоби, — и установила его сходство с программой патча Веры-Амели. Если Вера-Амели-сан позволит, мы транслируем ей сигнал и передадим ее ответ в приемную систему острова. После этого стрельба должна прекратиться.

— И чего мы ждем? — не сговариваясь, спросили Джейсон и Зулу.

— Согласия Веры-Амели-сан, — ответил Ёрикоби, повернувшись к девушке-андроиду.

— Я согласна, — быстро ответила та. Ёрикоби кивнул, Сэнума проворно поменяла что-то на висящей перед ней голографической схеме. За иллюминатором полыхнуло.

— Быстрее, пожалуйста, — попросил Браво. — У меня пока пять процентов износа экрана, но они, похоже, поймали нас на прицел и ведут, несмотря на наши маневры. У них продвинутая система наведения.

— Должно было уже прекратиться! — Ёрикоби недоуменно посмотрел на Сэнуму. Та протянула руку и почесала у песика за ушками:

— Сейчас прекратится. Я сбросила им сигнал, они расшифруют и…

— Не стреляют! — заорал Браво. — Они прекратили стрельбу! Сработало!

— Не могло не сработать, — гордо выпятив грудь, сказал Ёрикоби. — Ведь этим занималась Сэнума-сама, а она — самый крутой программист в Солнечной системе!

* * *

«Рефорджер» приводнился в проливе между островом Норфолк и крошечным островком Непин. На берегу бухты напротив когда-то стоял город Кингстон; теперь от него не осталось ни следа. Перед посадкой экипаж «Рефорджера» картографировал острова, отметив все обнаружившие себя огневые точки.

Оперативные группы собрались в ангаре «Ре-

форджера», где их ждали две противоположности — батиплан Сэнумы, отремонтированный и дооборудованный мастерами базы в Перл-Харборе, и небольшой семиместный экраноплан, который должен был доставить сухопутную команду на Норфолк. Экраноплан одинаково хорошо двигался над водой, над сушей, над лесом, над горами — в общем, был хоть и легкой, но универсальной машиной.

— Судя по всему, центр управления находится на Маунт Бейтс, — рассказывал Ёрикоби, сидящий на руках Сэнумы. — Или где-то под ней. Мы так и не смогли обнаружить вход в него; он или слишком хорошо замаскирован, или вообще находится в другом месте. Например, на подводной базе.

— Зато мы обнаружили подводную базу, — добавила Сэнума. — Она хорошо спрятана, но если знаешь, где искать, обязательно найдешь.

— Хочу обратить внимание сухопутной группы вот на что, — сказал Джейсон. — Кроме уничтоженных нами воздушных механоидов могут быть и наземные. Сэнума с Ёрикоби отключили все электронные системы, включая полуавтономные, но механоиды не подчиняются приказам центра управления и могут быть опасны. Ни-

кто также не отменял обычных заграждений — мин, различных проволочных спиралей, малозаметных препятствий. В том числе электрифицированных. Обычная колючая проволока для нас не опасна, но если по ней пропустить электрический ток, то это может быть серьезной опасностью и для нас.

Ёрикоби, бывший одним из героев дня, зябко поёжился:

— Так, может, не стоит вообще посылать наземную группу?

— При всем моем уважении, — сказал Джейсон, — наземная группа необходима. Я не хочу оставлять в нашем тылу неизвестную потенциальную опасность. Даже в том случае, если мои предчувствия меня подводят. А если я прав и нас таки навестят марсиане, тем более: не стоит воевать на два фронта. Ну что, все готовы?

— Так точно, — хором ответили и рефорджеры, и акуиллонцы. Сэнума кивнула, Ёрикоби тоже степенно кивнул, явно подражая хозяйке.

— Слободанка? — спросил Джейсон, видя, что та не отвечает. — С вами все в порядке? Может, вам не стоит идти с нами?

Слободанка вышла из ступора, в котором пребывала с момента приводнения. Она как будто

уже видела все это. Два острова — только тогда они были горными плато, контролирующими долину; в лощине между горами — большой лагерь с бараками из чего-то похожего на бамбук; крепость в устье долины, морской берег и чужой, похожий на опухоль город на одиноком острове на горизонте. «Коттурна» — слово, Слободанке незнакомое, но, с другой стороны…

— Я готова, — ответила Слободанка.

— Тогда все по местам! — скомандовал Джейсон и первым направился к батиплану.

Забравшись на борт аппарата, они сначала подождали, пока ангар покинет экраноплан. Выскользнув через бортовой лацпорт, тот понесся над белопенными верхушками волн. Затем Джейсон пустил в ангар воду, а когда она покрыла батиплан, открыл донный люк крейсера, и подводная лодочка Сэнумы вырвалась наконец на простор.

— Надеюсь, это плаванье будет для тебя счастливее предыдущего, — тихо сказала Сэнума.

А Слободанка думала. Думала о том, откуда у нее эти видения. Как она узнала в одиноком острове плоскогорье, стоящее на суше? Что за странный город был виден на горизонте? Что такое Коттурна?

Ответов не было, как не было ответа на то, почему в другом ее видении был Джейсон. Хотя это-то она могла объяснить — подсознание просто вызвало самый актуальный для него образ. Но Слободанку не покидало странное ощущение, что она видела Джейсона или, по крайней мере, *слышала его голос* в каком-то из прежних своих видений.

Когда никакого Джейсона в ее жизни еще вовсе не было.

Море вокруг было удивительно безжизненным. Слободанка ожидала увидеть кораллы, тропических рыб… да хоть каких-нибудь рыб! Даже у берегов Японии живность в море была — здесь же только мертвая пустыня. И это при том, что в Перл-Харборе на батиплан Сэнумы нанесли покрытие «кэтай» — оно улавливало мельчайшие частицы света, растворенные в воде, и таким способом «освещало» все вокруг, так что видимость с борта аппарата была более чем хорошей.

Внизу тянулось однообразное илистое дно. Лишь один раз Слободанка увидела на этом дне что-то напоминающее извилистую борозду. Борозда как борозда, но Слободанка вновь погрузилась в видение. В этом видении борозда стала речушкой с быстрой светлой водой. Через

речку был переброшен мост без перил — просто отшлифованная каменная глыба, испещренная какими-то странными линиями. На миг Слободанке показалось, что она видит край этой глыбы, торчащий из ила, но, присмотревшись, она его не увидела и списала все на свое воображение.

— Вон она, — сказал Джейсон, указывая на какую-то крупную темную массу на горизонте. — Маленькая какая-то…

Впрочем, то, что обнаружил Джейсон, оказалось не базой, а затонувшей подводной лодкой. Слободанку она не впечатлила, в отличие от остальных.

— Клянусь недельным жалованьем… — пробормотала Зулу. — Это ракетная подлодка. Их еще называли убийцами городов — они несли двадцать ракет, способных уничтожить мегаполис.

— А разве такие подлодки гибли? — удивилась Сэнума.

— Несколько затонуло во время эпидемии Януса, — напомнил Джейсон. — Их, правда, потом подняли, кого целиком, кого по частям — опасно было оставлять на дне океана ядерные реакторы и боеголовки…

— А эта целехонькая лежит, — добавила Зулу, — и никаких следов аварии. Да и глубина тут

небольшая — чего же ее не подняли?

— Ты у меня спрашиваешь? — удивился Джейсон. — Я знаю не больше тво… — Он осекся, а потом выругался.

…Она появилась внезапно, как будто кто-то нарисовал ее прямо по курсу батиплана. Она казалась огромной, но потом Слободанка поняла, что это иллюзия. Сама база была невелика, но от главного корпуса отходили два дугообразных коридора, формирующих огромную восьмерку. Малое кольцо этой восьмерки было прикрыто куполом, таким же, как у подводных городов или курортов, но меньше по размерам.

Замеченная ими ранее подводная лодка лежала почти впритык к полюсу большой петли, противоположному базе. В центре этой петли стоял наклонный пусковой стенд, такой же, как те, что запускают крейсеры в Перл-Харборе, но меньше и более примитивный. Стенд был пуст.

— Кажется, вход на базу перекрыт подлодкой, — сказал Джейсон. — Уходить, привалив дверь ракетным подводным крейсером, — довольно неординарный ход.

— Внутри «дворика для ракет» есть еще один вход, — сообщила Зулу. — Возможно, он открыт. Интересно, получается, что база заполнена во-

дой?

— Если внутри нет шлюза, то да, — ответил Джейсон. — Но я ничего другого и не ожидал. Не зря же мы «искусственные жабры» поставили.

«Искусственные жабры» были, конечно, мало похожи на жабры. Обычный имплантат, прикрытый сверху кожной мембраной. Он абсорбировал кислород прямо из воды, как это делают рыбьи жабры или имплантаты фрогменов. Имплантат был биомеханическим и потому не требовал подпитки электроэнергией. Некоторые знакомые Слободанки во время отпуска улетали, например, на Карибы и весь отпуск проводили под водой с такими жабрами.

Тем временем Сэнума направила батиплан внутрь большого круга «восьмерки». Но прежде чем Слободанка успела оценить величественное зрелище внутреннего шлюза базы с нависшей над ней громадой подлодки, крохотный батиплан Сэнумы скользнул в распахнутые ворота базы. А потом ворота за ними закрылись, и вода в помещении стала стремительно убывать.

Жабры им не пригодились. Приемный порт базы оказался шлюзом.

Эпилог
Мертвец идет

Оберкомиссар Гольдстейн не узнал Уорвика. Ни по звуку шагов — они стали другими, какими-то шаркающими, словно Уорвик повредил ногу и подволакивал ее, ни по внешнему виду — кригскомиссар еще больше сгорбился, осунулся и будто бы постарел, ни по голосу — тот стал каким-то неестественно-скрипучим, точно хеллоуинское пугало пыталось говорить вместо человека. Не узнал Уоллеса даже Тодд — робоптица Гольдстейна, наполовину сип-стервятник, наполовину тонкая электроника, которого Гольдстейн как раз кормил дохлыми и протухшими мышами, пока тот подзаряжался от док-станции. Хрипло заклекотав, Тодд взлетел со стола, не забыв прихватить с собой мышь, предложенную Гольдстейном, и улетел в свой вольер. Гольдстейн вздохнул, отложил щипцы, которыми брал мышиные трупики, закрыл банку с оставшимися плотной пробкой и включил в кабинете проветривание.

— Не беспокойтесь, — сказал Уорвик, криво

улыбаясь. — Запах мертвечины меня ничуть не напрягает. Как и вас. Как и вы, я люблю смерть. Вы ведь любите смерть, Гольдстейн.

«Какой-то он сегодня странный», — подумал оберкомиссар.

— И не бойтесь, — добавил Уорвик, словно прочитав его мысли. — Я не собираюсь убивать вас. Если бы хотел — давно убил бы, у меня имелись тысячи возможностей для этого. Вы меня вполне устраиваете как союзник.

— Спасибо за откровенность, — холодно сказал Гольдстейн.

Уорвик снова улыбнулся:

— Приятно иметь с вами дело. Кстати о деле: я знаю, что это за планета, и знаю, где она находится сейчас. У нас есть фора перед остальными: ближайшие два дня Энигма будет находиться внутри нашей орбиты — и прямо над ее плоскостью, и мы будем лететь ей навстречу. Потом Энигма станет от нас убегать, и с довольно высокой скоростью. Так что нашим соперникам придется догонять не только нас, но и саму планету.

— Откуда вы это знаете? — спросил Гольдстейн.

Уорвик продолжал улыбаться:

— Когда я беру ваши деньги, мне совсем неинтересно, какая электростанция генерирует эти мегаватты. Точно то же касается источников моей информации: откуда я узнаю то, что мне известно, — мое собственное дело.

«Он странно говорит, — подумал оберкомиссар. — У него какие-то неправильные фразы. Уорвик никогда раньше так не говорил».

— Я подготовил «Зверя из бездны», — продолжил Уорвик. — Мой лучший корабль, моя лучшая команда. Стартую немедленно. Мы опередим наших врагов, и Энигма будет наша.

После этих слов Уорвик развернулся к выходу. Гольдстейн был удивлен. Он что, проинформировать его заходил? Раньше он спрашивал его, Гольдстейна, разрешение на те или иные действия. Теперь, кажется, ему это больше не нужно? А не попутал ли он берега?

— Без моего приказа? — спросил Гольдстейн, стараясь придать голосу максимальную жесткость и одновременно скрыть испуг.

— Зачем мне ваш приказ? — не оборачиваясь, спросил Уорвик. — Гольдстейн, вы еще ничего не поняли?

— Что я должен понять? — спросил Гольдстейн, внутренне холодея. Дрожащей рукой он попы-

тался нащупать скрытый в столе лучемет. И тут — словно кто-то с размаху ударил ему кувалдой в грудь. Гольдстейн охнул и осел.

Уорвик обернулся. Белки его глаз стали черными, с кроваво-красными прожилками.

— Когда-то мы были с вами *наравне*, — сказал он медленно. — Я мог убить вас — не без труда, но мог. Вы могли убить меня — тоже не без труда. От вашей смерти я ничего бы не приобрел, хорошо, если бы не потерял. У вас со мной была та же проблема. Мне невыгодно было убивать вас. Вам невыгодно было убивать меня. Пат. Как у змеи и черепахи из известного тоста.

Но теперь все по-другому. Я *могу* убить вас — легко, с любого расстояния, даже если вы заползете в самую глубокую дыру Вселенной. Ваша смерть ничего мне не принесет, но я ничего и не потеряю. Но убивать вас мне по-прежнему невыгодно.

Я не буду отнимать у вас вашу власть, могущество, влияние, ваши доходы — зачем? Они и без того мои, пока *вы* служите *мне*. Но вы должны навсегда зарубить себе на носу: *мы здесь власть*, я и… Пока неважно. Не вы. Не Фишер, не Кушнир. *Мы.* А чтобы вам легче было это осознать, я оставлю вам кое-что на память. — С этими словами

Уорвик развернулся и пошел к двери. Боль в груди отпустила. Трясущимися руками оберкомиссар выхватил лучемет…

…и, вскидывая его, сбил со стола банку с дохлыми мышами, от неожиданности выронив свое оружие. Понимая, что шанс пристрелить Уорвика упущен, Гольдстейн без сил упал в кресло…

…на что-то мягкое. Вскочив как ужаленный, оберкомиссар увидел в кресле раздавленную полуразложившуюся мышь.

И это пятно плоти вдруг зашевелилось! Гольдстейн рефлекторно отпрыгнул в сторону, но поскользнулся и упал. Трупная вонь усилилась. Гольдстейн попытался вскочить, но его рука, которой он хотел оттолкнуться от пола, тоже поскользнулась на чем-то. Оглядевшись вокруг, оберкомиссар увидел, что весь его кабинет наполнен полуразложившимися мышиными трупами.

И эти трупы двигались, причем двигались так, словно собирались наброситься на Гольдстейна!

* * *

Пустые дома всегда пугали людей. Возможно, именно поэтому человечество создало столько мрачных историй про призраков, привидений и прочую нечисть, обитающую в заброшенных

зданиях. Дом не должен быть пустым. Если это жилой дом — в нем должны раздаваться голоса, детский смех, все те звуки, что сопровождают обычную человеческую жизнедеятельность. А когда единственный звук в доме — стук твоих собственных шагов, это вселяет тревогу. Потому люди боятся заброшенных зданий, хотя большинство из них пустуют по вполне тривиальным причинам.

Слободанке было страшно в этом месте, и она волей-неволей старалась держаться поближе к Джейсону. Они прошли через заброшенные ангары, лаборатории, тренажерные залы, жилые блоки… везде было пусто. И тихо, как в гробу. В каждом помещении, через которое они проходили, Джейсон оглядывался на Сэнуму, несущую на руках Ёрикоби, и та отрицательно качала головой: не здесь.

— Что мы ищем? — спросила Слободанка. Ее голос эхом пронесся по помещению: ищем, ищем, ищем…

— Что можно искать на заброшенной десятки лет назад базе? — спросил Джейсон и сам ответил: — Информацию, конечно.

— Какую? — спросила Слободанка.

— Ту, ради которой марсиане не побоялись

пробраться туда, где им, мягко говоря, не рады, — ответил Джейсон. — Что это за информация, я понятия не имею, если честно.

Ёрикоби утробно ухнул. Сэнума кивнула головой в сторону одного из проходов:

— Туда.

Проход оказался коротким, он привел их в помещение, по-настоящему испугавшее Слободанку. Это был большой, особенно по сравнению с остальными помещениями, круглый зал с прозрачной крышей. В центре зала плавала голограмма в виде серебристого шара, по поверхности которого были рассыпаны красные искорки. Некоторые из искорок были, впрочем, не красными, а серыми.

Вошедшие в зал замерли, глядя на эту величественную голограмму, и не сразу обратили внимание на все остальное. А вот как раз все остальное и напугало Слободанку. По окружности зала располагались стойки с оборудованием, голографические экраны которых были выключены. Перед стойками было расположено по кругу шестнадцать кресел с высокими спинками, и кресла эти не пустовали…

Шестнадцать мертвецов, одетых в архаичные скафандры середины XXI века. У некоторых на

коленях лежало оружие, у других оно валялось рядом с креслом. Эти люди были давно мертвы, но консервация в искусственном климате зала сохранила тела, превратив их в мумии. Шестнадцать человек: восемь парней, восемь девушек. Молодые — не старше двадцати — и чем-то похожие друг на друга.

Испуганная Слободанка постаралась отвернуться от этого зрелища, хотя мертвецы окружали их. Она посмотрела на голограмму… и напрасно. За голограммой она заметила еще одно, более массивное кресло. Труп, занимавший это кресло, сохранился хуже — нос провалился, губы ссохлись и обнажили оскал зубов… Глаза трупа были открыты, и этот остекленевший взгляд испугал Слободанку настолько, что она вскрикнула.

Джейсон, стоявший позади нее, осторожно обнял Слободанку за плечи:

— Не бойтесь. Эти люди мертвы, и мертвы уже давно.

— Я не б-боюсь, — соврала Слободанка. Стараясь не обращать внимания на труп, который, казалось, видел ее усилия и насмехался над ними, Слободанка подошла к столу с голограммой. — Что это за штука?

Она протянула руку и осторожно коснулась се-

ребристой поверхности шара. Сэнума, стоявшая позади нее, ахнула. Вокруг Слободанки появились какие-то графики, какие-то колонки цифр.

— Судя по всему, это описание какой-то планеты, — сказал Джейсон, внимательно глядя на появившиеся графики. — Ну да, параметры орбиты… — Он наморщил лоб. — Интересно, Зулу, мне одному это кажется странным?

— Что именно? — спросила та. — Да, это описание планетоида. Диаметр — четыре тысячи двести тридцать шесть километров…

— Золотое сечение в кубе, — заметила Сэнума.

— Он побольше Ио, — сказал Джейсон, — но меньше Меркурия, хоть и ненамного. А масса?

— Этого не может быть! — удивилась Зулу. — Ее масса примерно в пять раз меньше, чем у Луны. Из чего же она состоит, из газа?

— Вы другие параметры посмотрите, — предложила Сэнума. — Я не астроном, конечно, но тут не только масса, тут все ненормально!

— Пока вы тут спорите, может, спустишь меня на пол? — спросил Ёрикоби, сидевший на руках у Сэнумы. — Я чувствую, что то, что мы ищем, где-то совсем рядом.

— Что вы имеете в виду? — уточнил Джейсон, пока Сэнума выполняла просьбу своего напарни-

ка. Вместо ответа та, распрямившись, щелкнула по одной из записей. Появилась картинка в виде красного эллипса, в одном из фокусов которого было крохотное, но хорошо узнаваемое схематическое изображение Солнца.

— Это орбита кометы, — уверенно сказала Зулу. — У планеты такой орбиты быть не может.

— Где ты видела кометы диаметром в четыре тысячи километров? — спросил Джейсон.

— Эксцентриситет, почти гиперболический, — добавила Сэнума. — Почти — но не совсем. Наклон к плоскости эклиптики — под девяносто градусов.

— Чушь! — в один голос сказали Джейсон и Зулу. Джейсон добавил: — Быть этого не может.

— Период обращения — тысяча триста тридцать два года, шесть месяцев и одиннадцать дней, — продолжала Сэнума. — Но и это еще не все.

Щелчком она свернула запись в трей и развернула другую — с красной дугой и более крупным изображением Солнца. Были здесь и другие планеты — Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн, чинно вращавшиеся в плоскости эклиптики.

Зулу и Джейсон молчали, глядя на то, что было на схеме. Слободанку это напугало.

— Что там? — спросила она. — Почему вы молчите?

— Это розыгрыш, — выдавила из себя Зулу. — Это чей-то, мать его, проклятый розыгрыш!

— Это не планета. — Джейсон коснулся одного из участков траектории полета, отмеченного красным крестиком. Перед ним высветилась дата: шестое мая две тысячи пятьдесят шестого года. Если верить схеме, в это время «планета», зачем-то «нырнув» от своей нормальной эллиптической орбиты к плоскости эклиптики, вновь стала удаляться от нее, словно корабль, пытающийся вернуться на прежний курс.

— Не планета? — удивилась Зулу. — А что тогда?

— Планетолет, — сказал Джейсон. — Огромный космический корабль.

* * *

Вход в центр управления они нашли там, где указал Ёрикоби. Перед этим им пришлось преодолеть несколько полос инженерных заграждений и отбиться от нескольких групп механоидов. К счастью, группы были небольшими.

Вход они нашли, но его перекрывала массивная дверь, замка на которой не было и в помине.

— Надо было Марка с собой брать, — проворчал Ромео. — Как мы откроем эту дверь?

— Можно я попробую? — спросила Джульет. Командир группы, Железный Роб, кивнул — дескать, пробуй. Девушка робко подошла к огромной двери и, к удивлению всей команды, приложила ухо к иссеченному ветрами полотну.

— Что она надеется услышать? — спросил Эдиссон. — Роб, может, нам попробовать роботами ее разнести?

— Кого? — не понял (или сделал вид, что не понял) Железный Роб. — Джульет?

— Скажешь тоже, — отмахнулся от него Эдиссон. — Дверь, конечно.

И тут раздался скрежет, и створки двери (оказывается, то, что они принимали за монолитную панель, состояло из двух половин) стали расходиться.

— Как это у нее получилось? — удивился Эдиссон, а Ромео просто ошарашенно глазел на скромно отошедшую в сторонку Джульет.

За дверями было темно, но Эдиссону показалось, что в этой темноте что-то движется. Он подключился к своим роботам, чтобы отдать им приказ зайти внутрь для разведки, но его остановила тяжелая рука Железного Роба:

— Тише. Лучше приготовься…

Эдиссон не успел спросить к чему — из темноты открывшегося прохода стали один за одним вылетать черные беспилотники. На бойцов Спецкоманд они не обратили ровно никакого внимания, словно тех и не было на склоне; вместо этого необычные аппараты открыли огонь по густым зарослям внизу, которые команда миновала, взбираясь на гору.

Из зарослей по ним тут же открыли ответный огонь.

* * *

Гарри Фишера разбудил тихий смех. Этот смех ни с чем нельзя было спутать. Его так и не сумела скопировать Хокма. Так смеяться умел только один человек.

Она сидела в изножье кровати, вся в белом, как невеста. Гарри так хотелось броситься к ней, обнять, прижать к себе… но он не стал. Он боялся, что она исчезнет, развеется, как всякое видение. Пусть будет хотя бы так. Хотя бы как игра его воображения.

— Джинна…

— Что, Гарри, — спросила она, — трудно быть богом?

— Да какой я бог? — махнул рукой Фишер. — Я же червь, а не человек…

— Ты причинил мне столько боли, — сказала Джинна, — а я снова и снова возвращаюсь к тебе. Не хочу, боюсь тебя как огня — и возвращаюсь…

— Так зачем же возвращаешься? — спросил он хриплым от волнения голосом. — Если тебе так плохо со мной.

Она молчала.

— Думаешь, я хотел быть богом? — невесело рассмеялся Гарри Фишер. — Ты не поняла? Все это: вечная жизнь, вечная молодость — разве для меня все это было? Разве о себе я думал? Нет, Джинна, я делал это *для тебя*.

Она опять рассмеялась:

— Лгунишка. Ты сам запутался в своей лжи. Да, Гарри, ты явно не бог. У тебя было двести лет, которые подарил тебе Лев Ройзельман, — и что ты успел за это время? Стал королем жалкого Марса?

— Лучше царствовать в аду… — начал Фишер, но она его перебила:

— Я тоже читала Мильтона. Ты это пыльное место считаешь своим царством, да? Гарри, Гарри… но мне тебя жаль. Не знаю почему.

— Не надо меня жалеть, — пробормотал Фи-

шер.

— Надо, — жестко ответила Джинна. — Без этой жалости ты погибнешь. Ты думаешь, твоя старость будет быстрой, как у тех, кого ты карал с помощью своих маленьких демонов Ройзельмана? Нет, Гарри, ты состаришься так, как старился бы, не будь в твоей крови Януса. Еще сорок, может, пятьдесят лет дряхления, немощи, боли…

Она встала и подошла ближе:

— …но мне жаль тебя. И это твой единственный шанс. Возьми.

От ее пальцев пахло… странно. Так пахнет в заброшенных домах, в старинных склепах, где давно не осталось даже скелетов. Между большим и указательным пальцем Джинны был зажат крохотный, сложенный вчетверо листок бумаги. Гарри не решился развернуть его *при ней*.

Она наклонилась и коснулась губами его лба. Ее губы были холодны, как у мертвеца.

— Не подведи меня в этот раз, — сказала она. — Воспользуйся тем, что ты еще молод, еще силен, еще имеешь власть. Ты знаешь, что делать.

На мгновенье Фишер уловил знакомый запах духов Джинны. Он потянулся к ней, но Джинна, легонько толкнув его в грудь, повалила Гарри на кровать:

— Бывай, Гарри. Не будем прощаться. Я все-таки надеюсь тебя еще увидеть.

Проснувшись уже по-настоящему, Гарри вновь почувствовал этот неуловимый аромат. Не просто духов — духи могут быть абсолютно одинаковыми, но на коже разных женщин они оставляют совершенно разный аромат. Источником запаха оказался крохотный листок давным-давно не применявшейся бумаги, сложенный вчетверо. Гарри осторожно развернул листок, заглянул в него…

…и сразу попросил Хокму связать его с Тедом Дэвиссоном.

— Я сам хотел вас набирать, — сообщил тот. — Сегодня Уорвик прибыл на борт «Зверя из бездны». Корабль заправляют. Похоже, кригский-миссар куда-то намылился.

— Как твой «Агасфер»? — спросил Фишер.

— Заправлен и готов к вылету, — ответил Тед. — Как только «Зверь» поднимется из своей бездны…

— Отставить, — сказал Фишер. — Приготовь для меня адмиральский салон и жди. Как только я прибуду, стартуем.

— Куда? — спросил Тед.

— Много будешь знать, скоро состаришься, —

улыбнулся Фишер, понимая, что в его случае эти слова вполне можно расценивать как угрозу.

* * *

— Тебе нравится твое имя? — спросил Браво.

— Никогда не спрашивай меня о таком, — ответила Вера-Амели.

— Почему? — заинтересовался Браво.

— Мое сознание основано на протоколах, — ответила Вера-Амели. — Среди них много старых, но действующих. Когда-то я была випочкой, и, согласно базовому протоколу для таких андроидов, мы обязаны на вопрос «тебе нравится?» всегда отвечать «да». Наверно, это было неправильно. Может быть, так мы провоцировали агрессию в наш адрес. Если всегда все разрешать — человек рано или поздно переступит любую границу дозволенного.

Они молчали. Горизонт был пустынен, «Рефорджер» дрейфовал в проливе у острова Непин.

— А ты не пробовала… — Браво не знал, как сказать то, что он хотел сказать, — …не руководствоваться протоколами?

— Как это? — спросила Вера-Амели.

— Просто забудь, что они существуют, — предложил Браво. — Ответь не так, как предписывает

программа, а так, как ты *сама* думаешь.

— Не знаю, получится ли у меня… — с явным сомнением сказала Вера-Амели.

— Может, попробуем? — спросил Браво. Вера-Амели неуверенно кивнула. — Тогда давай сначала. Тебе нравится твое имя?

Вера-Амели молчала. Молчала она долго, и Браво уже решил, что она ему не ответит.

— Да, — сказала она. — Нравится. Но не потому, что так велит мне программа! Я могу объяснить: оно мне нравится потому, что так…

— Прости, — сказал Браво. — Обязательно доскажи мне свою мысль потом. У нас появилась работа.

Почти касаясь кромок высоких волн стальными брюхами, с востока к Норфолку приближались три крейсера. Каждый из них был больше и сильнее «Рефорджера». А цвет их корпусов, напоминающий свернувшуюся кровь, давал ясное представление о том, в каких кузницах построили эти грозные корабли.

* * *

— Корабль? — переспросила Зулу. — Чей корабль?

— Понятия не имею, — ответил Джейсон. — Но,

сама понимаешь, ни Марс, ни Земля такой построить не могли.

— Инопланетяне? — фыркнула Зулу. — Ты сам-то в это веришь?

— Неважно, во что я верю, — ответил Джейсон. — Важно то, что есть на самом деле. Такой планетолет может, изменив курс, запросто разрушить всю Землю.

— Почему же до сих пор не разрушил? — спросила Зулу.

— Сейчас он лежит в дрейфе, — ответил Джейсон. — На нем нет экипажа…

— Ошибаетесь, — перебила его Сэнума. Она осторожно щелкнула по одной из красных искорок, и та тут же развернулась в маленькое досье с голографической фотографией. На фото был темнокожий молодой парень, ничем на первый взгляд не примечательный.

Текст рядом с голограммой гласил:

0441– α.

Пол: мужской.

Имя: **Айзек Аарон Мосли**.

Дата рождения: 20.10.2042.

Место рождения: Одесса, штат Флорида, США.

Место зачатия: Центр Ройзельмана, Сент-Питерсберг, Флорида, США.

Генетическое соответствие: 24 %.

Статус на сегодня: действующий. Параметры организма в норме.

Курирует **Создание 4.**

— Две тысячи сорок второй? — переспросила Слободанка. — Это сколько ж ему лет?

— Чуть больше, чем сэру Уоллесу, — ответил Джейсон. — Но явно меньше, чем Фишеру.

Слободанка протянула руку и коснулась еще одной звездочки, более крупной. Пожалуй, самой крупной из всех. Чтобы дотянуться до нее, ей пришлось встать на цыпочки, но оно того стоило.

На голограмме был мужчина средних лет. Красивый, но чуть резкие черты лица придавали ему сходство с какой-то хищной птицей. Текст гласил:

Лев Ройзельман.

В настоящий момент: **Дуглас Спенсер.**

Пол: мужской.

Дата рождения: 07.01.1974.

Место рождения: Горня Подгорица, Норик, СФРЮ.

Генетическое соответствие: в настоящий момент — 100 %.

Использует организм **Создания 6.**

Статус на сегодня: действующий. Параметры

организма соответствуют.

— Ройзельман? — переспросила Сэнума. — Тот самый Ройзельман, который…

— Тот самый, можете не сомневаться, — ответил Джейсон. — Он, получается, старше Фишера, хотя и ненамного.

— Этого не может быть, — сказала Слободанка. — Как? Почему?

— А почему до сих пор живы те, кого экстрадировали на Марс? — спросил Джейсон. — И почему ваш крестный живет уже третий век?

Слободанка не ответила. Она посмотрела на Ёрикоби. Тот бродил возле кресла мертвеца, и вид у собаки был недоуменный. Подчиняясь непонятному порыву, Слободанка пошла в его сторону.

— Если сложить два и два, у нас получается вот что, — сказал Джейсон. — Отметаем возможности мистификации или ошибки. Ради ошибок и мистификаций такие танцы с саблями не устраивают. Значит, где-то в космосе есть планетолет, лежащий в дрейфе. Он способен совершать орбитальные маневры, что само по себе опасно — стоит ему приблизиться к Земле, как приливные силы устроят нам маленький, но вполне неотвратимый апокалипсис. При грамотном подборе точки вторжения, например, можно

устроить столкновение Земли с Луной. Судя по данным «марсианского маневра», эта дрянь способна на такое.

Ёрикоби сел. Он смотрел на труп, занимающий место в кресле перед диаграммой. Шерсть на загривке пса встала дыбом.

— Планетолет оккупирован неизвестными землянами, — продолжил Джейсон, — под руководством величайшего преступника Льва Ройзельмана. Мстительность Ройзельмана и его нигилизм общеизвестны. Каждый из нас знает о них еще от школьных лекторов. Вывод…

Слободанка присела на корточки рядом с собакой:

— Ёрикоби-кун, ты чего?

— Не нр-р-равится… — зарычал пёс, неотрывно глядя на труп в кресле. — Он дер-р-ргается. А чип у него в голове.

— Ну что ты, — улыбнулась Слободанка. — Он же мертв, давно мертв.

Только сейчас она заметила на груди трупа бейдж:

Дуглас Спенсер

Значит… значит, голограмма врала? Спенсер мертв? Слободанка поднялась на ноги, чтобы поделиться этой новостью с командой, но не

успела.

С каким-то противным хрустом вместе с ней из кресла поднялся мертвец. Раздался лязг оружия — следом поднимались с кресел другие мертвецы. Те, кто выронил оружие, нагибались за ним; вооруженные — целились в участников команды.

Застыв как соляной столб, Слободанка наблюдала за тем, как из рук мертвеца появляются длинные лезвия, похожие на ниндзя-то Джейсона. В полной тишине труп сделал шаг и замахнулся, явно намереваясь рубануть по Слободанке…